

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 3 / 2020

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-01-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Историки права о теории и политике права

Исаев И.А. Институты и бюрократия:

взаимодополняющие части «машины» 3

Гоголева Т.Ю. Научно-методические аспекты преподавания историко-правовых дисциплин 10

Румянцева В.Г. Статика и динамика права: революционные социологические взгляды в познании права 15

Никитина А.А. Развитие государственной политики высшего образования в 1920-е годы 19

Кувырченков Н.С. К истории возникновения института безальтернативных выборов в СССР 23

Данилова Н.В. Законодательная регламентация «доносов» в России в период правления Петра I: особенности, обязанности, ответственность и поощрение 26

Историки права о конституционном и хозяйственном строительстве

Приходько М.А. Почтовое ведомство

Российской империи в начале XIX в. 31

Филиппова Т.П. Становление конституционного права в Германии в XIX в. 36

Мележик И.Н. Изменение государственного и правового устройства Италии под влиянием Наполеона (1800–1815 гг.) 42

Зайцева А.А. К вопросу о правовом регулировании брачно-семейных отношений в соответствии с положениями Свода законов Российской империи 47

Берзина А.А. Формирование правого крыла в партии социалистов-революционеров и эволюция политических взглядов И.И. Фондаминского 52

Байгарина А.Е. Правовое регулирование денежного дела и денежного обращения в Русском государстве в XV–XVI вв. 58

Власть и представительство: опыт истории

Коновалова А.Г. «Предыстория» парламентаризма в России IX–XVII вв.: особенности отечественного развития конституционно-правовой теории и практики государственного строительства 63

Черкасова М.А. Рецензия на монографию Серегина Андрея Викторовича: Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления : монография (М. : Юрлитинформ, 2018. 208 с.) 68

Ядрихинский С.А. Научные взгляды Г.Ф. Шершеневича на понятие «законные интересы» 73

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 27.02.2020.

Номер вышел в свет 11.03.2020.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Объединенный каталог.

Пресса России — 85492 (на полуг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга,

ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 3 / 2020

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushhenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., PhD (Law),
associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;
Klimenko A.I., LL.D.,
associate professor;
Nedobezhkin S.V., PhD (Law),
associate professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Law Historians on the Legal Theory and Politics

Isaev I.A. Institutions and Bureaucracy:

Complementary Parts of the 'Machin'3

Gogoleva T.Yu. Scientific and Methodological Aspects
of Teaching Historical and Legal Disciplines.....10

Rumyantseva V.G. Statics and Dynamics of Law:
Revolutionary Sociological Views in Cognition of Law.....15

Nikitina A.A. Development of the State Higher
Education Policy in the 1920s19

Kuvyrchenkov N.S. On History of Origination of the
Institution of Non-Alternative Elections in the USSR23

Danilova N.V. Legal Regulation of 'Denunciations'
in Russia in the Period of Rule of Peter the Great:
Peculiarities, Obligations, Liability and Encouragement...26

Law Historians on Constitutional and Economic State Building

Prikhodko M.A. The Postal Authority of the Russian
Empire in the Early XIX Century.....31

Filippova T.P. Establishment of Constitutional Law
in Germany in the XIX Century.....36

Melezhik I.N. Change of the State and Legal Structure
of Italy under the Napoleon's Influence (1800 to 1815).....42

Zaytseva L.A. On Legal Regulation of Marriage
and Family Relations Pursuant to Provisions
of the Code of Laws of the Russian Empire.....47

Berzina A.A. Establishment of the Right Wing
in the Socialist Revolutionary Party and Evolution
of I.I. Fondaminsky's Political Views52

Baygarina A.E. Legal Regulation of Money Matters
and Monetary Circulation in the Russian State
from the XV to the XVI Century58

Power and Representation: Historical Experience

Konovalova L.G. 'Prehistory' of Parliamentarism
in Russia from the IX to the XVII Century:

Peculiarities of National Development of the
Constitutional Law Theory and State Building Practice.....63

Cherkasova M.A. A Review of the Monograph
by Andrey V. Seregin Democratic Dictatorship and
Autocratic Democracy: Comparative Law Research

of State Administration Models: monograph /
A.V. Seregin. Moscow: Urlitinform, 2018. 208 s.68

Yadrikhinskiy S.A. G.F. Shershenevich's Scientific
Views on the Legal Interests Concept.....73

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper No. 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 10.

Conventional printed sheet 10.

Passed for printing 27.02.2020.

Issue was published 11.03.2020.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

United Catalogue. Russian Press — 85492

(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya,

Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-3-9

Институты и бюрократия: взаимодополняющие части «машин»*

Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru

В статье исследуется один из важнейших феноменов политической науки — бюрократия. Этот феномен представляет собой прототип «идеальной» машины управления и власти. Реализацию этих функций бюрократия осуществляет через сложную систему институтов и норм. Машинообразный характер бюрократических структур и функционирования опосредован связями с воздействием технических новаций и технологического прогресса. Государственный аппарат воспринимает все черты технизма как метода, осуществляет репродукцию их в социальную жизнь.

Ключевые слова: аппарат, машина власти, порядок, легальность, норма, закон, право, власть, государство, институт, механизм, бюрократия, техника, прогресс.

Institutions and Bureaucracy: Complementary Parts of the 'Machine'

Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article reviews bureaucracy as one of the most important phenomena of the political science. This phenomenon presents a prototype of the 'ideal' administration and power machine. Bureaucracy performs these functions via a complicated system of institutions and provisions. The machinelike character of bureaucratic structures and functioning is indirectly linked to the influence of technical novelties and technological progress. The government machine perceives all traits of technicism as a method, reproduces them in the social life.

Keywords: machine, power machine, order, legality, provision, act, law, power, government, institution, mechanism, bureaucracy, machinery, progress.

В древности политическое искусство должно было доставлять благо для полиса. Техника оставалась искусством и служила той же цели. Леонардо придал технике многообещающую таинственность. И тогда же Макиавелли в «Государе» предложил чисто техническую рационализацию политики, превратив в рациональную систему те принципы действия, которым люди чаще всего следуют в действительности, подчиняя свое поведение искусствен-

ным формам и правилам: «Хорошей политикой, по определению, стала политика неморальная и успешная: искусство завоевания и удержания власти любыми средствами» (Ж. Маритен). Могущество — вот та сила, которая подчиняет себе. Власть — только право направлять и приказывать: власть только предполагает могущество, могущество же без власти есть тирания.

Такие явления, как кристаллизация политических структур, рост числа

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-19-16124.

средств государственного воздействия на рождение нового политического класса, необратимы, пока они существуют. Государство удерживало за собой все, что оно как-то обрело силой и террором, но удерживало теперь уже при нормализованных обстоятельствах институционализированным, т.е. спокойным, способом.

Арнольд Гелен выводил понятие института из системы нормализованных ожиданий и напряжений, в результате чего происходил компромисс между «разгрузками и нагрузками», т.е. возникало «стабилизированное напряжение», олицетворенное в порядке и ориентированное на латентное¹. Такой порядок, поддерживаемый институтами, представлял собой нейтральную инфраструктуру, а стражи порядка — беспристрастных бюрократов.

Все реформы, предпринятые политическими деятелями, способны были только сделать администрацию более самостоятельной и тем самым еще более ослабить эффективность политических решений. Обещанное уже ранним коммунизмом «отмирание государства» только открыло путь к триумфальному шествию бюрократии и тотальной бюрократизации: «В той мере, в какой бюрократия проникает в политический механизм... она по существу сама становится государством»². М. Вебер полагал, что бюрократия появляется, когда мы имеем дело с людьми, отделенными от функции.

Принудительность общества была основана не на механизмах социального контроля, а на власти конституирования и способности представлять себя в качестве реальности: институты, роли и идентичности существовали как объективно реальные естественные феномены в социальном мире, несмотря на то, что они, как и сам мир в целом, были всего лишь результа-

том деятельности человека. Социально сконструированный мир становится системой упорядочивающего опыта. Осмысленный порядок (номос) вносится в разрозненные опыт и смыслы индивида: «Природа отказала человеку в механизмах, которыми обладают другие животные, и потому он вынужден был организовать опыт, внося в него собственный порядок»³.

Но лишь в самых простых системах использование принуждения могло быть предельно или абсолютно централизованным. Более комплексные системы были способны централизовать только сами решения об использовании принуждения, для чего в них и должна была существовать особым образом сформированная власть — некий орган принуждения. «Общество оказывается перед необходимостью развивать свои субституты для точного сравнения властных уровней, и эти субституты тогда сами становятся факторами власти». «А рождающиеся иерархии постулируют асимметричное распределение власти: иерархия тем самым освобождает от необходимости всякий раз вычислять степень властных полномочий того или иного представителя власти»⁴.

В механизме «сословного разделения властей» отдельные группы сословно привилегированных субъектов через компромисс со своим властителем-сувереном формировали политические и управленческие уставы и принимали решения, значимые для отдельных территорий и социальных групп. При этом целостность государственного организма не подвергалась сомнению и деформации, динамическая асимметрия управления обеспечивала на горизонтальном («сетевом») уровне устойчивость властной вертикали.

Первоначально совокупность результатов эволюции определялась по-

¹ См.: Слотердайк П. Сферы. Т. III. СПб., 2010. С. 485–486.

² Эллюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2007. С. 155, 267.

³ Бергер П. Священная завеса. М., 2019. С. 25, 31.

⁴ Луман Н. Власть. М., 2000. С. 20, 82.

средством соответствующих начальных единств (архэ, основания), или «сверхразума Провидения». Позднее такие воззрения на единство, допускавшие лишь различие по отношению к неопределенному иному, сменились единством различия (изменчивость — отбор, случайность — необходимость, порядок — беспорядок). Известно, что именно иерархии всегда чреватые конфликтами.

Идея конституции, рожденная в Греции и прошедшая через обработку римским правом, возрождалась в Новое время как идея, независимая от каково бы то ни было трансцендентного принципа, как идея конструктивистская. Логика конституционного правления и строительств стали логикой имманентного, собственно человеческого.

Традиция, идущая еще из античности, вела речь о целостности, состоящей из частей. Целое воспринималось как нечто единое, как совокупность частей, но одновременно и как нечто большее, чем их сумма. Только в XVIII в. рождается категория «всеобщего»: целостность мира как всеобщее должна была быть представлена и в самом человеке, чему способствовало господство разума, нравственного закона и других априоризмов, рожденных просвещенной идеализацией. Абстрагирование от общественных отношений порождало постулат «свободы господства» как основного условия ограниченного представительства такого всеобщего в человеке: «Дух или материя должны были встать на длительный путь реализации всеобщего в особенном»⁵.

Однако в парадигме целого и его частей трудно было адекватно оценить некоторые необъяснимые свойства — будь то свойство целого, которое оказывалось больше суммы своих частей; либо свойство вершины иерархии, амбициозно представляющей целое. (Обе возможности можно было просле-

дить и в политической семантике — «в форме обязанности быть лояльным к "общему благу" или в форме нередуцируемого момента произвола (суверенитета) главы государства»⁶.)

Строительство государства и конституции осуществлялось одновременно с «народом против народа» (П. Бурдые). Государство и гражданское общество находились всегда в сложных отношениях друг с другом. Строить государство — значило поддерживать интеграцию подвластных, центристремительную тенденцию. (Макс Вебер говорил о политике «одомашнивания подвластных»: государство должно было приручать опасные для него классы, вводить их в политическую игру⁷.) Это станет частью той биополитики, которая будет пытаться регулировать глубинные и обширные пласты «голой жизни» общества, включая их в сферу политического.

Единство (суммарное) и целостность (более чем сумма частей) для машины имеют неравную значимость. Сумма может означать и неработающую машину или модель, целостность же дает машине возможность в своем действии выходить за пределы тех объемов и смыслов, которые в нее вложены создателем. С этого начинается открытие «сущности» машины, оставляя «форму» в прошлом.

Функциональное назначение отдельных деталей машины делает их незаменимыми в сложном единстве. С этой точки зрения все они равноценны. И чем сложнее машина, тем более чуткой система становится по отношению к каждому отдельному элементу, множественность порождает уравнивание. Элементы становятся взаимозаменяемыми, если эту операцию осуществляет трансцендентная инстанция. Система или сеть не могут существовать без своей соотносительности с воображаемым центром или множеством центров, в системе — это

⁶ Там же. С. 34–35.

⁷ Бурдые П. О государстве. М., 2016. С. 649.

⁵ Луман Н. Социальные системы. С. 28–29.

управляющий пульс, в сети — анонимное множество дрейфующих центров. В процессе своей миграции центры формируют видимые структуры, образования, которые включают в себя группы элементов, идей или властных импульсов.

Как считал Арнольд Гелен, основной функцией институтов является обеспечение стабильности социального поведения. В Новое время поведение формировалось под знаком субъективности и в процессе демонтажа существовавших институтов. В этой ситуации человеческую открытость миру, полную риска и непредвиденности, как раз и могли бы взять под защиту «генерализованные предписания», дающие стабильность представлению о мире, но сокращающим свободу действий человека. Институты выступали как стабилизирующие власть формы, как система руководства поведением.

«Институты общества, его устройство, законы, стили поведение, существующие формы взаимодействия, которые даны в качестве экономических, политических, социальных и религиозных порядков... функционируют между людьми в качестве внешних опор, и тем самым делают... надежной внутреннюю сторону морали». Жизнь должна быть подчинена «спокойной силе нравов и положительных примеров»⁸. (Человека Гелен определял как «институт в единичном случае», что может рождать ассоциации с «человеком-машиной» Ламетри. Институты позволяют перегруженное аффектами человеческое существо в состоянии стабильности, идеалом которого по Гелену является квазиавтоматическое ритуальное поведение, свойственное первобытным институтам.) Институты — не более чем организованное доверие, коллективная функция, признанная этой верой ре-

альностью и в силу этого становящаяся реальностью (П. Бурдьё).

Причина и смысл института или административной меры заключаются не в «воле индивида или группы, но в поле антагонистических взаимодополняющих сил», где и зарождается воля и определяется реальность институтов и их предвиденных и непредвиденных воздействий. При этом подчинение трансцендентным объективным целям не оформляется и не ставится в самой практике: «Подчинение совокупности практических действий некому-либо одному объективному намерению — это своего рода дирижирование в отсутствие дирижера», осуществляется лишь благодаря согласию, устанавливающемуся «как бы вне агентов и поверх их голов, между тем, что они есть, и тем, что они делают, между их субъективными прозваниями» и их объективной «миссией»⁹. Государство вносит существенный вклад в производство инструментов построения социальной действительности, формируя устойчивые диспозиции с помощью принуждений, мыслительной и телесной дисциплины.

М. Вебер в своем анализе феномена господства между харизмой и традицией располагал «выхолощенную повседневность». При этом универсальный тип легального «штаба управления» приобретает особую важность в повседневной жизни, ибо здесь «господство — это прежде всего управление».

Бюрократическая организация основывается на собственном типе рациональности, отличной от субстанциональной рациональности, и под действием научно ориентированного мышления организация развивает собственную инерцию, уклоняясь от человеческого контроля. Безличный технический прогресс начинает угро-

⁸ См.: Немецкая социология. СПб., 2003. С. 336–337.

⁹ Бурдьё П. Мертвый хватает живого. Социология социального пространства. М., 2008. С. 126–131.

жать военными и социальными конфликтами.

И тогда институты приобретают видимые и необходимые качества неотвратимости, устойчивости и долговечности, ведь сами они легитимируются авторитарнейшей трансцендентной инстанцией: «С точки зрения космической легитимации институты магически возвышаются над человеческими и историческими лицами». «Космизация» институтов на уровне индивидуальных сознаний сопряжена с представлением о высшей справедливости. Религиозная легитимация интерпретирует социальный порядок через всеобъемлющий порядок Вселенной, а нарушение порядка связывает с зияющей бездной хаоса: «Выступление против общественного порядка всегда оборачивается риском погружения в хаос, а отрицающий порядок индивид рискует оказаться в негативной реальности, хаотичной и деструктивной "в царстве монстров и демонов"»¹⁰. «Бог из машины» — еще самый безобидный из них.

Но даже «дьявол подчас выступает носителем некоторого порядка, выстроенного на основе различий, и должен их воспроизводить. В Средневековье он оказывался космологическим адвокатом всего того, что действует чересчур уж хаотично... Во всяком случае он является вторичным принципом, всегда зависимым от того, что невозможно безнаказанно наблюдать. Его проблема — трансцендентальное единство Единого, Истинного и Доброго... Он способен был наблюдать то, что он наблюдать не в состоянии»¹¹. Сакральное всегда обращено и к Небу, и бездне одновременно...

Государство, как юридическое пространство и парламент, как институт и юридически заданное пространство, доминирует как то политическое поле, на котором только и возможна офици-

альная политика. Институт «овеществляет» идеи и усилия, кристаллизует энергии, затраченные человеком и машиной. Он является итогом эволюционных изменений и революционных преобразований. Система строится из институтов, машина собрана из узлов и блоков. Институт конкретизирует в себе собственную нормализацию, которая и превращает сферу институтов в нечто большее, чем в простую сумму. (Институты должны, согласно своим правилам, облегчать осуществление изменений и конфликтов, а значит — и противодействие господству, и сопротивление. «...Парламенты, выборы и прочие элементы традиционной демократической политической машины являются не единственным ответом на актуальный вопрос открытости. Но в любом случае такие институты должны допускать конфликты; они должны служить центром контроля над властью, а не ее камуфляжем с помощью идеологии гармонизации, и они сами должны допускать перемены в замысловатом мире сложного современного общества. Произвол власти в конечном счете всегда натакивался на институциональные пределы»¹².) И тогда выравнивание и стабилизация именуется справедливостью.

Во всяком обществе коммуникация предшествует институциональной жизни, а та — уже деятельности. Развитая инфраструктура говорит о высокой степени коммуникативного и нормативного единства общества. Будь то римские дороги или информационные сети современных массмедиа, высокий уровень их развития указывает на тенденцию социальной и политической централизации. Уже существующие институты в своей совокупности порождают новую политическую надстройку, возвышающуюся над ними, существование которой необходимо для единства сети.

¹⁰ Бергер П. Указ. соч. С. 52; Бурдьё П. Мертвый хватает живого. С. 126–131.

¹¹ Цит. по: Луман Н. Власть. С. 227.

¹² Дарендорф Р. Тропы из утопии : Работы по теории и истории социологии. М. : Праксис, 2002. С. 425.

Эту функцию стремится осуществлять государство.

Противоположность права (легальности) и нравственности (моральности) существует в правоведении как неустранимое напряжение между разными сферами культуры. Здесь наука нередко оказывается в заметном противоречии с государством, поскольку нередко ею отрицаются связи, основанные на власти и авторитете, т.е. на установленном порядке. Но, поскольку в практических целях всякая духовная коммуникация все же должна быть

основательно институционализирована и организована (и финансирована), «государство воспринимает все духовные импульсы всей общественной жизни и преобразует их при помощи соответствующих институализирующих действий»¹³. Монополизируя силу принуждения, государство ставит вне закона все альтернативные виды господства. И институты упорядочивают насилие, нравится нам это или нет.

¹³ Шпанн О. Философия истории. СПб., 2005. С. 271.

Литература

1. Бергер П. Священная завеса: элементы социологической теории религии / П. Бергер ; перевод с английского Р. Сафронова. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. 205 с.
2. Бурдьё П. Мертвый хватает живого : перевод Ю.М. Ледовских // Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; ответственный редактор перевода Н.А. Шматко. Москва : Ин-т экспериментальной психологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. С. 121–156.
3. Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдьё ; под редакцией П. Шампана, Р. Ленуара, Ф. Пуло и Мари-Кристин Ривьер ; перевод с французского Д. Кралечкина и И. Кушнарева ; предисловие А. Бикбова. Москва : Дело, 2016. 718 с.
4. Дарендорф Р. Тропы из утопии : Работы по теории и истории социологии / Р. Дарендорф ; перевод с немецкого Б. Скуратова и В. Близнакова. Москва : Праксис, 2002. 534 с.
5. Луман Н. Власть / Н. Луман ; перевод с немецкого А. Антоновской. Москва : Праксис, 2001. 249 с.
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; под редакцией Н.А. Головина ; перевод с немецкого И.Д. Газиева. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 641 с.
7. Немецкая социология / Р. Шпакова, Ю. Перов, Ф. Крузе [и др.] ; под редакцией Р.П. Шпаковой. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 561 с.
8. Слотердаик П. Сферы. Т. 3. Пена / П. Слотердаик ; перевод с немецкого К.В. Лощевского. Санкт-Петербург : Наука, 2010. 922 с.
9. Шпанн О. Философия истории : предварит. размышления о сущности истории, учение об ист. категориях, метафизика истории / О. Шпанн ; перевод с немецкого К.В. Лощевского. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 484 с.
10. Эллюль Ж. Политическая иллюзия : эссе / Ж. Эллюль ; под общей редакцией В.И. Даниленко ; перевод с французского В.В. Лазарева. Москва : NOTA BENE, 2002. 430 с.

References

1. Berger P. Svyaschennaya zavesa: elementy` sotsiologicheskoy teorii religii [The Sacred Canopy: Elements of a Social Theory of Religion] / P. Berger ; perevod s angliyskogo R. Safronova. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — translated from English by R. Safronov. Moscow : New Literary Overview, 2019. 205 s.
2. Bourdieu P. Mertvy` y khvataet zhivogo : perevod Yu.M. Ledovskikh [The Dead Catches the Living : translation by Yu.M. Ledovskikh] // Bourdieu P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva / P. Burde ; otvetstvenny` y redaktor perevoda N.A. Shmatko. Moskva : In-t eksperimentalnoy psikhologii ; Sankt-Peterburg : Aleteya — Sociology of the Social Space / P. Bourdieu ; publishing editor of the translation N.A. Shmatko. Moscow : Institute of Experimental Psychology ; Saint Petersburg : Aletheia, 2007. S. 121–156.

3. Bourdieu P. O gosudarstve : kurs leksiy v Kollezhe de Frans (1989–1992) [About the State : course of lectures delivered in College de France (1989–1992)] / P. Bourdieu ; pod redaktsiyey P. Shampanya, R. Lenuara, F. Pupo i Mari-Kristin River ; perevod s frantsuzskogo D. Kralechkina i I. Kushnarevoy ; predislovie A. Bikbova. Moskva : Delo — edited by P. Champagne, R. Lenoir, F. Pupo and Marie-Kristin Rivier ; translated from French by D. Kralechkin and I. Kushnareva ; foreword by A. Bikbov. Moscow : Business, 2016. 718 s.
4. Dahrendorf R. Tropy` iz utopii : Raboty` po teorii i istorii sotsiologii [Paths out of Utopia : Works on Theory and History of Sociology] / R. Dahrendorf ; perevod s nemetskogo B. Skuratova i V. Bliznekova. Moskva : Praxis — translated from German by B. Skuratov and V. Bliznekov. Moscow : Praxis, 2002. 534 s.
5. Luhmann N. Vlast [Power] / N. Luhmann ; perevod s nemetskogo A. Antonovskoy. Moskva : Praxis — translated from German by A. Antonovskaya. Moscow : Praxis, 2001. 249 s.
6. Luhmann N. Sotsialny` e sistemy`. Ocherk obschey teorii [Social Systems. A Sketch of the General Theory] / N. Luhmann ; pod redaktsiyey N.A. Golovina ; perevod s nemetskogo I.D. Gazieva. Sankt-Peterburg : Nauka — edited by N.A. Golovin ; translated from German by I.D. Gaziev. Saint Petersburg : Science, 2007. 641 s.
7. Nemetskaya sotsiologiya [German Sociology] / R. Shpakova, Yu. Perov, F. Kruze [i dr.] ; pod redaktsiyey R.P. Shpakovoy. Sankt-Peterburg : Nauka — R. Shpakova, Yu. Perov, F. Kruze [et al.] ; edited by R.P. Shpakova. Saint Petersburg : Science, 2003. 561 s.
8. Sloterdijk P. Sfery`. T. 3. Pena [Spheres. Vol. 3. Foams] / P. Sloterdijk ; perevod s nemetskogo K.V. Loschevskogo. Sankt-Peterburg : Nauka — translated from German by K.V. Loschevskiy. Saint Petersburg : Science, 2010. 922 s.
9. Spann O. Filosofiya istorii : predvarit. razmy`shleniya o suschnosti istorii, uchenie ob ist. kategoriyakh, metafizika istorii [Philosophy of History : Preliminary Reflections on the Essence of History, Historical Category Doctrine, Metaphysics of History] / O. Spann ; perevod s nemetskogo K.V. Loschevskogo. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta — translated from German by K.V. Loschevskiy. Saint Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg University, 2005. 484 s.
10. Ellul J. Politicheskaya illyuziya : esse [Political Illusion : essay] / J. Ellul ; pod obschey redaktsiyey V.I. Danilenko ; perevod s frantsuzskogo V.V. Lazareva. Moskva : NOTA BENE — under the general editorship of V.I. Danilenko ; translated from French by V.V. Lazarev. Moscow : NOTA BENE, 2002. 430 s.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Научно-методические аспекты преподавания историко-правовых дисциплин

Гоголева Татьяна Юрьевна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук, доцент
jnat1958@mail.ru

В статье представлена авторская интерпретация методологических оснований преподавания историко-правовых дисциплин в современном юридическом университете. Такой подход может послужить началом панельной дискуссии «Историко-правовая наука и образование».

Ключевые слова: наука, юриспруденция, методология, высшее образование, юридическое образование, стандарт, история государства и права, педагогические инновации, цифровое общество.

Scientific and Methodological Aspects of Teaching Historical and Legal Disciplines

Gogoleva Tatyana Yu.
Associate Professor of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (History), Associate Professor

The article presents the author's interpretation of methodological bases of teaching historical and legal disciplines in the modern law University, that is the beginning of the panel discussion 'Historical and legal science and education'.

Keywords: science, law, methodology, higher education, legal education, standard, history of state and law, pedagogical innovations, digital society.

В преподавании всеобщей истории государства и права традиционно применяются два методологических подхода: страноведческий и институционный. При этом первый подход имеет наиболее широкое распространение как в учебно-методической литературе, так и в образовательной практике¹. Суть его заключается

в изучении государственно-правовых институтов в процессе генезиса и исторической эволюции отдельных стран. Отмечая значимость страноведческой методологии, современные авторы, однако, критикуют ее в связи с потерей актуальности и соответствия требованиям современных образовательных программ². История государства и права зарубежных стран зачастую представляет собой совокупность большой массы исторических сведений, сложных в таком объеме для запоминания и интеллектуальной

¹ Вологдин А.А. История государства и права зарубежных стран : учебник и практикум для академического бакалавриата : в 2 т. Т. 1. М. : Юрайт, 2018. 324 с.; Вологдин А.А. История государства и права зарубежных стран : учебник и практикум для академического бакалавриата : в 2 т. Т. 2. М. : Юрайт, 2018. 449 с.; Графский В.Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2018. 816 с.; История государства и права зарубежных стран : учебник / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. М. : Проспект, 2016. 448 с.; История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. М. : Норма, 2003. 520 с.; Томсинов В.А. Исто-

рия государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) : учебно-методическое пособие к семинарским занятиям. М. : Зерцало-М, 2018. 128 с.; и др.

² См.: Джаксыбаева Г.М. О методике преподавания истории государства и права // Аспекты и тенденции педагогической науки : материалы III Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 20–23 декабря 2017 г. СПб. : Свое издательство, 2017. С. 165–167.

аккумуляции обучающимися в рамках уменьшающегося количества часов текущих учебных планов образовательных программ по направлению подготовки «Юриспруденция». При современной образовательной модели высшей школы России, основанной на компетентностном и практико-ориентированном подходе, недостаточность учета юридической специфики историко-правовой дисциплины может привести к определенному несоответствию требованиям ФГОС ВО³.

В условиях быстро развивающегося цифрового общества преподавателю необходимо заботиться не столько об обеспечении информированности, сколько о формировании у обучающихся навыков самостоятельного анализа историко-правовых явлений и умений работать с правовыми источниками как базовыми элементами будущих профессиональных компетенций. Специалисты считают, что данная проблема может быть разрешена, если осуществлять отбор учебного контента преимущественно по правовому критерию, перенося центр тяжести с рассмотрения отдельных государственно-правовых образований на общие черты, закономерности и одновременно особенности развития государства и права в ту или иную историческую эпоху. В этом, собственно, суть институционального подхода. Однако необходимо указать на ряд проблем его реализации. Так, базовый уровень подготовки выпускников школ по всеобщей истории остается невысоким, что затрудняет их адаптацию к университетскому курсу историко-правовых предметов. Например, с выполнением за-

дания по систематизации информации из истории России и истории зарубежных стран в рамках ЕГЭ 2019 г. справилось только 60,7% старшеклассников (задание 11-й экзаменационной работы)⁴. Кроме того, количество учебно-методической литературы, написанной в рамках институционального подхода, весьма незначительно, как и мало обобщений опыта преподавания в рамках данной методологической парадигмы. Среди имеющихся изданий небезынтересно отметить учебное пособие Д.А. Суровень «История государства и права зарубежных стран. Древний мир», подготовленное на базе Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург)⁵. Внимания специалистов заслуживают, например, такие его разделы, как «6.4 Аристократическая республика (на примере Афин и Рима): причины и условия установления республик, их государственный строй (по нормам государственного права)», «6.5 Олигархическая республика (на примере Афин и Рима). Причины изменения политического режима в древних республиках. Тирания». Глава 7 «Варварские государства и варварские правды» рассматривает особенности возникновения государственности у германских народов, характеризует «варварские государства» Европы, анализирует отличия регулирования правоотношений по Салической правде и Рипуарской правде. Не останавливаясь на некоторых спорных моментах структуры и содержания пособия, его апробации в университетской аудитории, необходимо подчеркнуть важность для современной педагогической практики авторского поиска не только в плоскости использования инновационного методического инструментария обучения, но и в части отбора и систематизации материала учебного курса. В целом учебно-методическое обеспечение преподавания

³ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 27 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598; СЗ РФ. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7833; Приказ Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» (ред. от 11 января 2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁴ Артасов И.А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2019 года по истории. М. : ФИПИ, 2019. С. 29.

⁵ Суровень Д.А. История государства и права зарубежных стран. Древний мир : учебник и практикум. М. : Юрайт, 2019. 708 с.

историко-правовых дисциплин на основе институциональной парадигмы остается недостаточным и является актуальной задачей, требующей решения со стороны педагогического сообщества.

С учетом определенной ограниченности страноведческого и институционального подходов в научно-методической литературе преобладает мнение о целесообразности сочетания элементов обеих концепций. Такой синтез методологических оснований давно используется в целом ряде учебников и учебно-методических разработок по зарубежной истории государства и права. Возьмем известный учебник З.М. Черниловского «Всеобщая история государства и права»⁶, в котором на основе интегрированного подхода с использованием историко-сравнительного метода представлены, например, в первой части издания глава I «История государства и права стран Древнего Востока», включающая разделы, посвященные обобщенной характеристике проблем возникновения древневосточных государств, общественному строю древневосточных государств, государственному строю и «восточной деспотии», основным кодификациям стран Древнего Востока; во второй части — главы «Словно-представительная монархия в странах Западной Европы», «Города и городские республики в странах Западной Европы», «Абсолютная монархия», «Феодальное право в странах Западной Европы» и т.д., основанные на обзорно-аналитическом материале соответствующих исторических эпох. Интегрированный подход находит применение и в процессе вузовского преподавания историко-правовых курсов при изучении отдельных тематических модулей (разделов), что демонстрирует содержание рабочих программ учебных дисциплин. Например, учебно-тематическое планирование предусматривает проведение занятий семинарского типа по таким дидактическим единицам, как

«От сеньориальной монархии к сословно-представительной и абсолютной монархии в средневековой Европе», «История права нового времени», «Основные тенденции развития права зарубежных стран в новейшее время» и другие. Как видно из приведенных примеров, интегрированный подход не означает радикальной ломки концепции преподавания историко-правовой дисциплины, но предусматривает изменения в отборе и группировке учебного контента, а также широкое использование сравнительного метода и установление связей между однородными, но хронологически или территориально отдаленными явлениями.

Потребность в совершенствовании теоретико-методологических оснований современных дисциплин юридического вуза предполагает развитие интегративных метапредметных проектов. Актуализации данной задачи способствует сегодня многократное увеличение информационных потоков в образовательном пространстве современного университета.

Проблема междисциплинарных связей не является новой для историко-правовых курсов. В их рамках традиционно обеспечивается тесная связь между зарубежной и отечественной историей государства и права, между зарубежной историей государства и права и римским правом. При этом научным базисом для всех этих дисциплин выступает теория государства и права, ее терминологический аппарат.

Наиболее распространенными проектами междисциплинарной интеграции выступают учебные кейсы, сформированные на основе корреляции зарубежных и отечественных историко-правовых явлений. Например, большой интерес в студенческой аудитории вызывает сравнительно-сопоставительный анализ конституционного законодательства в рамках тем «Ноябрьская революция 1918 г. в Германии. Веймарская конституция» и «Создание Советского государства. Конституция РСФСР 1918 года».

Конституция, вошедшая в историю под названием Веймарской (по месту

⁶ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М.: Проспект, 2002. 591 с.

ее принятия), стала одной из самых демократических конституций в мировой юридической практике начала XX века. Она разрабатывалась в условиях, когда революция в Германии еще не была подавлена, что определило компромиссное содержание положений конституционного акта, наличие призывов к «гражданскому миру» и «сотрудничеству всех классов». Конституция РСФСР 1918 г., также порожденная революционными событиями, напротив, носила открыто классовый характер, признавала насилие и провозглашала полный разрыв с предшествующей практикой государственно-правового строительства своей страны. Безусловно, использование в учебной ситуации сравнительно-сопоставительного подхода к анализу законодательства, рожденного революционными эпохами двух разных стран, формирует у обучающихся более целостное представление об изучаемых государственно-правовых явлениях. При этом ключевой проблемой рассматриваемого кейса является от-

вет на вопрос: «Почему при столь разных принципах государственного строительства, заложенного отличными по содержанию конституциями, эволюция политических режимов пошла в сторону формирования тоталитарного строя и в Германии, и в Советской России?» Данная проблемная ситуация стимулирует исследовательскую активность обучающихся, развивает у них стремление к самостоятельному поиску истины, способствует овладению приемами анализа исторических событий и правовых источников рассматриваемого периода.

Как уже было отмечено, история государства и права не может выступать лишь совокупностью сведений о прошлом государственно-правовых институтов. Историко-правовые дисциплины обладают достаточным научно-теоретическим и учебно-методическим потенциалом, позволяющим им органично адаптироваться к требованиям общественных трансформаций, вызванных бурным развитием в современном мире информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. Артасов И.А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2019 года по истории / И.А. Артасов. Москва : ФИПИ, 2019. 30 с.
2. Вологдин А.А. История государства и права зарубежных стран : учебник и практикум для академического бакалавриата. В 2 томах. Т. 1 / А.А. Вологдин. Москва : Юрайт, 2018. 324 с.
3. Вологдин А.А. История государства и права зарубежных стран : учебник и практикум для академического бакалавриата. В 2 томах. Т. 2 / А.А. Вологдин. Москва : Юрайт, 2018. 449 с.
4. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов / В.Г. Графский. Москва : Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 816 с.
5. Джаксыбаева Г.М. О методике преподавания истории государства и права / Г.М. Джаксыбаева // Аспекты и тенденции педагогической науки : материалы III Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 20–23 декабря 2017 г.). Санкт-Петербург : Свое издательство, 2017. С. 165–167.
6. История государства и права зарубежных стран : учебник / ответственный редактор И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. Москва : Проспект, 2016. 448 с.
7. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов / под общей редакцией О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. Москва : Норма, 2003. 520 с.
8. Суровень Д.А. История государства и права зарубежных стран. Древний мир : учебник и практикум / Д.А. Суровень. Москва : Юрайт, 2019. 708 с.
9. Томсинов В.А. История государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) : учебно-методическое пособие к семинарским занятиям / В.А. Томсинов. Москва : Зерцало-М, 2018. 128 с.
10. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. Москва : Проспект, 2002. 591 с.

References

1. Artasov I.A. Metodicheskie rekomendatsii dlya uchiteley, podgotovlennyye na osnove analiza tipichnykh oshibok uchastnikov EGE 2019 goda po istorii [Methodological Recommendations for Teachers Prepared Based on an Analysis of Common Mistakes of Participants of the Unified State Exam in History of 2019] / I.A. Artasov. Moskva : FIPI — Moscow : Federal Institute of Educational Measurement, 2019. 30 s.
2. Vologdin A.A. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. V 2 tomakh. T. 1 [History of State and Law of Foreign Countries : textbook and practical course for academic bachelor studies. In 2 volumes. Vol. 1] / A.A. Vologdin. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2018. 324 s.
3. Vologdin A.A. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. V 2 tomakh. T. 2 [History of State and Law of Foreign Countries : textbook and practical course for academic bachelor studies. In 2 volumes. Vol. 2] / A.A. Vologdin. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2018. 449 s.
4. Grafskiy V.G. Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva : uchebnik dlya vuzov [World History of Law and State : textbook for higher educational institutions] / V.G. Grafskiy. Moskva : Norma, NITS INFRA-M — Moscow : Norm, INFRA-M scientific publishing center, 2018. 816 s.
5. Dzhakhsybaeva G.M. O metodike prepodavaniya istorii gosudarstva i prava [On Methodology of Teaching History of State and Law] / G.M. Dzhakhsybaeva // Aspekty i tendentsii pedagogicheskoy nauki : materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 20–23 dekabrya 2017 g.). Sankt-Peterburg : Svoe izdatelstvo — Aspects and Tendencies of the Pedagogical Science : proceedings of the III international scientific conference (Saint Petersburg, December 20–23, 2017). Saint Petersburg : Own Publishing House, 2017. S. 165–167.
6. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran : uchebnik [History of State and Law of Foreign Countries : textbook] / otvetstvennyy redaktor I.A. Isaev, T.P. Filippova. Moskva : Prospekt — publishing editors I.A. Isaev, T.P. Filippova. Moscow : Prospect, 2016. 448 s.
7. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran : uchebnik dlya vuzov [History of State and Law of Foreign Countries : textbook for higher educational institutions] / pod obschey redaktsiyey O.A. Zhidkova, N.A. Krashennikovoy. Moskva : Norma — under the general editorship of O.A. Zhidkov, N.A. Krashennikova. Moscow : Norm, 2003. 520 s.
8. Suroven D.A. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevniy mir : uchebnik i praktikum [History of State and Law of Foreign Countries. The Ancient World : textbook and practical course] / D.A. Suroven. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2019. 708 s.
9. Tomsinov V.A. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran (Drevnost i Srednie veka) : uchebno-metodicheskoe posobie k seminarским zanyatiyam [History of State and Law of Foreign Countries (Antiquity and the Middle Ages) : study and methodological guide to seminars] / V.A. Tomsinov. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2018. 128 s.
10. Chernilovskiy Z.M. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava [World History of State and Law] / Z.M. Chernilovskiy. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2002. 591 s.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-15-18

Статика и динамика права: революционные социологические взгляды в познании права

Румянцева Валентина Геннадиевна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
kafedra-igp@mail.ru

Статья содержит размышления о статике и динамике права на основании работ представителей социологического течения. Как от стабилизации правовых отношений, так и от инновационного движения права напрямую зависит удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей и интересов, а значит, и возможность существования принципов правового государства.

Ключевые слова: социология права, социологический подход, общественные отношения, правовое отношение, норма права, статика права, динамика права, право в действии, право в текстах.

Statics and Dynamics of Law: Revolutionary Sociological Views in Cognition of Law

Rumyantseva Valentina G.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law), Associate Professor

The article contains reflections on statics and dynamics of law based on works of representatives of the sociological movement. Satisfaction of individual and public demands and interests and consequently the possibility of existence of principles of a law-governed state directly depend on the stabilization of legal relations as well as on the innovative development of law.

Keywords: sociology of law, sociological approach, public relations, legal relationship, legal provision, statics of law, dynamics of law, law in action, law in texts.

Родоначальник социологии О. Конт строил новую науку на основе методов наблюдения и эксперимента. В изменении объекта и метода исследования и заключается расширение социологического познания права: «Изучение права как социального явления нужно не только для осуществления теоретической цели — достичь наиболее полного знания права. Оно является насущной потребностью для того, чтобы право не расходилось со справедливостью и чтобы само право было справедливым. Коротко говоря, оно приводит к господству справедливости в правовой жизни»¹. С.А. Муромцев делает акцент на правовых отношениях, для достижения гар-

монии которых он предлагает выбрать источником права непосредственное наблюдение обычаев, явлений жизни. Разделяя подобные взгляды, Е. Эрлих видит исходную точку исследования права в обществе, а источником познания — непосредственное наблюдение поступков, обычаев. Для того чтобы понять сущность права, следует прежде всего «изучать порядок, существующий в союзах. Причина неудач всех предшествующих попыток объяснить право состоит в том, что они исходили из правовых положений, а не из этого порядка»². Следует собственными глазами убеждаться в фактах права, выяснять на ме-

¹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1999. С. 210.

² Ehrlich, E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München — Leipzig : Duncker & Humblot, 1913. S. 29.

сте возникающие вопросы, т.е. перейти от опосредованного наблюдения к непосредственному. По этому поводу Р. Паунд замечает: самое большее, что способен сделать человек, — это наблюдать и в результате, быть может, научиться предугадывать. Во всем же остальном природа пойдет своим путем. Р. Паунд оставлял за правоведением исследование права в действии: если юрист будет изучать право по книгам, то он не поймет, как оно действует³.

Итак, понятие права неразрывно связано с обществом, и раскрыть его можно лишь через глубокое исследование социальной природы. Юридическая практика нередко первой обнаруживает новые факторы, тенденции, условия, требующие внесения изменений в право. Только она в состоянии отделить мертвые нормы от живых. Поэтому проводниками в жизни справедливых начал, собирателями живого права объявляются юристы-практики и администраторы. Выступая в таком качестве, они способствуют снятию возможной напряженности между стабильностью и динамизмом правопорядка. Другими словами, мысль о движении права, динамике признавалась С.А. Муромцевым, Е. Эрлихом, Р. Паундом существенной. Именно это положение составляет одну из характерных черт всей социологической юриспруденции: статика права рассматривалась и в естественно-правовых, нормативистских концепциях, хотя и достаточно односторонне, придавая закону сугубо охранительное значение; основной упор был сделан на доказательство динамики права. Для осуществления динамики права предлагались самодеятельность суда (С.А. Муромцев), свободное нахождение права (Е. Эрлих), «отправление юстиции без права», когда суд творит новое право, не будучи связан ни законом, ни прецедентом (Р. Паунд).

Социологическая юриспруденция впервые вскрыла преимущество динамики права, не отрицая при этом его

стабильности. Несомненно, юридическая практика играет весьма существенную роль в выявлении, а также смягчении разрыва между законодательством и новыми явлениями в социальном развитии. Эта роль особенно велика в странах прецедентного права. С другой стороны, нельзя отождествлять стабильность права с догматизмом. Стабильность правопорядка предполагает определенный элемент изменчивости, приспособление права к условиям жизни. Тогда как отставание, неизменяемость права — причина нарушения стабильности правопорядка. Р. Паунд указывал: «Следовательно, правовой порядок должен быть настолько же изменяемым, насколько стабильным. Он должен постоянно пересматриваться в соответствии с изменениями в общественной жизни, которую он должен регулировать. Если мы устанавливаем принципы, мы должны устанавливать их не только для стабильности, но и для изменений»⁴.

В реальной жизни разделения статики и динамики не существует. В системе социологии О. Конта, который ввел данную терминологию, оно также весьма условно. Статика — гармония между отдельными сторонами общественной организации, задача которой — изучение условий существования и законов функционирования социальных систем. По сути, социальная статика, по О. Конту, есть анатомия общества, теория общественного порядка, наилучшей его организации. Общественные институты обеспечивают ее реализацию, например, государство как блюститель общественного порядка, стоящий на страже социальной солидарности, борется против тенденций коренного расхождения чувств, идей и интересов людей. Динамика — теория общественного развития, задача которой — изучение последовательности состояний всего че-

³ Pound, R. Law in Books and Law in Action // American Law Review. 1910. V. 44. P. 12–36.

⁴ Pound, R. Outlines of Lectures on Jurisprudence. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1943. P. 41.

ловечества, законов развития и изменения.

Разные правовые школы почерпнули в воззрениях О. Конта идеи, соответствующие их собственным научным и социальным позициям. Идея нераздельности, равнозначности статики и динамики нашла живой отклик в учениях С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда.

С.А. Муромцев считал, что «полное разделение социальной статики и динамики возможно только в теории; на практике каждое статическое обобщение получает весь свой смысл только после динамической постановки его»⁵. Он включил юриспруденцию в отдел социологии: «Будучи поставлено на положительную почву, правоведение представляется отделом социологии»⁶. Это приводит к признанию единой науки об обществе, когда как «законы социологии, так и законы правоведения были бы законами сосуществования (статика) и преемственности (динамика), где статика будет излагать законы и займется эмпирическим обобщением»⁷.

У Е. Эрлиха статика и динамика выступают как два мнения о справедливости, как показатели прогрессивности роста человечества. Справедливость построена на имеющихся фактах права — выражение общественной статики, а, поскольку она каждый раз переходит на новый этап, она — выражение общественной динамики. Е. Эрлих приходит к выводу, что общая картина действительности права находится в постоянном движении и является результатом взаимодействия всех норм права⁸.

У Р. Паунда интерес общей безопасности «заставил людей создать какую-то фиксированную основу для регулирования человеческой деятельности, для

которой необходим твердый и стабильный социальный порядок. Но постоянные изменения условий жизни общества требуют постоянных поправок»⁹. В вопросах собственности, торговли, где защита экономических форм социального интереса (защита приобретений и сделок) возможна лишь через механическое применение детализированных правил, строгих выводов, закрепленных концепций, ученым признавалось сведение индивидуализации до минимума. Здесь не подойдут индивидуализация применения и стандарты, принимающие во внимание обстоятельства каждого случая. Экономически организованное общество требует уверенности, предсказуемости относительно инцидентов и последствий производственных обязательств и долговременных коммерческих сделок. Механическое применение правил как простого повторения устраняет склонность к индивидуализации, которая угрожала бы защите приобретений и сделок. Ссылаясь на А. Бергсона, Р. Паунд замечает, что это и есть истинная сфера интеллекта, характеризующаяся возможностью «уловить основной элемент ситуации и связать его с прошлыми ситуациями». В обеспечении интересов материального права необходима связь основного элемента с прошлыми ситуациями, так как каждое такое право будет подобно другому. Р. Паунд называет стабильность производственных обязательств и долговременных коммерческих сделок «мудростью социальной инженерии»¹⁰. В остальном «юстиция без права» свободна и сама решает, когда движение должно преобладать над стабильностью.

Право — сложная, многоаспектная система, которой свойственна и статика, и динамика. Оно не сводится к произволу или тождеству закона, а обусловлено объективными общественными

⁵ Муромцев С.А. Что такое догма права? // Юридический вестник. 1884. № 4. С. 762.

⁶ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1979. С. 164.

⁷ Муромцев С.А. Что такое догма права? // Юридический вестник. 1884. № 4. С. 762.

⁸ Ehrlich, E. Op. cit. S. 399.

⁹ Pound, R. *Outlines of Lectures on Jurisprudence*. P. 41.

¹⁰ Pound, R. *Interpretations of Legal History*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1946. P. 152.

отношениями. Отсюда и возникает необходимость изучать правовой порядок, существующий в жизни, как нечто самостоятельное.

Литература

1. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский. Санкт-Петербург : РХГИ, 1999. 375 с.
2. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. Москва : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1979. 250 с.
3. Муромцев С.А. Что такое догма права? / С.А. Муромцев // Юридический вестник. 1884. № 4. С. 759–765.
4. Новгородцев П.И. Государство и право / П.И. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). С. 397–450.
5. Ehrlich, E. Grundlegung der Soziologie des Rechts / E. Ehrlich. München ; Leipzig : Duncker & Humblot, 1913. 432 p.
6. Pound, R. Interpretations of Legal History / R. Pound. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1946. 171 p.
7. Pound, R. Law in Books and Law in Action / R. Pound // American Law Review. 1910. Vol. 44. P. 12–36.
8. Pound, R. Outlines of Lectures on Jurisprudence / R. Pound. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1943. 244 p.

References

1. Kistyakovskiy B.A. Filosofiya i sotsiologiya prava [Philosophy and Sociology of Law] / B.A. Kistyakovskiy. Sankt-Peterburg : RKHGI — Saint Petersburg : Russian Christian Institute for the Humanities, 1999. 375 s.
2. Muromtsev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava [The Definition and the Main Division of Law] / S.A. Muromtsev. Moskva : Tip. A.I. Mamontova i K° — Moscow : Printing office of A.I. Mamontov and Co., 1979. 250 s.
3. Muromtsev S.A. Chto takoe dogma prava? [What Does Legal Dogma Mean?] / S.A. Muromtsev // Yuridicheskiy vestnik — Legal Bulletin. 1884. № 4. S. 759–765.
4. Novgorodtsev P.I. Gosudarstvo i pravo [State and Law] / P.I. Novgorodtsev // Voprosy` filosofii i psikhologii. 1904. Kn. 74 (IV) — Issues of Philosophy and Psychology. 1904. Book 74 (IV). S. 397–450.
5. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts / E. Ehrlich. München ; Leipzig : Duncker & Humblot, 1913. 432 s.
6. Pound R. Interpretations of Legal History / R. Pound. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1946. 171 s.
7. Pound R. Law in Books and Law in Action / R. Pound // American Law Review. 1910. Vol. 44. S. 12–36.
8. Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence / R. Pound. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1943. 244 s.

Видеообзоры, интервью с известными юристами, знакомство с актуальными публикациями, репортажи — всё это на нашем официальном канале

YouTube / **Издательская группа «Юрист»**

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-19-22

Развитие государственной политики высшего образования в 1920-е годы

Никитина Алена Алексеевна,
аспирант кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
alena.alekseevna.nik@gmail.com

В статье рассматривается государственная политика в области высшего образования в 1920-е годы. Высшая школа подпадает под постепенный контроль со стороны государственного и партийного аппаратов. Некоторые неудачи и противоречивость реформ в 1920-е годы способствовали возрождению высшего образования в середине 30-х годов XX века.

Ключевые слова: образование, политика, высшая школа, модернизация, декреты, постановление.

Development of the State Higher Education Policy in the 1920s

Nikitina Alena A.
Postgraduate Student of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article discusses state policy in the field of higher education in the 1920s. High school falls under the gradual control of the state and party apparatus. The bat of failure and the inconsistency of reform in the 1920s contributed to the revival of higher education in the mid 30s.

Keywords: education, politics, higher school, modernization, decrees, regulation.

Высшее образование в России переживало разные периоды своего развития. Как и в любой сфере общества, были успехи и неудачи. Одним из противоречивых периодов сферы образования были 1920-е годы нашего государства.

В 1917 году при Временном правительстве была создана Комиссия по реформе высшего образования¹. Возглавил данную комиссию М.М. Новиков. Комиссия стремилась к быстрому реформированию высшей школы, как говорил М.М. Новиков, «опасаясь, что полная переработка устава займет слишком много времени, члены комиссии решали ограничиться только изданием ряда законодательных новелл, которые устранили бы из устава 1884 года все одиозные пункты, противоречившие принципу университетской автономии»². Комиссией были подготов-

лены следующие новые направления реформы: освобождение университетов от опеки со стороны попечителей учебных округов, новый порядок создания выборных органов управления университетами, предоставления студентам права организовывать собственные общества и союзы³. Подготовка реформы продолжалась всего на протяжении четырех месяцев. На Всероссийском совещании академических деятелей в июне 1917 г. было принято новое законодательство в сфере высшей школы. Однако автономия университетов продержалась совсем недолго.

Декретом СНК РСФСР от 11 декабря 1917 г. все учебные заведения, в том числе вузы, переданы в ведение Наркомпроса РСФСР⁴, а 4 июля 1918 г. все вузы были объявлены государственными учебными заведениями⁵.

¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании : сб. док. за 1917–1947 гг. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1947. С. 14–16.

² Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 274.

³ Там же. С. 274–276.

⁴ Высшие учебные заведения // Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978.

⁵ Московские высшие женские курсы. 1872–1918. Архивная копия от 26 мая 2013 г. на Wayback Machine.

Существовавший с декабря 1918 г. объединенный совет научных учреждений выдвинул правительству типовой проект по изменению структуры высшего образования. Тогда большая часть учебных заведений была автономна, однако с принятием инновационного устава автономия была окончена. Декрет Совнаркома РСФСР «О передаче в ведение Народного комиссариата просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» от 5 июня 1918 г. после революции был политической и организационной основой в сфере образования, представлявшей собой процесс огосударствления высшей школы⁶. Первоначально идея нового правительства об использовании устройства старого министерства не позволила создать государственную комиссию по образованию в виде центрального руководящего органа, который был создан на базе сильной команды⁷.

Значительные преобразования касались поступления в высшие обучающие заведения. 2 августа 1918 г. был издан Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения»⁸, а также выпущено Постановление «О правилах приема в высшие учебные заведения»⁹, подписанные самим Лениным. Все лица, которые достигли шестнадцати лет, могут поступить в любое высшее учебное заведение, не предоставляя диплом или другой до-

кумент. Отменены были оплата за обучение и экзамены¹⁰.

В первый год после принятия этого указа университеты были настолько переполнены, что невозможно было проводить занятия на должном уровне. Например, на физико-математическом факультете в 1919 г. число студентов достигло рекордного уровня — в 13 400 человек¹¹.

Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и структуре государственных высших учебных заведений и учебных заведений в Российской Республике» было принято с целью обновления педагогического коллектива по программе партии «всевозможные искусственные барьеры между научными инновациями для устранения силы и эвакуации». «Университетские дипломы и степени, как и буржуазные предрассудки прошлого» отменены. Деление университетских факультетов на выдающихся учителей (исключительных, обычных, индивидуальных и индивидуальных преподавателей) отменено¹².

В марте 1919 г. Совет народных комиссаров учредил Государственный академический совет (ГУС) — высший ведущий научно-методический центр Народного комиссариата РСФСР, который утвердил учебные планы, программы и учебные пособия и разработал единое направление в области образования, контролировал прием и расстановку педагогических кадров. Он прекратил свою деятельность в 1933 г. в связи с реорганизацией Народного комиссариата просвещения.

Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 29 января 1920 г. был создан Главный комитет профессиональ-

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 538.

⁷ Декрет СНК РСФСР от 20 ноября 1917 г. «О роспуске Государственного комитета по народному образованию» // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 44; Постановление Наркомпроса «Об упразднении должности попечителей учебных округов» // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 259; Постановление Наркомпроса «Об отмене форм и учебных знаков всех учебных заведений» // СУ РСФСР. 1918. № 17. Ст. 361; Народное просвещение. 1918. № 1/2. С. 17.

⁸ Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» // СУ РСФСР. 1918. № 57. Ст. 632.

⁹ Там же.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 999–1000.

¹¹ Новиков М.М. Московский университет. С. 201.

¹² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 999–1000. Распубликован в № 219 «Известий ВЦИК» от 9 октября 1918 г.

ного образования (Главпрофобр) Народного комиссариата РСФСР¹³. Указом Совета народных комиссаров РСФСР от 11 февраля 1921 г. он был преобразован в Главное управление профессиональных школ и университетов в связи с общей реорганизацией народного комиссариата по образованию. Основной функцией управления было руководство подготовкой кадров для всех отраслей народного хозяйства.

В 1921 году в Положении о научных работниках высших учебных заведений указывалось, что президиумы факультетов утверждаются Главпрофобрком, а управления вузов назначаются Наркомпроса из числа кандидатов, выдвигаемых профессорско-преподавательским составом, студенчеством и любыми другими организациями, заинтересованными в результате работы университетов¹⁴. Например, для Московского университета правление должно было состоять из одиннадцати человек, из которых профессорскому составу отводилось только два места. За собраниями факультетов оставались функции учебного характера, всякая другая деятельность факультета должна была регулироваться правлением. Институт красных учителей также является специализированным научно-образовательным учреждением, которому поручено готовить преподавателей общественных наук для высших учебных заведений, а также работников научных учреждений, партий и государственных учреждений¹⁵.

Декретом Совнаркома РСФСР от 3 июля 1922 г. было принято Положение о высших учебных заведениях в РСФСР¹⁶,

разработанное комиссией Наркомпроса и рассмотренное на заседании Политбюро ЦК РКП(б) и Всероссийской конференции вузов. Фактически этот документ стал уставом высшей школы, действующим до 1930 г. Вузы окончательно лишились своей автономии.

Преподавателей принято разделять на три категории. Первая категория — профессора, проводящие отдельные, обособленные курсы, а также руководят одним из образовательных учреждений института. Их отбор происходит государственным советом академиков.

Вторая категория преподавателей занимается преподаванием курсов и классов, а также самостоятельно работает, но ими руководит один из старших преподавателей. Отбор происходит Советом высшего учебного заведения по предложению Главного комитета по профессиональному и техническому образованию.

Третьей категорией является научный персонал, помогающий преподавателям и профессорам, также они могут готовиться к самостоятельной учебной деятельности. Отбор происходит Советом высшего учебного заведения по предложению Главного комитета по профессиональному и техническому образованию¹⁷.

Народный комиссариат руководил университетами. Местное управление административно-хозяйственной образовательной деятельностью осуществлялось Советом университета под руководством Главпрофобра.

Президент совета был назначен Народным комиссариатом по образованию. Совет состоял из представителей заинтересованных преподавателей, студентов и организаций. Связь с базой системы управления состояла из представленных комиссий между студентами и преподавателями.

Деятельность факультета принадлежала президиуму факультета под общим надзором и контролем Совета Института высшего образования. Была предметная комиссия, которая занималась вопроса-

¹³ СУ РСФСР. 1920. № 8. Ст. 49.

¹⁴ Положение о научных работниках Высших учебных заведений : утв. Декретом СНК РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1921. № 80. Ст. 695.

¹⁵ Положение о научных работниках Высших учебных заведений : утв. Декретом СНК РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1921. № 80. Ст. 695. Ст. 4.

¹⁶ Декрет СНК РСФСР от 3 июля 1922 г. «Положение о высших учебных заведениях» // СУ

РСФСР. 1922. № 43. Ст. 518.

¹⁷ Там же. Ст. 4.

ми, относящимися к одной или смежным дисциплинам, подчинялась президиуму факультета. Одной из основных задач данного положения была подготовка ученых на службе научных, научно-технических и промышленных учреждений республики и самих вузов.

Положение о высших учебных заведениях в РСФСР имело силу закона и стало учредительным документом для становления и развития вузов нового типа на длительный период времени¹⁸.

В апреле 1922 года ЦК РКП (б) провел Всероссийскую конференцию коммунистических ячеек вузов, в июне того же года Оргбюро ЦК РКП (б) утвердило Положение об организации пролетарского студенчества. В университетах организованные пролетарские студенты придают большое значение решению различных практических задач. Представители студентов были в советах вузов. Значительная часть студентов была негативно

и враждебно настроена по отношению к преподавателям. Они думали, что хотя бы восстановить идеологическое обучение. Первый нормативно-правовой документ, который регулировал государственную систему подготовки научных кадров¹⁹, появился в 1923 г., им стало Положение о порядке оставления при высших учебных заведениях студентов для подготовки их к научной и педагогической деятельности.

Стоит отметить, что в 1927 г. был завершен I этап истории высшего образования, определенный исследователями как этап его революционного обновления.

Исторический опыт рассматриваемого периода показал противоречивость и некоторые неудачи скоростных реформ в области высшего образования. Для более эффективной модернизации политики высшей школы необходимо было разработать концепцию развития образования и политику ее последовательной реализации. Необходимо отметить, что эти неудачи способствовали возрождению развития высшего образования в середине 1930-х годов.

¹⁹ Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958. С. 88.

¹⁸ Хоменко Е.В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве: октябрь 1917 — конец 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. 27 с.

Литература

1. Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К.Т. Галкин ; под редакцией Н.А. Константинова. Москва : Советская наука, 1958. 176 с.
2. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике / М.М. Новиков. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. 404 с.
3. Хоменко Е.В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве: октябрь 1917 — конец 1920-х годов : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Хоменко. Нижний Новгород, 2006. 27 с.

References

1. Galkin K.T. Vy'sshee obrazovanie i podgotovka nauchny'kh kadrov v SSSR [Higher Education and Training of Scientific Personnel in the USSR] / K.T. Galkin ; pod redaktsiey N.A. Konstantinova. Moskva : Sovetskaya nauka — edited by N.A. Konstantinov. Moscow : Soviet Science, 1958. 176 s.
2. Novikov M.M. Ot Moskvyy` do Nyu-Yorka. Moya zhizn v nauke i politike [From Moscow to New York. My Life in Science and Politics] / M.M. Novikov. Nyu-York : Izd-vo im. Chekhova — New York : Chekhov's publishing house, 1952. 404 s.
3. Khomenko E.V. Politiko-pravovoe regulirovanie vy'sshego obrazovaniya v Sovetskom gosudarstve: oktyabr 1917 — konets 1920-kh godov : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Political and Legal Regulation of Higher Education in the Soviet State: October 1917 to the Late 1920s : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / E.V. Khomenko. Nizhniy Novgorod — Nizhny Novgorod, 2006. 27 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-23-25

К истории возникновения института безальтернативных выборов в СССР

Кувырченков Николай Сергеевич,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук
Lab.kigp@msal.ru

В статье исследуется, как в ходе избирательной кампании 1937 года Коммунистическая партия создала механизм, который на десятилетия определил облик избирательной системы в СССР: под жестким контролем партийных органов выдвигался один безальтернативный кандидат в избирательном округе, а избирателям фактически предписывалась обязанность единодушно проголосовать за данную кандидатуру.

Ключевые слова: Конституция СССР 1936 года, Верховный Совет СССР, институт безальтернативных выборов, выборы в Верховный Совет СССР 1937 года.

On History of Origination of the Institution of Non-Alternative Elections in the USSR

Kuvyrchenkov Nikolay S.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (History)

The article studies how the Communist Party created a mechanism in the course of the electoral campaign of 1937, which determined the electoral system in the USSR for decades: one non-alternative candidate was nominated in an electoral district under the strict control of party authorities, and voters were in fact obliged to vote for such candidate unanimously.

Keywords: Constitution of the USSR of 1936, Supreme Soviet of the USSR, institution of non-alternative elections, elections to the Supreme Soviet of the USSR of 1937.

5 декабря 1937 года VIII съезд Советов СССР одобрил и утвердил новую Конституцию СССР. Данный акт кардинальным образом изменил избирательную систему в стране. Глава XI закрепляла в стране всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Отменялось предшествующее избирательное законодательство. Эти изменения в праве имели самые серьезные последствия для политической жизни страны и привели к появлению в стране ситуации, когда в избирательных округах регистрировался один кандидат, что заранее предопределяло результат выборов (последние превращались в простую формальность). При наличии серьезной источниковой базы для изучения данного вопроса он остался вне изучения. Восполним этот пробел.

Коммунистическая партия практически сразу же после принятия нового основного закона страны приступила к подготов-

ке к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе. Этот вопрос был рассмотрен на Пленуме ЦК ВКП (б) 23 февраля — 5 марта 1937 г., что завершилось принятием соответствующей резолюции.

В этом документе констатировалось: принятие новой Конституции СССР означало проведение полной демократизации избирательной системы в стране «в смысле замены не вполне равных выборов в Советы равными, многостепенными — прямыми, открытыми — закрытыми»¹. Данное положение обосновывалось путем сравнения Основного Закона 1936 г. с предшествующими актами. Результаты такого анализа сводились к следующим положениям:

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК (1898–1980). Т. 6: 1933–1937. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. С. 378.

Прежде всего ограничения избирательного права для ряда категорий граждан (служители культа, бывшие белогвардейцы, бывшие кулаки и лица, не занимающиеся общепольным трудом) были отброшены, что понималось как превращение выборов во всеобщие.

Затем делается вывод о появлении у всех граждан возможности участвовать в выборах на равных основаниях: разные нормы выборов для городского и сельского населения были отменены.

Выборы во все Советы, от местных до Верховного Совета, стали прямыми, тогда как «раньше выборы средних и высших органов Советской власти были многостепенными»².

Голосование при выборах стало тайным и по отдельным кандидатурам, выдвигаемым по избирательным округам (до этого выборы депутатов в Советы производились открыто и по спискам).

И, наконец, Конституция предусматривала проведение всенародного опроса (референдума).

В резолюции сделан вывод: «Эти изменения в избирательной системе означают усиление контроля масс в отношении советских органов и усилении ответственности советских органов в отношении масс»³. Фактически признавалось, что прежний механизм, который позволял ВКП (б) полностью контролировать решения Советов всех уровней, исчез. Коммунистическая партия понимала это и наметила меры, которые, по мнению партийного руководства, позволили бы обеспечить руководящую роль ВКП (б) в предстоящих выборах верховных органов страны.

К числу этих мер относились в том числе: ликвидация практики кооптации в члены руководящих органов, запрет голосования при выборах парторганов списком и проведение голосования по каждой кандидатуре отдельно, установление закрытого (тайного) голосования⁴. Все это означало, что внутривнутрипартийная жизнь должна была основываться на нормах, аналогичных

конституционным, и последние становятся формально единственно возможными в Стране Советов.

Проанализированная резолюция фактически положила начало избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР.

Формально последние проводились в соответствии с Положением о выборах в Верховный Совет СССР (впрочем, этот акт был рассмотрен и одобрен, т.е. фактически принят, Пленумом ЦК ВКП (б) в июне 1937 г.).

К октябрю 1937 г. Коммунистическая партия окончательно определилась с механизмом, который позволял ей полностью контролировать выборы в новых условиях. Пленум ЦК ВКП (б), который работал 11–12 октября 1937 г., принял резолюцию «Об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР».

Партийное руководство прекрасно понимало, что контролировать ход и результаты выборов можно только поставив под полный контроль работу избирательных комиссий. Поэтому руководящие органы ВКП (б) всех уровней обязывались в установленные упомянутым положением сроки в первую очередь обеспечить соответствующие составы республиканских, окружных и участковых избирательных комиссий. Партийным органам прямо вменялась не предусмотренная никакими нормативными правовыми актами обязанность тщательно проверять состав участников комиссий всех уровней, выдвинутых на соответствующих собраниях⁵.

Во главу избирательной кампании было решено поставить идею избирательного блока коммунистов и беспартийных. Это толковалось следующим образом: партийные организации выдвигают кандидатов в депутаты, формально согласуя этот вопрос с беспартийными.

Рекомендовалось выдвигать одного общего кандидата по избирательному округу и затем вносить эту кандидатуру на регистрацию в окружную избирательную

² Там же.

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же. С. 381.

⁵ Там же. С. 412–413.

комиссию от имени трудовых коллективов, партийных и общественных организаций. Партийные организации были обязаны «добиться поддержки этой кандидатуры общими собраниями рабочих и служащих по всем заводам и совхозам района, общими собраниями крестьян по всем колхозам и селам района...»⁶.

Райкомы партии прямо обязывались руководить избирательной кампанией на своей территории. Руководящие органы ВКП (б) также обязывались координировать деятельность районов, входящих в один избирательный округ⁷.

Данный механизм, носивший явно неправовой характер, позволял полностью контролировать выборную кампанию на всех этапах, однако никак не коррелировался с положениям Конституции СССР 1936 г. Решение было найдено в декабре 1937 г. в обращении ЦК ВКП (б) «Ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам, к Красной Армии, и советской интеллигенции». Этот документ фактически выполнил роль толкования-разъяснения соответствующих положений основного закона страны, что, опять-таки, не было предусмотрено никакими нормативными правовыми актами.

В обращении констатировалось: «Зарегистрированные в избирательных округах кандидаты в депутаты Верховного Совета, как коммунисты, так и беспартийные, выдвинуты общими собраниями рабочих и служащих по заводам, собраниями красноармейцев по воинским частям, собраниями колхозников и единоличников по селам на

основе избирательного союза коммунистов и беспартийных. Эти кандидатуры единодушно поддержаны многочисленными митингами трудящихся по избирательным округам и участкам»⁸.

В обращении вопрос о возможности выбора одной кандидатуры из нескольких не ставится, наоборот, предлагается единодушно голосовать за каждого кандидата⁹. Более того, сформулировано положение о том, что каждый избиратель должен реализовать свое право избрать депутатов в Верховный Совет СССР.

Таким образом, в ходе избирательной кампании 1937 г. Коммунистическая партия создала хорошо продуманный механизм, главной задачей которого было выдвижение под жестким контролем партийных органов одного безальтернативного кандидата в избирательном округе, а избирателям фактически предписывалась обязанность проголосовать за данную кандидатуру, с тем чтобы подтвердить своим единодушным голосованием достижения социализма в СССР. Основные положения всех проанализированных выше документов Коммунистической партии станут для представителей гуманитарных дисциплин, в том числе юриспруденции и истории государства и права, теми аксиомами, которые воспроизводились и комментировались практически без изменений.

Подобное положение просуществует более полувека и изменится только в 1989 г. Отказ же от использования рассмотренной выше практики и методов станет одной из причин краха власти КПСС в нашей стране.

⁶ Там же. С. 413.

⁷ Там же. С. 414.

⁸ Там же. С. 418.

⁹ Там же. С. 423.

Литература

1. Коммунистическая партия Советского Союза в решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК (1898–1980). Т. 6: 1933–1937. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985.

References

1. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v resheniyakh syezdov, konferentsiyakh i plenumov TSK (1898–1980). T. 6: 1933–1937 [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1980). Vol. 6: 1933–1937]. 9-e izd., dop. i ispr. Moskva: Politizdat — 9th edition, revised and enlarged. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1985.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-26-31

Законодательная регламентация «доносов» в России в период правления Петра I: особенности, обязанности, ответственность и поощрение

Данилова Наталья Викторовна,
преподаватель кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
29nvd29@mail.ru

В статье на основе законодательной практики первой четверти XVIII века и исходя из анализа уголовно-правовых актов рассматриваются наиболее важные виды преступлений, по которым для российских подданных устанавливалась обязанность осуществлять доносы. В статье рассматриваются различные виды уголовной ответственности за недонесение о преступлениях, а также отмечаются меры стимулирующего характера за так называемые справедливые доносы, предусмотренные законодательством.

Ключевые слова: преступление, недонесительство, обязанность доносов, «государственный интерес», ответственность за несообщение о преступлении, правдивый донос, вознаграждение.

Legal Regulation of 'Denunciations' in Russia in the Period of Rule of Peter the Great: Peculiarities, Obligations, Liability and Encouragement

Danilova Natalya V.
Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article, based on legislative practice of the first quarter of XVIII century and the analysis of criminal statutes, deals with the most important forms of crime that establish the obligation for Russian citizens to implement denunciation. The article examines various forms of criminal responsibility for misprision of crime and points out the stimulating measures for, so-called, fair denunciations that are provided by the law.

Keywords: crime, misprision, obligation to denunciate, national interest, responsibility for misprision, fair denunciation, remuneration.

Абсолютная монархия в России окончательно закрепила свои позиции в период правления Петра I. К числу важнейших задач, стоящих перед монархической властью в первой четверти XVIII в., относилось обеспечение государственного интереса и противодействие любым преступным деяниям, направленным на причинение вреда и ущерба интересам государства.

«Государственный интерес» как политический фактор, осуществляющий и действующий как бы вне времени и озабоченный прежде всего сохранением и стабилизацией вполне конкретного государственного образования, использует для этих целей са-

мые разнообразные политические и правовые техники»¹.

Возложение на подданных обязанности доносительства было обусловлено соображениями «государственного интереса», который являлся приоритетным направлением абсолютистской политики и требовал введения особых форм защиты, включая уголовно-правовые. Посредством обязательности принесения доносов, причем подкрепленной угрозой тяжких уголовных наказаний, извлекалась определенная

¹ Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории. М., 2018. С. 167.

выгода для государства: предотвращение и обнаружение «похищений государственных интересов».

Основными видами преступлений в период правления Петра I, по которым устанавливалась обязанность «изветов» (доносов), являлись, как и ранее, политические преступления. Так, Артикул воинский с кратким толкованием 1715 г. требовал доносить по делам, которые касались любых посягательств, направленных против государя, государыни, а также наследника престола. Также следовало доносить о бунте и возмущении. Недоносители о таких преступлениях наказывались смертной казнью и конфискацией имущества (толк. к арт. 19, арт. 20)². Такое же наказание ожидало и недоносителей об оскорблении государевой чести и нарушителях общественного спокойствия³.

К лицам, которые не довели до сведения властей имеющуюся у них информацию относительно измены, шпионажа и вообще о подозрительных лицах, в зависимости от ситуации полагалась смертная казнь или телесные наказания (арт. 129). Аналогичное наказание ожидало и тех, которые «такие слова слышали, или таковые письма читали, в которых о бунте и возмущении упомянуто, а в надлежащем месте или офицерам своим вскоре не донесли» (арт. 136)⁴.

В целях борьбы с «подметными письмами» (анонимные доносы), в которых могли содержаться различные оскорбительные слухи для власти, законодательство содержит нормы, устанавливающие ответственность не только за недоносительство о таких письмах, но и за неизвещение о тех, «кто запершись пишет письма», исключая при этом «учителей церковных»⁵.

² Законодательство Петра I. М., 1997. С. 755–756.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. СПб., 1830. Т. VI. № 3984. С. 666.

⁴ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 776–777.

⁵ Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой: историко-юридическое исследование. М., 1891. С. 394.

В отличие от Уложения Алексея Михайловича 1649 г., петровский Артикул закреплял обязанность доносов в том числе и по религиозным преступлениям, в частности, за несообщение о богохульстве в отношении Девы Марии и других святых, виновного ожидала смертная казнь или конфискация имущества, в зависимости от обстоятельств дела (арт. 5).

Донос в период правления Петра I, как отмечает Н.С. Таганцев, «становится безусловно обязанностью не только как это было в Уложении, по преступлениям государственным в собственном смысле, но и вообще по преступлениям, имевшим какую-либо связь с казенными интересами»⁶.

В соответствии с Именным указом от 25 января 1715 г., российским подданным вменялось в обязанность принесение непосредственно самому Петру I⁷ в устной или письменной форме доносов о всех преступлениях, которые были связаны не только со злым умыслом против персоны государя, с возмущением или бунтом, но и с похищением денежной казны⁸. Так, в соответствии с Артикулом воинским, не донесшего о казнокрадстве ожидала виселица⁹.

Следует отметить, что существенный ущерб казне, которая являлась средством обеспечения нужд и интересов государства, наносился за счет значительного увеличения роста коррупционной деятельности. Одним из самых тяжких должностных преступлений в России в первой четверти XVIII в. являлось взяточничество, которое выделяется «в самостоятельный состав преступления»¹⁰, как «похищения лукавые Государственной казны». Октябрьский указ 1713 г. предписывал по таким преступлениям «доносить истину» не только людям всех чинов, но и крестьянам¹¹. Согласно друго-

⁶ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. СПб., 1880. С. 133.

⁷ Принятый в 1718 г. указ потребовал подавать доносы о похищениях казны непосредственно фискалам.

⁸ ПСЗ РИ. Т. V. № 2877. С. 138.

⁹ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 788.

¹⁰ Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992. С. 175.

¹¹ ПСЗ РИ. Т. V. № 2726. С. 63.

му Именному указу от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и наказании за оное», тех, кто знал и не известил («хотя подвластные или собственные» люди преступника) о лихоимстве, ожидали телесные наказания, лишение имения, процедура шельмования: «и из числа добрых людей извержен или и смертью казнен будет»¹².

Поскольку существенные финансовые доходы государство получало от различного рода монополий, законодательством была установлена уголовная ответственность за нарушение правил казенной торговли вином или табаком не только корчемникам, но и лицам, не сообщившим властям о такого рода преступлениях. Чаще всего к таким недоносителям применялись наказания имущественного характера в виде частичной конфискации («пожитков», поместий, вотчин, заводов, лавок, торговых промыслов и т.д.). Однако Именной указ, принятый 31 марта 1711 г., изменил санкцию за несообщение о таких преступлениях, ограничившись фразой: «жестoko наказаны и штраф»¹³.

Кроме того, закреплялась всеобщая обязанность (включая родственников и холопов) приносить доносы, связанные с сокрытием различных таможенных сборов и пошлин, «ослушников» ожидала конфискации в размере половины «пожитков и вотчин»¹⁴.

Также в обязанность людей «всяких чинов» входило сообщение в Канцелярию Правительствующего Сената о фальшивомонетчиках, за недонесение о которых полагалось наказание, как и за само преступление¹⁵.

Учитывая ту роль, которую Петр I отводил вооруженным силам, и осознавая огромное значение армии и флота, он «принимал все меры к тому, чтобы эти силы не терпели урона благодаря разным отлыниваниям от военной службы»¹⁶. К числу таких мер относится, например, мартовский

Указ 1712 г., в котором повелевалось под угрозой применения смертной казни сообщать о всех тех, кто во время войны укрывал беглых солдат¹⁷. Впоследствии к таким недоносителям в качестве санкции предписывалось «чинить жестокое наказание», соединенное с конфискацией имущества¹⁸.

Также с сентября 1715 г. следовало всем подданным (включая дворянских слуг и крестьян) приносить доносы о тех дворянах, которые уклонились от явки к определенному сроку на смотр. Причем доносить по таким делам следовало только в указанных законом сроки¹⁹.

Реальную опасность для государства представляло «чрезмерное накопление беглых людей, воров и разбойников, которые во многих местах образовывали постоянные шайки и явно производили грабежи и убийства»²⁰.

Обязанностью каждого являлось объявление (сообщение) местным властям об известном ему пристанище воров и разбойников. Так, в Указе 1695 г. повелевалось доносить о ворах и разбойниках, за неисполнение данной обязанности предусматривалась смертная казнь без всякого милосердия с конфискацией имущества²¹. Согласно Высочайшей резолюции 1714 г. «О наказании за разбой», тех людей, которые ведали об известном им воровстве, а не известили, ожидала ссылка на каторжные работы²².

Отметим, что прямая обязанность доносить о любых известных им преступных деяниях возлагалась на различных должностных лиц в силу их служебного положения.

Защищая интересы государства, Петр I не ограничивается только рамками установления суровых санкций за наиболее «вредные» преступные деяния, но и вводит обязанность информирования о них, за что устанавливается вознаграждение.

¹² Там же. Т. V. № 2871. С. 136.

¹³ Там же. Т. IV. № 2343. С. 654.

¹⁴ Там же. Т. IV. № 2033. С. 290.

¹⁵ Там же. Т. IV. № 2430. С. 741.

¹⁶ Викторский С.И. История смертной казни в России и ее современное состояние. М., 1912. С. 161.

¹⁷ ПСЗ РИ. Т. IV. № 2499. С. 818.

¹⁸ Там же. Т. V. № 2900. С. 153

¹⁹ Там же. Т. V. № 2845. С. 125; № 2925. С. 164–165.

²⁰ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 131.

²¹ ПСЗ РИ. Т. III. № 1510. С. 202.

²² Там же. Т. V. 5. № 2823. Ст. 4. С. 115.

Артикул воинский по аналогии с Соборным Уложением царя Алексея Михайловича, обходит стороной вопрос о мерах государственного поощрения «изветчиков». Подобные меры стимулирующего характера содержались в незначительном количестве еще в практике Московского государства, однако в первой четверти XVIII в. их число значительно увеличилось.

В эпоху правления Петра Алексеевича материальное поощрение полагалось исключительно за так называемые «правдивые» доносы не только по государственным (политическим) преступлениям, но и по преступлениям, которые в той или иной мере затрагивали «государственные интересы».

В отдельных Петровских указах вид вознаграждения и его размер устанавливались достаточно неопределенно. Например, «государева милость и награда» были обещаны сообщившим об изготовлении фальшивых медных денег²³. Аналогичная награда обещалась и за сообщение сведений, связанных с оскорблением государевой чести, и о нарушителях общественно-спокойствия. В XVII веке в Московском государстве под «милостью» понималось как наделение изветчиков (за правдивый донос) вотчинными и поместными землями, так и выдача определенных денежных сумм, а также различные преференции и другие выгодные благоприятные последствия²⁴. Очевидно, что практика в первой четверти XVIII в. пошла по подобному пути. Так, в марте 1722 г. пензенский посадский человек Федор Каменщик, незамедлительно донесший до сведения властей об услышанных при большом стечении народа «злых словах», произнесенных в адрес императорского величества, получил в качестве награды 300 руб., пожизненное право беспошлинной торговли своими товарами и защиту «от всяких обид»²⁵.

В основном же в законодательных актах первой четверти XVIII в. упоминалось о вполне конкретных «наградах». Так, за со-

общение о месте пребывания беглых рекрутов доносителям в качестве вознаграждения выплачивалась сумма в размере 5 руб.²⁶. За донос об утайке родившихся уродов «как в человеческой породе, так в зверской и птичьей» была возможность получить достаточно существенную сумму: от 70 до 1 000 руб.²⁷.

Чаще всего вознаграждение доносителям выдавалось из конфискованного имущества преступника, о чем свидетельствует ряд указов первой четверти XVIII в.

Так, за «извет» о незаконном изготовлении и продаже вина и табака устанавливалась награда в размере 1/4 части «пожитков» каждого корчемника²⁸. В таком же размере вознаграждались оповестившие об утайке бурмистрами чего-либо в переписных книгах, составленных в результате переписи городского населения с указанием «достатка и промыслов каждого»²⁹. Две трети от движимого и недвижимого имущества «воров» можно было получить за доношение о пристанодержателях беглых солдат, матросов, рекрутов, драгунов³⁰.

Сообщившим властям о дворянах (в возрасте от 10 до 30 лет), уклонившихся от явки на смотр к определенному сроку, а также о лицах, укрывающихся от государственной службы, обещались их деревни и «пожитки»³¹.

За достоверное сообщение о преступлениях, связанных с утаиванием таможенных сборов, «изветчикам» полагалась 1/4 часть конфискованного имущества преступника, «несвободным же рабам сверх того» предоставлялась свобода³². Аналогичное вознаграждение получали и за достоверное сообщение о незаконной продаже вина, пива, меда, табака. Доноситель, «смотря по усердию», мог получить часть из поместий и вотчин³³.

²⁶ Там же. Т. IV. № 2885. С. 141.

²⁷ Там же. Т. V. № 3159. С. 541–542.

²⁸ Там же. Т. IV. № 2343. С. 654.

²⁹ Там же. Т. IV. № 2076. С. 324.

³⁰ Там же. Т. V. № 3435. С. 749–750.

³¹ Там же. Т. IV. № 2845. С. 125; № 2337, С. 648–649. П. 3.

³² Там же. Т. IV. № 2033. С. 290.

³³ Там же. Т. IV. № 2045. С. 303; № 2074, С. 319; № 234. С. 654.

²³ Там же. Т. IV. № 2430. С. 241–242.

²⁴ Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 162.

²⁵ ПСЗ РИ. Т. VI. № 3984. С. 666.

Согласно Именному указу от 23 октября 1713 г., устанавливалось поощрение лицам, информировавшим царское величество о «грабителях народа». За сообщения подобного рода доносителю полагалось как движимое, так и недвижимое имущество «злодея», а также и чин преступника, если доносивший будет того достоин³⁴.

Интересным представляется тот факт, что в отдельных законодательных актах Петра I устанавливалось вознаграждение за донос о недоносительстве. В качестве награды такие доносчики получали 1/4 часть от конфискованного у преступника имущества³⁵.

Размер вознаграждения за доносы, содержащие в себе правду, зависел от усмотрения самого монарха и от размера причиненного вреда или размера вреда которого удалось избежать. В качестве награды полагались «милость государева», вотчины, поместья, деньги и т.д.

Таким образом, отличительной особенностью рассматриваемого периода истории государства и права России является не только подтверждение предшествую-

щих постановлений о доносительстве, но и значительное увеличение числа законов, содержащих уголовно-правовые нормы, закрепляющие обязанность принесения доносов по ряду преступлений, которые, по мысли законодателя первой четверти XVIII в., наносили или могли нанести вред государственным интересам.

При этом с целью обеспечения защиты государственных интересов законодательными актами первой четверти XVIII века в России устанавливались не только запреты и обязанности, но и поощрительные меры, при этом государство в вопросах вознаграждения доносителей, даже по наиболее важным государственным или тяжким уголовным преступлениям, практически всегда использовало имущество лиц, донос на которых совершался, подтверждая тем самым, что «государственный интерес» — это сама сущность государства... и его цель — только само государство³⁶.

³⁴ Там же. Т. V. № 2726. С. 63.

³⁵ Там же. Т. IV. № 2074. С. 319.

³⁶ Исаев И.А. История государства и права // Государственный интерес и государственное управление. М., 2014. № 9.

Литература

1. Викторский С.И. История смертной казни в России и ее современное состояние / С.И. Викторский. Москва : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. 387 с.
2. Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории / И.А. Исаев. Москва : Проспект, 2018. 224 с.
3. Исаев И.А. Государственный интерес и государственное управление / И.А. Исаев // История государства и права. 2014. № 9. С. 41–50.
4. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В.А. Линовский. Одесса : Тип. А. Нитче, 1849. 262 с.
5. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права : Часть общая. Кн. 1. Вып. 1–3 / Н.С. Таганцев. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1880. 284 с.
6. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века / Г.Г. Тельберг. Москва : Тип. Императорского Московского ун-та, 1912. 342 с.
7. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой : историко-юридическое исследование / А. Филиппов. Москва : Унив. тип., 1891. 457 с.

References

1. Viktor'skiy S.I. Istoriya smertnoy kazni v Rossii i ee sovremennoe sostoyanie [History of the Death Penalty in Russia and Its Modern Status] / S.I. Viktor'skiy. Moskva : Tip. Imp. Mosk. un-ta — Moscow : Printing office of the Imperial Moscow University, 1912. 387 s.
2. Isaev I.A. Vooobrazhaemaya gosudarstvennost. Prostranstvo bez territorii [Imaginary Statehood. Space without Territory] / I.A. Isaev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2018. 224 s.
3. Isaev I.A. Gosudarstvenny y interes i gosudarstvennoe upravlenie [State Interest and Public Administration] / I.A. Isaev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. № 9. S. 41–50.

4. Linovskiy V.A. Opy't istoricheskikh rozy'skaniy o sledstvennom ugovnom sudoproizvodstve v Rossii [Experience of Historical Inquiries about Investigative Criminal Proceedings in Russia] / V.A. Linovskiy. Odessa : Tip. L. Nitche — Odessa : L. Nitche's printing office, 1849. 262 s.
5. Tagantsev N.S. Kurs russkogo ugovnogo prava: Chast obschaya. Kn. 1. Vy`p. 1–3 [A Course in Russian Criminal Law: The General Part. Book 1. Issue 1–3] / N.S. Tagantsev. Sankt-Peterburg : Tip. M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M. Stasyulevich's printing office, 1880. 284 s.
6. Telberg G.G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestupleniy v Moskovskom gosudarstve XVII veka [Sketches of Political Trial and Political Crimes in the Moscow State in the XVII Century] / G.G. Telberg. Moskva : Tip. Imperatorskago Moskovskago un-ta — Moscow : Printing office of the Imperial Moscow University, 1912. 342 s.
7. Filippov A. O nakazanii po zakonodatelstvu Petra Velikogo, v svyazi s reformoyu : istoriko-yuridicheskoe issledovanie [On Punishment under Peter the Great's Laws in View of the Reform : Historical and Legal Research] / A. Filippov. Moskva : Univ. tip. — Moscow : University Printing Office, 1891. 457 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-31-36

Почтовое ведомство Российской империи в начале XIX в.

Приходько Михаил Анатольевич,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
mprihod@list.ru

К началу XIX века Главное почтовое правление (Почтовый департамент) занимало промежуточное положение в системе учреждений государственного управления Российской империи. Еще в 1782 году Главное почтовое правление (Почтовый департамент) было выделено из состава Коллегии иностранных дел и стало самостоятельным государственным учреждением. Но Главное почтовое правление (Почтовый департамент) не имело юридического статуса коллегии и только по своему фактическому положению в системе учреждений государственного управления могло считаться близким к коллегиям. Главное почтовое правление (Почтовый департамент) продолжает действовать до 1806 года, когда оно теряет свою самостоятельность в связи с присоединением к Министерству внутренних дел, и в 1811 году преобразуется в Почтовый департамент Министерства внутренних дел.

Ключевые слова: государственная система, государственное управление, почтовое ведомство, Российская империя.

The Postal Authority of the Russian Empire in the Early XIX Century

Prikhodko Mikhail A.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law)

By the beginning of the XIX century, the Main post office (Postal Department) occupied an intermediate position in the system of state administration institutions of the Russian Empire. As early as 1782, the Main post office (Postal Department) was separated from the Board of Foreign Affairs and became an independent state institution. However, the Main post office (Postal Department) did not have the legal status of a College and only by its actual position in the system of public administration institutions could be considered close to the colleges. The Main post office (Postal Department) continues to operate until 1806, when it loses its independence due to joining the Ministry of the Interior and in 1811 is transformed into the Postal Department of the Ministry of the Interior.

Keywords: state system, state administration, post office, the Russian Empire.

К началу XIX в. Главное почтовое правление (Почтовый департамент)¹ (далее — ГПП(ПД)) занимало промежуточное положение² в системе учреждений государственного управления Российской империи.

Еще в 1782 году ГПП(ПД) было выделено из состава Коллегии иностранных дел³ и стало самостоятельным государственным учреждением.

По примерному Штату 1799 г.⁴ и дополнительному Штату 1801 г.⁵ ГПП(ПД) получило коллежское организационное устройство, текущее управление которым осуществлял президент ГПП, а общее руководство главный директор почт.

Но ГПП(ПД) не имело юридического статуса коллегии и только по своему фактическому положению в системе учреждений государственного управления могло считаться близким к коллегиям.

Общую структуру⁶ так называемого почтового ведомства образовывали: Главное почтовое правление, Канцелярия ГПП и Канцелярия при главном директоре почт⁷.

ГПП состояло из 7⁸ экспедиций: 1) дела по открытию, переводу и упраздне-

нию почтовых контор, по личному составу и по сообщению служащим высочайших и сенатских указов; 2) дела по управлению почтовыми станциями, по жалобам на почтовых служащих, по составлению маршрутов, об утрате эстафет и о почтовых домах; 3) дела экономические; 4) дела по взысканию с различных учреждений долгов за пересылку иностранной корреспонденции и эстафет, дела следственные, дела по отсылке ведомостей о денежной казне и по отношениям с Экспедицией о государственных доходах; 5) Счетная; 6) Казначейская; 7) Регистраторская⁹.

1-я, 2-я, 3-я и 4-я экспедиции возглавлялись секретарями, 5-я — контролером, 6-я — казначеем и 7-я — протоколистом.

Экспедиции делились на столы, под руководством столоначальников¹⁰.

Канцелярией ГПП и Канцелярией при главном директоре почт руководили правители.

Текущее управление ГПП осуществлял президент ГПП, а общее руководство ГПП(ПД) осуществлялось главным директором почт¹¹.

Порядок делопроизводства в ГПП(ПД) был унаследован им из Коллегии иностранных дел.

Вся получаемая корреспонденция распечатывалась президентом или советниками ГПП. На всех входящих бумагах делалась пометка о получении. Если вопрос решался тут же общим мнением членов ГПП, резолюция писалась на документе рукой присутствующего в ГПП. Если вопрос назначался к докладу со справками, то все подобные дела заносились в журнал входящих бумаг и направлялись в соответствующие экспедиции ГПП. В экспедициях составлялись справки или экстракт из

¹ В начале царствования императора Александра I Почтовым департаментом называлось все почтовое ведомство, включая его центральные и местные учреждения, но, поскольку в правовых актах и делопроизводственных документах применялись оба термина — Главное почтовое правление и Почтовый департамент, мы приводим их вместе.

² Между центральными и местными государственными учреждениями.

³ ПСЗ-1. Т. 21. № 15361. С. 430–431.

⁴ Там же. Т. 25. № 18938. С. 620–621; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4 к. № 18938. С. 327–443.

⁵ Там же. Т. 26. № 19848. С. 619; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4 к. № 19848. С. 1.

⁶ Примерную.

⁷ Месяцослов... на... 1802. СПб., 1802. С. 158–159.

⁸ Соколов Н.И. О присоединении Почтового департамента к Министерству внутренних дел при императоре Александре I // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1898. № 1. Январь. С. 172–175; Он же. Русская почта в царствование императора Павла I // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1900. № 10. Октябрь. С. 1146;

Шедлинг М.Ю. К истории российской почты // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1915. Ноябрь — декабрь. С. 467.

⁹ Соколов Н.И. Русская почта в царствование императора Павла I // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1900. № 10. Октябрь. С. 1147.

¹⁰ Соколов Н.И. О присоединении Почтового департамента к Министерству внутренних дел при императрице Александре I // Там же. С. 173–175.

¹¹ Месяцослов... на... 1802. СПб., 1802. С. 158.

дел и с подлинными документами докладывались секретарями экспедиций. После доклада президентом ГПП или одним из советников ГПП на документе писалась окончательная резолюция, и он возвращался в экспедицию для составления протокола или определения. После чего протокол или определение представлялись на утверждение членов ГПП, начиная с младшего советника и кончая президентом ГПП. После утверждения протокола или определения они переписывались и подписывались членами ГПП, и на основе подписанного документа составлялась исходящая бумага¹².

С вступлением в должность 13 марта 1801 г. главного директора почт Д.П. Трощинского порядка делопроизводства претерпел незначительные изменения: заготовленные по резолюциям протоколы и определения в тот же день вносились в меморию¹³ и по утверждении ее главным директором почт переписывались отдельно по каждой статье в обыкновенной форме. После их подписания составлялась исходящая бумага¹⁴.

От императора и Правительствующего Сената ГПП(ПД) получало указы, а от главного директора почт предложения. Почт-директоры получали от главного директора почт ордера¹⁵.

Тем самым к началу XIX века ГПП(ПД) принадлежало к числу многочисленных в это время коллежских учреждений — учреждений государственного управления, подчиненных по общему правилу Правительствующему Сенату, которые не имели юридического статуса коллегии и вследствие этого имели неопределенный правовой статус, занимая промежуточное положение между центральными и местными государственными учреждениями, но фактически близкое к центральным.

При подготовке и разработке министерской реформы первоначально планировалось включить ГПП(ПД) в состав Министерства финансов¹⁶, но в конечном итоге было принято решение присоединить ГПП(ПД) к Министерству внутренних дел¹⁷.

Вследствие этого Манифест «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. содержал положения, самым радикальным образом затрагивавшие ГПП(ПД), — в соответствии со ст. IV ГПП(ПД) вошло в состав МВД¹⁸.

Но на практике это положение не было реализовано, и ГПП(ПД) продолжало действовать как самостоятельное государственное учреждение под руководством главного директора почт Д.П. Трощинского¹⁹.

Более того, право непосредственного доступа Д.П. Трощинского к императору по должности министра Департамента уделов (министра уделов) и по назначению состоять при особе Е.И.В. создавало ситуацию, когда вопросы почтового управления доводились лично Д.П. Трощинским императору Александру I, что фактически обеспечивало ГПП(ПД) положение государственного учреждения, близкого к центральному государственному учреждению или к отдельному ведомству²⁰, т.е. так сказать «министерства 2-го класса»²¹, наряду

¹² РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 137. Л. 264об.–266.

¹³ То есть записку (выписку).

¹⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 137. Л. 266–266об.

¹⁵ Соколов Н.И. Неопубликованные записки и исследования по истории русской почты, хранящиеся в правительственных архивах и библиотеках // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1901. № 10. Октябрь. С. 931.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 12. Л. 14; Д. 9. Л. 23об.; СПб ИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 22об.

¹⁷ СПб ИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 38.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 244–245.

¹⁹ Бржозовский И.Ф. Историческое развитие постановлений русского законодательства по почтовой части. Казань, 1855. С. 62; Соколов Н.И. О присоединении Почтового департамента к Министерству внутренних дел при императоре Александре I // Там же. С. 176; Адрианов С.А. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. Приложение 2. Почта и телеграф в XIX ст. СПб., 1901. С. 4.

²⁰ Аничков А.В. Биографические сведения об управлявших почтовой частью в России // Прибавление к общему циркуляру по Главному управлению почт. 1846. № 33. С. 35.

²¹ То есть государственным учреждением по своему фактическому положению, близкому к центральным государственным учреждениям.

с продолжавшими действовать в это время ведомством Государственного казначея (Государственным казначейством), Департаментом водяных коммуникаций, Экспедицией о устройении дорог в государстве, Военно-походной Е.И.В. канцелярией и учреждениями придворного управления.

Таким образом, несмотря на указание Манифеста «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. о присоединении ГПП(ПД) к МВД, ГПП(ПД) функционировало самостоятельно и министерская реформа не затронула его структуру и порядок делопроизводства²².

В связи с этим мы не согласны с точкой зрения авторов современного справочника «Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917», что с 1782 по 1806 год ГПП(ПД) действовало в составе Правительствующего Сената²³.

В 1802–1806 годах происходит единственное структурное изменение в ГПП — количество экспедиций ГПП было сокращено с 7 до 5²⁴.

К сожалению, архивные источники пока не дают возможности конкретизировать точную дату этого события²⁵.

И только отставка Д.П. Трощинского со всех постов, последовавшая 9 июня 1806 г., позволила реализовать положения Манифеста «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. о присоединении ГПП(ПД) к МВД²⁶.

²² В архивном документе «Историческое описание об учреждении и распространении почт в России» (около 1833 г.) 1802 г. даже не упомянут (РГИА. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 13. Л. 79).

²³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 21.

²⁴ Соколов Н.И. Неопубликованные записки и исследования по истории русской почты, хранящиеся в правительственных архивах и библиотеках // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1901. № 10. Октябрь. С. 925–927.

²⁵ По крайней мере в высочайше утвержденном докладе министра внутренних дел В.П. Кочубея «Об учреждении в Главном почтовом правлении Счетной экспедиции» от 10 февраля 1807 г. ГПП уже состоит из 5 экспедиций (ПСЗ-1. Т. 29. № 22452. С. 1010).

²⁶ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 123. Л. 6; СПб ИИ РАН. К. 286. Оп. 1. Ч. 1. Д. 159. Л. 83.

Специальным Указом «О присоединении Почтового департамента к Министерству внутренних дел» от 9 июня 1806 г. это присоединение было произведено на практике²⁷.

Уже 14 июня 1806 года ГПП направило рапорт «О состоянии Почтового департамента» к министру внутренних дел В.П. Кочубею²⁸.

Тем самым с 9 июня 1806 г. руководителем ГПП(ПД) или почтовым ведомством стал министр внутренних дел В.П. Кочубей.

В этой связи мы вынуждены опровергнуть указание авторов справочника «Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917», что в качестве руководителя почтового ведомства в 1807–1811 гг. выступал президент ГПП Г.П. Кондоиди²⁹.

В первое время присоединение ГПП(ПД) к МВД носило характер переподчинения, так как порядок делопроизводства и структура ГПП(ПД) оставались прежними: ГПП в составе 5 экспедиций, Канцелярия ГПП и Канцелярия при главном директоре почт³⁰.

Но уже с 1807 года в ГПП(ПД) проводятся структурные изменения.

10 февраля 1807 г., согласно высочайше утвержденному докладу министра внутренних дел В.П. Кочубея, в ГПП на основе 3-й и 5-й экспедиций образуется единая Счетная экспедиция³¹.

Тем самым теперь ГПП составляли три номерные экспедиции — 1-я, 2-я, 3-я (бывшая 4-я) под руководством секретарей и неномерная Счетная экспедиция под руководством начальника.

Канцелярия при главном директоре почт была переименована в Канцелярию министра внутренних дел по почтовому управлению³².

²⁷ ПСЗ-1. Т. 23. № 22168. С. 364.

²⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 136. Л. 4–7.

²⁹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2001. Т. 2. С. 20.

³⁰ Месяцослов... на... 1806. Ч. 1. СПб., 1806. С. 251–253.

³¹ ПСЗ-1. Т. 29. № 22452. С. 1009–1011.

³² Не позднее 17 марта 1807 г. (Месяцослов... на... 1807. Ч. 1. СПб., 1807. С. 272, 274).

Далее, 16 октября 1809 г. Канцелярия министра внутренних дел по почтовому управлению³³ была преобразована в Почтовое отделение МВД, под руководством начальника отделения и в штатном составе 2 столоначальников, 2 их помощников и 1 журналиста³⁴.

Это преобразование стало переходной ступенью к дальнейшей трансформации ГПП в составе МВД³⁵.

На основе Именного указа министру внутренних дел О.П. Козодавлеву «О преобразовании Главного почтового управления в Почтовый департамент и о введении делопроизводства дел по новому учреждению» от 2 июня 1811 г.³⁶ было начато пре-

образование ГПП в Почтовый департамент МВД, под руководством директора, в составе трех отделений под руководством начальников отделений³⁷.

При этом в ПД МВД вводился порядок делопроизводства в соответствии с новым учреждением министерств³⁸, т.е. с будущим «Общим учреждением министров» от 25 июня 1811 г., проект которого был опубликован в 1810 г.³⁹ и фигурировал в делопроизводственных документах и правовых актах как «новый министерский устав»⁴⁰.

Таким образом, возникнув как самостоятельное государственное учреждение, путем выделения из КИД в 1782 г. ГПП(ПД) продолжает действовать до 1806 г., когда оно теряет свою самостоятельность в связи с присоединением к МВД, и в 1811 г. преобразуется в Почтовый департамент МВД.

³³ В тексте Указа от 16 октября 1809 г., а также и в ряде архивных источников (РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 184. Л. 1) она именуется Канцелярией при министре внутренних дел по штату главного директора почт (ПСЗ-1. Т. 30. № 23912. С. 1217).

³⁴ ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. Отд. 4 к. № 23912. С. 150–151.

³⁵ Соколов Н.И. О присоединении Почтового департамента к Министерству внутренних дел при императоре Александре I // Там же. С. 185.

³⁶ ПСЗ-1. Т. 31. № 24659. С. 670–671.

³⁷ ЦМС им. А.С. Попова. Ф. История почты. Оп. 1. Д. 86. Л. 124–125.

³⁸ ПСЗ-1. Т. 31. № 24714. С. 809.

³⁹ Проект министерского устава... Ч. 1. Общее образование министерств. СПб., 1810.

⁴⁰ РГИА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 2; Ф. 1299. Оп. 1. Д. 74. Л. 103.

Литература

1. Адрианов С.А. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. Приложение 2. Почта и телеграф в XIX ст. / С.А. Адрианов. Санкт-Петербург : Тип. Министерства внутренних дел, 1901. 248 с.
2. Аничков А.В. Биографические сведения об управлявших почтовой частью в России / А.В. Аничков // Прибавление к общему циркуляру по Главному управлению почт. 1846. № 33. С. 35.
3. Бржозовский И.Ф. Историческое развитие постановлений русского законодательства по почтовой части / О. Бржозовский. Казань : И. Дубровин, 1855. 68 с.
4. Соколов Н.И. Неопубликованные записки и исследования по истории русской почты, хранящиеся в правительственных архивах и библиотеках / Н.И. Соколов // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1901. № 10. Октябрь. С. 925–931.
5. Соколов Н.И. О присоединении Почтового департамента к Министерству внутренних дел при императоре Александре I / Н.И. Соколов // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1898. № 1. Январь. С. 172–185.
6. Соколов Н.И. Русская почта в царствование императора Павла I / Н.И. Соколов // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1900. № 10. Октябрь. С. 1146–1147.
7. Шедлинг М.Ю. К истории российской почты / М.Ю. Шедлинг // ПТЖ. Отдел неофициальный. 1915. Ноябрь — декабрь. С. 467.

References

1. Adrianov S.A. Ministerstvo vnutrennikh del. 1802–1902. Istoricheskiy ocherk. Prilozhenie 2. Pochta i telegraf v XIX st. [The Ministry of Internal Affairs. 1802 to 1902. A Historical Sketch. Annex 2. Post and Telegraph in the XIX Century] / S.A. Adrianov. Sankt-Peterburg : Tip. Ministerstva vnutrennikh del — Saint Petersburg : Printing office of the Ministry of Internal Affairs, 1901. 248 s.

2. Anichkov A.V. Biograficheskie svedeniya ob upravlyavshikh pochtovoy chastyu v Rossii [Biographical Details about Postal Service Governing Officials in Russia] / A.V. Anichkov // Pribavlenie k obschemu tsirkulyaru po Glavnomu upravleniyu pocht — Supplement to the General Circular Note to the Chief Postal Directorate. 1846. № 33. S. 35.
3. Brzhozovskiy I.F. Istoricheskoe razvitiye postanovleniy russkogo zakonodatelstva po pochtovoy chasti [Historical Development of Resolutions in Russian Laws Concerning the Postal Service] / O. Brzhozovskiy. Kazan : I. Dubrovin — Kazan : I. Dubrovin, 1855. 68 s.
4. Sokolov N.I. Neopublikovanny'e zapiski i issledovaniya po istorii russkoy pochty, khranyaschiesya v pravitelstvenny'kh arkhivakh i bibliotekakh [Non-Published Notes and Studies on History of Russian Post Kept in Government Archives and Libraries] / N.I. Sokolov // PTZH. Otdel neofitsialny'y. 1901. № 10. Oktyabr — PTZH. Unofficial Department. 1901. № 10. October. S. 925–931.
5. Sokolov N.I. O prisoedinenii Pochtovogo departamenta k Ministerstvu vnutrennikh del pri imperatore Aleksandre I [On Merger of the Postal Department into the Ministry of Internal Affairs under Emperor Alexander I] / N.I. Sokolov // PTZH. Otdel neofitsialny'y. 1898. № 1. Yanvar — PTZH. Unofficial Department. 1898. № 1. January. S. 172–185.
6. Sokolov N.I. Russkaya pochta v tsarstvovanie imperatora Pavla I [Russian Post in the Period of the Rule of Emperor Paul I] / N.I. Sokolov // PTZH. Otdel neofitsialny'y. 1900. № 10. Oktyabr — PTZH. Unofficial Department. 1900. № 10. October. S. 1146–1147.
7. Shedling M.Yu. K istorii rossiyskoy pochty` [On History of Russian Post] / M.Yu. Shedling // PTZH. Otdel neofitsialny'y. 1915. Noyabr — dekabr — PTZH. Unofficial Department. 1915. November to December. S. 467.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-36-41

Становление конституционного права в Германии в XIX веке

Филиппова Татьяна Петровна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
tatyana.filippova.1948@mail.ru

Статья посвящена истории появления первых конституций в германских государствах, начиная с создания Германского союза в 1815 году и до объединения Германии в 1871 году.

Ключевые слова: германские государства, конституция, революция, конституционная монархия, представительные органы, объединение Германии.

Establishment of Constitutional Law in Germany in the XIX Century

Filippova Tatyana P.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law), Associate Professor

The article is dedicated to history of origination of the first constitutions in the German states from the establishment of the German Confederation in 1815 to the unification of Germany in 1871.

Keywords: German states, constitution, revolution, constitutional monarchy, representative authorities, unification of Germany.

По сравнению с другими странами, германские государства довольно поздно обзавелись конституциями. После поражения

Наполеона задача определения государственного устройства бывшей Священной Римской империи германской нации бы-

ла возложена на Венский конгресс (1815 г.), который учредил Германский союз, представлявший собой конфедерацию. Основным законом этого союза были признаны решения конгресса. В союзном акте, адресованном членам Германского союза, содержалась рекомендация о введении конституции. Однако единая конституция, как и единое государство, создана не была. Но некоторые германские государства решились на введение у себя писанных конституций. Первые шаги на пути к конституционализму сделали Бавария, Вюртемберг, Саксен-Веймар, Гессен-Дармштадт, Баден и некоторые другие.

Отличительной чертой первых конституций было ярко выраженное монархическое начало. Это можно проследить на примере Конституции Великого герцогства Баденского от 22 августа 1818 г. Во вступлении утверждается принцип октроирования Конституции: «Мы даровали нижеследующий конституционный акт и торжественно обещаем за Нас и Наших наследников верно и по совести исполнять его и принуждать к исполнению его других»¹. В первой главе Конституции утверждалось, что Великий герцог объединяет в своем лице все права государственной власти. Его личность священна и неприкосновенна, а власть является наследственной. При такой формулировке предполагалась очень широкая власть главы государства во всех сферах, и все содержание Конституции это подтверждает. Конституция предусматривала создание двухпалатного сословного собрания. Первая палата включала в себя представителей как высшего, так и низшего дворянства, прелатов церкви и депутатов от университетов. Вторая палата формировалась за счет представителей от городов и округов. Выборы в эту палату являлись двухступенчатыми. Наличие избирательного права определялось количеством уплачиваемых налогов. Назвать это собрание органом народного представительства не представляется возможным. В этом органе были представлены земские сословные

чины, о чем прямо сказано в § 26 Конституции². Конституция предоставляла сословному собранию законодательную власть. Однако ландтаг делил эту власть с Великим герцогом, который обладал правом законодательной инициативы, утверждал и обнародовал законы. Кроме того, если того требовали интересы государства, Великий герцог мог своей властью принимать меры по вопросам, относящимся к компетенции сословного собрания. Зависимость ландтага от главы государства проявлялась также в том, что созывать, распускать палаты и отсрочивать их заседание мог Великий герцог. Исполнительная власть целиком принадлежала Великому герцогу. Конституция не содержала положений, определяющих порядок формирования и работы правительства. Очевидно, эти вопросы находились в исключительной компетенции главы государства. Само название гл. 1 Конституции гласило: «О Великом герцоге и о правительстве вообще»³. Вместе с тем Конституция содержала характерные для того времени принципы деятельности правительства. Конституция провозглашала принцип контрасигнатуры, ответственность министров за полное соблюдение конституции, привлечение к ответственности министров и высших должностных лиц в порядке импичмента. Ответственность министров носила не политический, а уголовный характер. Право возбуждать обвинение против министров принадлежало второй палате, а в качестве суда выступала первая палата. Судебную власть Конституция объявляла независимой в пределах ее компетенции. Таким образом, формально Конституция признавала принцип разделения властей. В реальности старый порядок существенных изменений не претерпел. Говоря о данной Конституции нельзя не отметить раздел, посвященный правам и свободам личности. Провозглашалась личная свобода, крепостная зависимость уничтожалась, утверждалась свобода вероисповедания, передвижения, печати. В то же время Конституция требовала несения государственных повинностей: уплаты налогов,

¹ Конституции и законодательные акты буржуазных государств в 17–19 вв. / под ред. проф. П.Н. Галанзы. М., 1957. С. 484.

² Там же. С. 487.

³ Там же. С. 485.

воинской повинности. Этот скромный перечень прав и свобод, предоставляемых населению, как нельзя лучше свидетельствует о том, что принятие Конституции явилось вынужденной мерой.

Следующий этап в конституционном строительстве связан с крупными революционными выступлениями 1830 г., к которым подтолкнула Июльская революция 1830 г. во Франции. В результате этих выступлений еще в ряде германских государств были введены конституции, провозглашающие некоторые буржуазно-демократические свободы. Конституции получили Саксония, Гессен-Кассель, Брауншвейг и др.

Постепенно большинство германских государств получили конституции. Все эти конституции очень похожи друг на друга и были они списаны с конституций других европейских государств. Особенно заметно влияние французских хартий времен реставрации Бурбонов. Эти конституции мало что изменили. У власти по-прежнему стояла аристократия, власть монарха явно преобладала над представительными собраниями. Народные движения за свободу дали незначительные результаты. На этой почве к середине XIX в. сформировалось активное либеральное движение, требующее политических реформ. Национальное движение выступало за объединение Германии. И, наконец, все настойчивее звучали требования покончить с остатками феодализма, освободить дорогу для развития капиталистических отношений. Экономический кризис 1846 г. и Французская революция 1848 г. сделали свое дело, и по Германии прокатилась волна революционных выступлений, каких эта страна еще не знала. По всей Германии звучали призывы о созыве национального парламента и написании национальной конституции, звучали требования политических реформ.

18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне собрался парламент, с тем чтобы решить дальнейшую судьбу Германии. Среди депутатов большинство были представителями либеральной и образованной части населения. Император покинул Вену. Союзный сейм был упразднен, и собрание стало временным органом центральной власти. Непримиемые споры вызвал вопрос

о том, каким должно быть будущее государство. Первый проект конституции был подготовлен к октябрю 1848 г. Он предусматривал создание «Большой Германии». Это должна быть конфедерация, в которую, помимо немецких княжеств, входила бы и Австрия со всеми землями. При этом Австрия должна была возглавлять этот союз. К весне 1849 г. мнения изменились, и большинство депутатов выступали за «Малую Германию» (национальное немецкое государство), в которой ведущую роль должна была играть Пруссия. Представленный в марте 1848 г. проект конституции после многовековой раздробленности предусматривал создание единого государства с сильной императорской властью. Это должна быть федерация, в которой субъекты (княжества) сохраняли свою самостоятельность. При этом Конституция четко разграничивала компетенцию центральной (имперской) власти и власти субъектов федерации (отдельных княжеств). В международных отношениях представлять Германию могла только имперская власть. Княжества сохранили право на заключение договоров с другими немецкими, а также с иностранными государствами, ограничиваясь «предметами частного права, местными сношениями и полицией»⁴. В исключительном ведении имперской власти должны были находиться все важнейшие вопросы как внешней, так и внутренней политики. Имперские законы стояли выше законов отдельных государств. К середине XIX века в конституционной практике большинства государств утвердился принцип разделения властей. Данная Конституция придерживалась этого принципа. Законодательным органом по Конституции являлся Рейхстаг, состоящий из двух палат: палаты государств и палаты народа. Палата государств состояла из представителей германских государств, число депутатов было не одинаковым, больше всего депутатов (40) было от Пруссии. Австрия представляла 38 депутатов. Рейхстаг должен был заседать ежегодно, обе палаты должны заседать одновременно, заседания должны быть публичными. Депутаты обеих палат

⁴ Там же. С. 520.

не должны быть связаны в своих действиях инструкциями. Рейхстаг осуществлял законодательную власть совместно с императором, о чем прямо гласит § 80: «Он (император) осуществляет законодательную власть сообща с рейхстагом»⁵. Время созыва Рейхстага и продолжительность его работы должны были определяться императором, он также имел право роспуска Рейхстага и право отлагательного вето на его решения. Титул главы государства — император германцев. Император обладал всей полнотой исполнительной власти: «Император пользуется правительственной властью во всех делах империи соответственно законам конституции. Ему, как носителю этой власти, предоставлены в распоряжение все те права и полномочия, которые предоставлены в конституции имперской власти и не относятся к рейхстагу»⁶. Полной характеристики имперского правительства в Конституции нет. Конституция учреждала имперский суд, порядок образования и деятельность которого должны были определяться особым законом. Конституция уничтожала все сословные привилегии, провозглашались равенство всех немцев перед законом, неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, уничтожалась смертная казнь и такие средневековые наказания как выставление у позорного столба, клеймение, телесные наказания. Конституция утверждала свободу совести и вероисповедания, свободу науки, слова, печати, собраний, союзов, свободу выбора профессии, право на образование. Утверждалась неприкосновенность собственности. Навсегда уничтожались крепостничество и подданство. Такого перечня прав и свобод не знала, пожалуй, ни одна из известных конституций того времени.

Итак, Франкфуртское национальное собрание создало весьма либеральную конституцию, но заставить германские государства принять ее и создать единое германское государство собрание не смогло. Несмотря на поражение, революция 1848–1849 гг. «заложила основы немецкой демократической традиции и будуще-

го социального государства»⁷. После революции был восстановлен Германский союз на условиях 1815 г. Власть монархий была восстановлена. Австрия сохранила статус председателя.

После революции конституцию наконец получила Пруссия. Эта Конституция по сути своей не отличалась от конституций других германских государств.

После поражения революции 1848–1849 гг. все большее число германских государств склонялось к созданию «Малой Германии» и делало ставку на Пруссию. В 1862 году премьер-министром Пруссии был назначен Отто фон Бисмарк, который сразу же сделал своей целью объединение Германии под главенством Пруссии⁸. Объединение Германии стало «революцией сверху»⁹. История Германии — это история войн. Пройдя через три войны, Германия наконец стала единым государством. Закрепленный Конституцией союз получил название Германской империи. 16 апреля 1871 г. Рейхстаг утвердил Конституцию империи.

Согласно Конституции президент созданного союза имел титул императора. Императором мог быть только король Пруссии¹⁰. Власть императора в совокупности с властью прусского короля была практически неограниченной. Император обладал значительными полномочиями в сфере законодательства: только ему принадлежало право созывать, открывать, закрывать заседания Бундесрата и Рейхстага. Законопроекты разрабатывал и вносил на рассмотрение в Рейхстаг Бундесрат, но делалось это от имени императора. Император обнародовал имперские законы и наблюдал за их исполнением. В руках императора была вся исполнительная власть. Формой государственного устройства была федерация, об-

⁵ Там же. С. 529.

⁶ Там же.

⁷ Краткая история Германии / Ульф Дирльмайер, Андреас Гестрих [и др.]. СПб. : Евразия, 2008.

⁸ Краткая история Германии / Джеймс Хоус. М. : Азбука-Аттикус ; Колибри. 2018. С. 124.

⁹ Ференбах Оскар. Крах и возрождение Германии. М. : Аграф, 2001. С. 19.

¹⁰ Конституции и законодательные акты буржуазных государств в 17–19 вв. / под ред. проф. П.Н. Галанзы. С. 563.

ладающая рядом особенностей. Во-первых, в ее основе лежал принцип недобровольности. Достаточно вспомнить, каким образом происходило объединение государства. Кроме того, Конституция допускала возможность применения экзекуции (военной силы) в случае неповиновения членов федерации центральной власти¹¹. Во-вторых, Конституция прямо утверждала неравенство субъектов федерации. Главой государства мог быть только прусский король. В Союзном совете Пруссия имела больше всех голосов (одну треть от общего числа). Третья особенность заключалась в том, что не было четкого распределения власти между федерацией и ее субъектами. Почти вся законодательная власть была сосредоточена в руках федеральных органов. Права верхней палаты принадлежали Союзному совету (Бундесрату). Он состоял из представителей земель, назначаемых правителями этих земель. Число представителей было пропорционально численности населения. Депутаты в своей деятельности были связаны инструкциями, полученными от своих правителей. Бундесрат имел значительные права в сфере законодательства (обычно они принадлежат обоим палатам). Он обладал значительной долей исполнительной власти: он выносил решения относительно административных предписаний, необходимых для приведения в действие имперских законов, а также устранял недостатки, выясняющиеся при осуществлении имперских законов. Рабочий аппарат Бундесрата составляли постоянные комиссии, усилившие его роль в управлении империей. Бундесрат обладал судебной властью. Он рассматривал споры между субъектами федерации и имперским правительством, являлся высшей апелляционной инстанцией по некоторым делам. Бундесрат мог заседать без Рейхстага и не допускать на свои заседания публику. Члены бундесрата получали большое жалование. В нем отражалась старая раздробленная Германия. Рейхстаг избирался народом на основе всеобщего мужского избирательного права. Согласно Конституции он обладал правом законодательной инициативы, при-

нимал законы, утверждал бюджет, мог через депутатские запросы критиковать правительство, но правительство не несло ответственности перед Рейхстагом, и такая критика практического значения не имела. Рейхстаг мог быть распущен бундесратом с согласия императора. Жалования депутаты не получали. Рейхстаг должен был олицетворять единое государство, но в реальности был очень слабым. Исполнительная власть в полном объеме принадлежала императору. Имперское правительство было представлено канцлером в единственном числе. По сути, на федеральном уровне исполнительная власть четко организована не была и осуществлялась канцлером, бундесратом, а главным образом — правительствами отдельных земель.

В основе Конституции 1871 г. лежит ряд компромиссов¹². Во-первых, между сепаратизмом и единством. Германская империя представляет собой федерацию из суверенных государств, каждое из которых имеет свою конституцию, и Бундесрат был реальным выражением этих суверенитетов. В то же время во главе федерации стояла Пруссия, имеющая в Бундесрате большинство голосов, которые давали ей возможность принять необходимое решение и претворить его в жизнь с помощью экзекуции в случае отказа некоторых членов федерации. Так достигалось единство. Еще один компромисс — это компромисс между абсолютной монархией и либерализмом. Рейхстаг, являвшийся собранием представителей нации, должен был быть важнейшим элементом политической системы. На самом же деле он был инструментом в руках правительства.

Рассмотрев конституции, принятые в Германии в течение XIX в., можно отметить одну закономерность. Все они утверждали сильную исполнительную власть. Эта закономерность объясняется историческим развитием данного государства. Конституции, принятые в первой половине XIX в., провозглашали сильную власть князей, которые все Средневековье успешно боролись с императорской

¹¹ Там же. С. 564.

¹² История Германии / Жак Дроз. М. : АСТ : Астрель, 2005. С. 55.

властью за укрепление своих позиций и пока сдаваться не собирались. Франкфуртская Конституция 1849 г. утверждала сильную императорскую власть, которая должна была обеспечить единое государ-

ство. Конституция 1871 г., как уже было сказано, нашла компромиссный вариант, предоставляя сильную власть императору — с одной стороны и Союзному совету — с другой.

Литература

1. Дроз Ж. История Германии / Ж. Дроз ; перевод с французского Б.А. Шуринова. Москва : АСТ : Астрель, 2005. 157 с.
2. История Германии / А. Моруа ; перевод с французского С. Васильевой. Москва : КоЛибри, 2017. 316 с.
3. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия : сборник документов / под редакцией П.Н. Галанзы. Москва : Госюриздат, 1957. 587 с.
4. Краткая история Германии : история Германии от Средневековья до наших дней / У. Дирльмайер [и др.] ; перевод с немецкого К.В. Тимофеевой. Санкт-Петербург : Евразия, 2008. 542 с.
5. Озмент С. Могучая крепость: Новая история германского народа / С. Озмент ; перевод М. Жукова. Москва : АСТ, 2010. 544 с.
6. Ференбах О. Крах и возрождение Германии : Взгляд на европейскую историю XX в. / О. Ференбах. Москва : Аграф, 2001. 300 с.
7. Хоус Д. Краткая история Германии / Д. Хоус ; перевод с английского Татьяна Гутман. Москва : Азбука-Аттикус ; КоЛибри, 2018. 253 с.

References

1. Droz J. Istoriya Germanii [History of Germany] / J. Droz ; perevod s frantsuzskogo B.A. Shurinova. Moskva : AST : Astrel — translated from French by B.A. Shurinov. Moscow : AST : Astrel, 2005. 157 s.
2. Istoriya Germanii [History of Germany] / A. Maurois ; perevod s frantsuzskogo S. Vasilyevoy. Moskva : KoLibri — translated from French by S. Vasilyeva. Moscow : KoLibri, 2017. 316 s.
3. Konstitutsii i zakonodatelny'e akty` burzhuazny`kh gosudarstv XVII–XIX vv. Angliya, SSHA, Frantsiya, Italiya, Germaniya : sbornik dokumentov [Constitutions and Legal Acts of Bourgeois States from the XVII to the XIX Century. England, USA, France, Italy, Germany : collection of documents] / pod redaktsiey P.N. Galanzy`. Moskva : Gosyurizdat — edited by P.N. Galanza. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1957. 587 s.
4. Kratkaya istoriya Germanii: istoriya Germanii ot Srednevekovyaya do nashikh dnei [Brief History of Germany: History of Germany from the Middle Ages to the Present Day] / U. Dirlmayer [i dr.] ; perevod s nemetskogo K.V. Timofeevov. Sankt-Peterburg : Evraziya — U. Dirlmeier [et al.] ; translated from German by K.V. Timofeeva. Saint Petersburg : Eurasia, 2008. 542 s.
5. Ozment S. Moguchaya krepost: Novaya istoriya germanskogo naroda [A Mighty Fortress: New History of the German People] / S. Ozment ; perevod M. Zhukova. Moskva : AST — translated by M. Zhukov. Moscow : AST, 2010. 544 s.
6. Fehrenbach O. Krakh i vozrozhdenie Germanii : Vzglyad na evropeyskuyu istoriyu XX v. [The Collapse and the Revival of Germany : A View on European History of the XX Century] / O. Fehrenbach. Moskva : Agraf — Moscow : Agraf, 2001. 300 s.
7. Hawes J. Kratkaya istoriya Germanii [The Shortest History of Germany] / J. Hawes ; perevod s angliyskogo Tatyany` Gutman. Moskva : Azbuka-Attikus ; KoLibri — translated from English by Tatyana Gutman. Moscow : Azbuka-Attikus ; KoLibri, 2018. 253 s.

Приглашаем к сотрудничеству!

Редакция журнала «История государства и права» объявляет прием статей в тематический номер издания, который будет посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Статьи для тематического номера просим направлять на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru в срок до 15 марта 2020 г.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-42-46

Изменение государственного и правового устройства Италии под влиянием Наполеона (1800–1815 гг.)

Мележик Ирина Николаевна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
Min1215@yandex.ru

Статья посвящена анализу государственных и правовых институтов на территории Италии. Неоднократному изменению социальной структуры общества, форм государственного управления и появлению новых подходов к вопросам законодательства в период правления Наполеона.

Ключевые слова: Италия, Наполеон Бонапарт, власть, управление, принцип, система, суверенитет, право, закон.

Change of the State and Legal Structure of Italy under the Napoleon's Influence (1800 to 1815)

Melezhik Irina N.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law)

The article is devoted to the analysis of state and legal institutions in Italy. Repeated changes in the social structure of society, forms of government, and the emergence of new approaches to legislation during the reign of Napoleon.

Keywords: Italy, Napoleon Bonaparte, power, management, principle, system, sovereignty, law, act.

«Италия не государство, а лишь название страны» — так говорил австрийский министр иностранных дел князь К. Меттерних¹ в начале XIX столетия.

К началу весны 1800 г. международное положение Франции стало лучше. В союзе государств, входящих во Вторую коалицию, возникли разногласия. Павел I, разгневанный предательскими действиями Англии и Австрии по отношению к России, вернул свои войска на родину, а также затеял переговоры о союзе с Францией. Выход России из коалиции позволил Бонапарту, который в результате государственного переворота 18 брюмера (закрепленного в Конституции VIII года республики), став первым консулом Французской республики (то есть фактически безграничным правителем), решил

отомстить за неудачи, понесенные французами в Италии.

Если еще весной 1800 г. французы имели в своем подчинении лишь Геную, то уже 15 июля в результате подписания соглашения с австрийцами было установлено перемирие и военные действия прекращались на 5 месяцев.

Лигурийская и Цизальпинская республики были восстановлены. Управление ими было поручено французским генералам. Эти республики было обязаны содержать находившиеся на их территориях французские войска. Парма и Пьемонт, о. Эльба были взяты Наполеоном под свое управление. Тоскана стала вассальным королевством Этрурия, где были также размещены французские войска. Республики в Риме и Неаполе по решению Бонапарта не были восстановлены. С Фердинандом IV (неаполитанским королем) в марте 1801 г. был заключен Фло-

¹ Клеменс Меттерних — австрийский министр иностранных дел (1773–1859).

рентийский мир, по которому тот разрешил размещение французских гарнизонов на своей территории. Владения Папы Пия VII возвращались в границы 1797 г.

В конце 1801 г. Наполеон созвал в Лигуре (Франция) Собрание цизальпинских нотаблей, которое преобразовало Цизальпинскую республику в Итальянскую и приняло для нее конституцию, схожую с французской Конституцией VIII года.

Законодательная власть по такой конституции была закреплена за четырьмя палатами (Консульта, Цензура, Совет и Законодательный корпус), которые были абсолютно бессильны. Главой исполнительной власти стал обладающий значительными полномочиями президент, которого избирали на 10 лет. На пост президента Итальянской республики Бонапарт заставил назначить самого себя. Вице-президентом сделали крупного итальянского землевладельца герцога Мельци. Также было сформировано правительство Итальянской республики, составленное из итальянцев (дворян и буржуа). В Итальянской республике была создана армия, которая должна была принимать участие во всех войнах Наполеона. В основных центрах республики были размещены французские войска.

В середине 1802 г. Бонапарт создает видимость национального управления в Лигурийской республике. В Генуе был восстановлен Сенат, который состоял из сторонников Бонапарта. Исполнительной властью в стране обладал Дож, назначаемый непосредственно первым консулом.

«Национальные правительства» в Генуе и Милане были марионеточными, полностью зависимыми от воли Бонапарта. Настоящая власть, как в этих государствах, так и во всей Италии, находилась в руках французского военного командования.

Бонапарт не смог допустить ни присоединения Пьемонта к Итальянской республике, ни восстановления Савойской династии. В начале осени 1802 г. Пьемонт включили в состав Франции и разделили на департаменты, которыми управляли префекты, назначаемые из Парижа.

В мае 1804 г. Французская республика преобразована в империю, а генерал Бонапарт стал императором французов под именем Наполеона I. В связи с этим были ликвидированы последние итальянские республики.

Рассматривая Италию лишь как сырьевой придаток к своей империи, Наполеон всегда выступал противником независимости и единства страны.

В марте 1805 г. Итальянская республика была превращена в Итальянское королевство. 26 мая того же года Бонапарт был коронован в Милане как король Итальянского королевства. Вице-королем (фактическим правителем в Милане) был назначен его пасынок Евгений Богарне, который был лишь исполнителем повелений Наполеона и управлял по принципу: «так хочет император». В Милане перестали собирать Законодательный корпус. В государстве была установлена военная деспотическая система управления, которая представляла собой полный аналог системы, действующей во Франции.

В июне 1805 г. Наполеоном была ликвидирована Лигурийская республика, территорию которой он присоединил к Франции.

После разгрома третьей коалиции Наполеон произвел новое изменение итальянских земель. По Пресбургскому миру (в декабре 1805 г.) Австрия передала ему Венецию. В начале весны 1806 г. Наполеон подписал декрет о присоединении Венецианской области к Итальянскому королевству. К 1809 году в этом королевстве проживало более 6,5 млн человек² (Это более 40% населения полуострова.)

Неаполитанский король Фердинанд IV, присоединившись к третьей коалиции, потерял свои владения на континенте и бежал на Сицилию под охрану английского флота. В январе 1806 г. французская армия подошла к Неаполю и вскоре взяла его. Королем Неаполя Наполеон сначала сделал своего старшего брата Жозефа Бонапарта (30 марта 1806 г.), а затем шурина Иоахима Мюрата. В марте 1808 г. Жозефу Бонапарту была вручена корона Испании.

² Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. Т. IV. М., 1958. С. 67.

В 1808 году Наполеон установил в Пьемонте и Генуе военное наместничество, порученное князю Камиллу Боргезе. В том же году он передал герцогство Пармское в личное владение Камбасересу, а Тоскану (которое было до этого королевством Этрурия) — своей сестре Элизе Баччиоки.

Тем не менее все переданные владения входили в состав французских департаментов и подчинялись всем законам империи.

В мае 1809 года к Французской империи была присоединена Папская область, а сам Папа был лишен светской власти. Арестованный и взятый под стражу Папа Пий VII был отвезен во Францию, где он находился до 1813 г.

Административно-территориальные и политические изменения Италии были закончены после присоединения к Франции Папской области. (В 1814 году система, установленная Наполеоном для Италии, была полностью изменена.)

Феодальные отношения в Италии, где быстрее, а где и медленнее, в зависимости от ряда факторов, под влиянием Наполеона и его сторонников приходили в упадок. На эту страну было распространено законодательство победившей во Франции буржуазной революции. Происходит секуляризация монастырских земель, после чего они продаются, а сами монастыри закрываются. Конфискуются и продаются земли бежавших из страны аристократов. В стране происходит значительное перераспределение собственности на землю.

Так, к примеру, в Ломбардии, около половины всех земель было перекуплено новыми хозяевами, преимущественно буржуазного происхождения. Кроме того, были отменены привилегии духовенства и дворянства, их необоснованные повинности и поборы. Были провозглашены буржуазные права и свободы, гражданское равенство всех членов общества. С начала 1806 года во всех французских землях на Апеннинском полуострове начал действовать Кодекс Наполеона, который закрепил юридические принципы нового общества.

В августе 1806 г. Жозеф Бонапарт издал декрет об отмене феодального строя в Неаполе. В Неаполитанском королевстве были отменены имущественные и личные привилегии дворянства, феодальные повинности, налоговые сборы, майораты и было установлено гражданское равноправие. В Неаполе стал распространяться Кодекс Наполеона. Земли бежавших на Сицилию аристократов, а также церковные земли подлежали конфискации и перепродаже. В Неаполе было перераспределено значительное количество земель.

Новые свободные земли, отобранные у церкви и дворян-эмигрантов, были в руках в основном среднего и мелкого дворянства и буржуазии. Крестьяне, повсеместно оставаясь безземельными как на севере, так и на юге полуострова, были вынуждены арендовать землю у землевладельцев (дворян и буржуазии) на кабальных условиях. Католическая церковь, ранее являвшаяся крупнейшим собственником земли в Италии, теряла свое господствующее положение. Всего в Итальянском королевстве за этот период было продано только церковных и монастырских земель почти на 200 млн лир³.

В Италии были упразднены 22 внутренние таможи, отменен цеховой строй со всеми его ограничениями для торговли и промышленности. Было проложено много каналов и дорог, в том числе дороги и туннели в Альпах, что улучшило сообщение Италии с соседними странами.

Все это даже в условиях разорения страны непрерывными войнами способствовало некоторому росту отечественной промышленности и усилению социально-экономических позиций буржуазии. Но наполеоновское господство в Италии также имело отрицательную сторону. Италия, которая становилась все больше и больше сырьевым придатком Франции, подвергалась беспощадному ограблению. На содержание французских войск, дислоцированных на

³ Канделоро Д. История современной Италии. М., 1958–1979. Т. 1. С. 383.

территории Италии, с населения взималась колоссальная для того времени сумма (Итальянское королевство должно было платить 30 млн франков ежегодно), а в сельской местности у народа забирались последние продукты питания и фураж. Все это приводило к росту спекуляции в стране.

Во время наполеоновских войн Италия потеряла около 30 000 мужского населения, уведенного Наполеоном в качестве солдат. (Вернулось лишь около 300 человек.)

Миланский декрет, который был принят 27 июля 1805 г. Наполеоном, запрещал ввоз из Англии в Италию машин для производства продукции и различных товаров. Шелк-сырец (основная статья экспортного дохода) теперь можно было вывозить только во Францию. Экономика итальянских морских портов пришла в упадок. Товары из Франции облагались лишь 50%-ной пошлиной. Сокращается ткацкая отрасль промышленности. На ткацком мануфактурном производстве число ткачей сократилось с 1806 по 1811 г. почти в половину и стало всего около 14 тыс. Наполеоновские экономические и социальные преобразования в аграрной сфере привели к ускорению буржуазного развития сельского хозяйства, но при этом за счет крестьянства и в ущерб ему.

Антифеодальные изменения в земельных правоотношениях и перераспределение земли в Италии привели к тому, что дворянская собственность на землю была признана буржуазной и охранялась новым аграрным законодательством. Ничего не было сделано для улучшения положения сельского расселения и формирования свободной крестьянской собственности. Буржуазные нормы даже допускали полуфеодальную эксплуатацию крестьян.

В стране проводилась распродажа монастырского и церковного имущества, в том числе земель, основным покупателем которых выступала буржуазия. В провинции Болонья буржуазное землевладение возросло с 24 до 40% (с 1789 по 1804 г.), дворянская собственность сократилась с

73 до 58%, площадь церковных земель сократилась с 70 до 56⁴.

Площадь крупных владений размером более 100 га составила в 1804 г. 43% площади всех земель буржуазии этой провинции, по сравнению с 20% в 1789 г., а площадь мелких владений размером менее 10 га сократилась с 17 до 10%⁵.

По всей стране катастрофически растет количество нищих и безработных, население отказывается платить налоги, происходит дезертирство из армии. Массово вспыхивают восстания (летом 1806 и 1809 гг. на юге Италии, в Калабрии, с восставшими французская армия расправлялась вплоть до полного уничтожения). В 1807 году в Неаполитанском королевстве появляется тайное общество карбонариев (угольщиков), в состав которого входили представители различных слоев населения Италии (дворяне, священники, офицеры, ремесленники, крестьяне). Целью этого движения было установление независимости и изгнание оккупантов из страны. Однако в вопросах будущего устройства среди них не было единогласия: одни из них ратовали за конституционную монархию, другие же предпочитали видеть Неаполитанское государство республикой. Со временем это движение проникает и в другие районы Италии.

Разгром наполеоновской армии в России послужил началом борьбы за независимость в странах Западной Европы. Осенью 1813 г. австрийские войска входят в Ломбардию и Венецию, а весной 1814 г. начинается народное восстание в Милане. Вице-король Евгений Богарне был свергнут с престола, в стране устанавливается временное либерально-буржуазное правительство. Но после ввода в город австрийской армии вся территория Итальянского королевства была включена в состав австрийских владений. Происходит реставрация старых монархий во всей северной

⁴ Zangheri, R. La proprietà terriera e le origini del Risorgimento nel Bolognese, y. I. Bologna, 1961. P. 137.

⁵ Там же. P. 141–142.

и центральной Италии. В Тоскану и Модену возвращаются старые династии. На Пьемонтский престол вступает представитель Савойской династии Виктор-Эммануил I. Генуя захвачена Пьемонтом. Папа Римский Пий VII восстанавливает после изгнания свою власть. Австрийская принцесса Мария Луиза (вторая жена Наполеона) получила Парму, а Мария Луиза Бурбонская приняла Лукку. Только Мюрат пока сохранил за собой неаполитанскую корону, заключив в январе 1814 г. договор с Австрией. Но, узнав о высадке Наполеона на юге Франции, нарушив все договоренности, он начинает военные действия с австрийской армией, в результате чего был разбит и 20 мая 1815 г. уже отрекся от престола.

Фердинанд IV, принявший имя Фердинанда I, возвращает себе неаполитанский престол, объявив себя королем Соединенного королевства обеих Сицилий.

Венский конгресс (октябрь 1814 г. — июнь 1815 г.) провозгласил реставрацию старых порядков в Италии. Австрия получила в свое владение захваченные ею Ломбардию и Венецию. Италиянцы бы-

ли лишены государственных должностей, их места заняли австрийцы.

На Апеннинском полуострове на месте единой Италии снова оказалось восемь различных государств. Феодалные порядки в государстве были восстановлены, но уже не в той мере, как было раньше. Духовенство возвращает свое влияние в государствах. Гражданский строй, введенный Наполеоном, был уничтожен, однако период французской буржуазной революции и наполеоновских войн не мог не оставить след в истории политического и государственного развития Италии.

В историческом развитии страны произошел крутой перелом. Италия явно перестала быть «географическим термином» и становилась единой и сознающей свое единство нацией.

В стране начинали пробуждаться идеи объединения и самосознание всего народа. Замкнутость и обособленность различных регионов страны исчезала. Италиянский народ готовился выйти на борьбу за буржуазно-демократические преобразования в стране, за ее национальное освобождение и объединение.

Литература

1. Канделоро Д. История современной Италии. Т. 1. Истоки Рисорджименто. 1770–1815 / Д. Канделоро ; перевод с итальянского Т.С. Злочевской [и др.] ; редакция и предисловие С.Д. Сказкина. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1958. 522 с.
2. Тарле Е.В. Сочинения. В 12 томах. Т. 4 / Е.В. Тарле ; составители А.В. Паевская, А.Г. Чернов. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 760 с.
3. Zangneri, R. La Proprietà Terriera E Le Origini Del Risorgimento Nel Bolognese. I. 1789–1804 / R. Zangneri. Bologna : Zanichelli, 1961. 326 p.

References

1. Candeloro G. Istoriya sovremennoy Italii. T. 1. Istoki Risordzhimento. 1770–1815 [History of Modern Italy. Vol. 1. Origins of the Risorgimento. 1770 to 1815] / G. Candeloro ; perevod s italyanskogo T.S. Zlochevskoy [i dr.] ; redaktsiya i predislovie S.D. Skazkina. Moskva : Izd-vo inostranoy literatury` — translated from Italian by T.S. Zlochevskaya [et al.] ; edited and foreworded by S.D. Skazkin. Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1958. 522 s.
2. Tarle E.V. Sochineniya. V 12 tomakh. T. 4 [Writings. In 12 volumes. Vol. 4] / E.V. Tarle ; sostaviteli A.V. Paevskaya, A.G. Chernov. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR — compiled by A.V. Paevskaya, A.G. Chernov. Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 760 s.
3. Zangneri R. La Proprietà Terriera E Le Origini Del Risorgimento Nel Bolognese. I. 1789–1804 / R. Zangneri. Bologna : Zanichelli, 1961. 326 s.

Памяти профессора
Федосеевой Галины Юрьевны посвящается

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-47-51

К вопросу о правовом регулировании брачно-семейных отношений в соответствии с положениями Свода законов Российской империи

Зайцева Людмила Анатольевна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
dissersovet@mail.ru

Статья посвящена правовому регулированию брачно-семейных отношений в Российской империи второй половины XIX века; дана общая характеристика книги первой «О правах и обязанностях семейных» тома X Свода законов Российской империи; рассмотрены элементы личных и имущественных отношений между супругами, родителями и детьми; рассмотрены основания оформления брака.

Ключевые слова: брачный союз, права, обязанности, супруги, родители, дети, брачно-семейные отношения, Свод законов, кодификационные работы.

On Legal Regulation of Marriage and Family Relations Pursuant to Provisions of the Code of Laws of the Russian Empire

Zaytseva Lyudmila A.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law)

The article is devoted to legal regulation of marriage and family relations in the Russian Empire in the second half of the XIX century; the author gives general characteristics of book one On Family Rights and Obligations of volume X of the Code of Laws of the Russian Empire; reviews elements of personal and property relations between spouses, parents and children; analyzes grounds for documentation of marriage.

Keywords: marriage, rights, obligations, spouses, parents, children, marriage and family relations, Code of Laws, codification works.

Создание Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи явилось важнейшей вехой в истории отечественного права. Знаменитые Кодификационные работы, выполненные под руководством М.М. Сперанского, в полной мере отвечали потребностям времени. Впервые после Соборного Уложения 1649 г. появляется в 1832 г. Свод законов, который представлял собой собрание действующего законодательства¹.

А.Н. Филиппов подчеркивал, что «Сперанский, с необычайным для его времени в России искусством, разместил разнообразные действующие законы. Система этого разделения исходила из той мысли, что в государстве действуют два союза или два порядка: союз государственный и союз гражданский, откуда естественно вытекают и два порядка законов: государственные, определяющие устройство государственного союза,

¹ См. подробнее: Исаев И.А. История государства и права России : учеб. 4-е изд.,

перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 399-407.

и гражданские, определяющие основания гражданского союза»².

Все законы, вошедшие в состав Свода законов Российской империи, были разделены на XV томов, т. X состоял из двух частей: «Свод законов Гражданских» и «Свод Законов Межевых»³. А.Н. Филиппов, поясняя структуру первой части т. X, писал, что «законы гражданские распадаются на 1) законы союзов семейственных, 2) общие законы об имуществах и 3) особенные законы об имуществах»⁴.

Построение т. X оспаривал Д.И. Мейер, который считал ошибочной точку зрения, присущую, по его мнению, многим юристам и заключающуюся в том, что «гражданское право имеет предметом отношения граждан между собой и что поэтому в систему его должно входить также право семейное». Д.И. Мейер писал: «Сам граф Сперанский чувствовал, что понятие об отношении слишком шатко, чтобы основать на нем систему права, и заменил его по-

нятием о союзе. Все отношения граждан между собой представляются графу Сперанскому союзами семейственными или имущественными. Но понятие о союзе далеко не самое простое, да и нельзя провести его через все гражданское право: если понятие о союзе достаточно для объяснения семейства, рода, то оно не объясняет ни одного имущественного отношения...»⁵ Одной из причин, объясняющей построение как т. X, так и полностью Свода законов, можно считать то, что «Свод был, по плану Сперанского, лишь необходимой ступенью к Уложению, и не его вина, конечно, что, как при его жизни, так и позднее, составления последнего не последовало»⁶.

Вместе с тем многими российскими учеными история семейного права рассматривалась именно в соответствии со структурой, нашедшей отражение в Своде законов. Так, например, М.Ф. Владимирский-Буданов в главу «История русского семейного права» включил следующие три параграфа: 1. Брак. Взаимные отношения супругов; 2. Союз родителей и детей; 3. Опека⁷. В.Н. Латкин прибегает к следующему делению излагаемого материала: глава «Право семейственное»: 1. Союз супружеский; 2. Союз родителей и детей; 3. Опека⁸.

² Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912. С. 574. Кроме того, А.Н. Филиппов отмечал, что «есть данные, указывающие на то, что при составлении Свода Законов действующих Сперанский выходил весьма нередко из скромной роли собирателя и систематизатора действующего права и являлся, — может быть, иногда и невольно, — истинным творцом многих наших юридических норм, особенно в области права гражданского; но открыто им ставилась для Свода следующая задача: “Свод есть верное отображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование”».

³ Свод законов Российской империи. Том X: Часть первая. Свод законов. Издание 1900 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 575; Свод законов Российской империи. Том X: Часть первая. Свод законов гражданских. Издание 1900 года // СПС «КонсультантПлюс». Первую часть тома X открывала книга первая «О правах и обязанностях семейных». Таким образом, М.М. Сперанский, структурируя гражданское право, начинал с брачно-семейных отношений. Книга первая состояла из следующих разделов: Раздел первый «О союзе брачном» (ст. 1–118); Раздел второй «О союзе родителей и детей, и союзе родственном» (ст. 119–211); Раздел третий «О опеке и попечительстве в порядке семейственном» (ст. 212–382).

⁵ Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2000. С. 86–87. Д.И. Мейер отмечал, что семейственные отношения по существу своему чужды сфере гражданского права.

⁶ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 575.

⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 8, 478, 480, 500. М.Ф. Владимирский-Буданов определял семью как «сложный союз супругов между собой и родителей с детьми». Таким образом, и в теоретическом, и в законодательном смысле, по мнению ученого, для семьи «достаточен один из этих двух союзов: семейством признаются муж и жена, не имеющие детей; семейство также может составлять один из родителей вместе с детьми». В свою очередь, «супружеский союз возникает из брака и предполагает затем определенные юридические — личные и имущественные — отношения между мужем и женой».

⁸ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ре-

Понятие брачного союза раскрывалось составителями свода законов с учетом многоконфессионального состава Российской империи⁹.

В главе I «О браке между лицами Православного исповедания» закреплялись условия вступления в брак (ст. 1–24), порядок заключения брака (ст. 25–33) и доказательства брачного союза (ст. 34–36), порядок признания недействительным (ст. 37–42), прекращения (ст. 43–44) и расторжения брака (ст. 45–56).

Брачный возраст закреплен в ст. 3 раздела первого «О союзе брачном»: «запрещается вступать в брак лицам мужского пола ранее восемнадцати, а женщинам шестнадцати лет от рождения (а). Но в Закавказье природным жителям дозволяется вступать в брак по достижении женихом пятнадцати, а невестой тринадцати лет (б)». Запрещалось вступать в брак лицу старше 80 лет (ст. 4). Статья 6 закрепляла необходимость разрешения родителей, попечителей, опекунов для заключения брака.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 1, заключение брака лиц православного исповедания осуществлялось без «особого от правительства дозволения» и «увольнения от сословий и обществ, к которым они принадлежат». Исключения составляли военные и лица на гражданской службе, приравненной к военной (ст. 9). Для заключения брака являлось необходимым «взаимное и непринужденное согласие сочетающихся лиц» (ст. 12). Не могли заключать брак безумные и сумасшедшие (ст. 5), состоящие в действительном браке (ст. 20), четвертый брак (ст. 21), брак «в степенях родства или свойства» (ст. 23). Брак, имеющий юридическую силу, заключался только «в церкви, в личном присутствии сочетающихся

ся, в дни и время для сего положенные, при двух или трех свидетелях». Все браки записывались «в приходскую (метрическую) книгу» (ст. 31).

Брак прекращался в случае смерти одного супруга (ст. 43). Самостоятельное прекращение брака, по взаимному согласию супругов, не допускалось (ст. 46).

Брак расторгался церковным судом по просьбе одного из супругов только в перечисленных случаях: «1) доказанного прелюбодеяния другого супруга, или неспособности к брачному сожитию; 2) когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или же сослан на житье в Сибирь с лишением всех особенных прав и преимуществ; 3) безвестного отсутствия другого супруга» (ст. 45).

Далее законодатель переходит к «правам и обязанностям, от супружества возникающих», независимых от вероисповедания. Такие права и обязанности закреплены в гл. IV, которая состояла из двух отделений: «О личных правах» (ст. 100–108) и «О правах на имущество» (ст. 109–118). В соответствии со ст. 100 супруг передавал «жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином». В случае лишения мужа прав своего состояния за совершенное преступление жена продолжала именоваться «по званию мужа и не теряла сего права» (ст. 101). Данная норма корреспондировала со ст. 1 раздела первого «О союзе брачном», которая провозглашала, что все «без различия состояний могут вступать между собой в брак».

В соответствии со ст. 106 супруг «обязан любить свою жену, как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважении, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей», а супруга обязана была «повиноваться своему мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома». Кроме того, ст. 107–

дакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. VII.

⁹ Так, первый раздел содержал главу I «О браке между лицами Православного исповедания», главу II «О браках Христиан неправославного исповедания между собой и с лицами исповедания Православного и о метрической записи браков раскольников», главу III «О браках нехристиан между собой и с Христианами».

108 дополнительно оговаривали, что почитание супруга не освобождало супругу от обязанностей по заботе о своих родителях.

Брак не предусматривал появление института совместной собственности. Так, ст. 109 оговаривала, что «браком не составляет общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность». Кроме того, в ст. 110 перечислялись виды имущества супруги: «приданое жены, равно как имение, приобретенное ею или на ее имя во время замужества через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признается ее отдельной собственностью». Вместе с тем сохранялся институт взаимной ответственности супругов за долги¹⁰. Элементы архаичности прослеживались и в ст. 103, которая закрепляла совместное проживание супругов; строгий запрет актов, склоняющих «к самовольному разлучению мужа и жены»; обязанность жены всегда быть с супругом «при переселении, при поступлении на службу, или при иной перемене постоянного жительства мужа».

При рассмотрении семейных обязанностей особое значение имели обязанности супругов как родителей¹¹. В соответствии со ст. 164, «власть родительская распространялась на детей обоюбого пола и всякого возраста». Власть родителей могла прекратиться в случае их смерти, а также при лишении их по решению суда всех прав состояния (ст. 178).

Таким образом, власть родителей не прекращалась, но в определенных случаях могла быть ограничена: «1) посту-

плением детей в общественное училище, начальство коего заступает тогда по их воспитанию место родителей; 2) определением детей на службу, когда, вступая в новые отношения и получая чрез то новые обязанности, они не могут уже оставаться в прежней непосредственной от родителей зависимости; 3) вступлением дочерей в замужество, поскольку одно лицо двум неограниченным властям, каковы родительская и супружняя, совершенно удовлетворить не в состоянии, и дочь, оставившая дом свой и прилепившаяся к мужу, не может быть подвержена повиновению родителей в такой же мере, как другие, находящиеся при них дети» (ст. 179).

Родительские обязанности предусматривали в отношении несовершеннолетних детей, помимо «пропитания и одежды», заниматься их воспитанием «добрым и честным, по своему состоянию». Родители обязаны были «обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства». Дополнительно законодатель присоединял к родительским обязанностям заботу о поступлении сыновей на службу и о замужестве дочерей (ст. 172–176).

В части родительских прав на имущество отделение второе структурировано из двух глав: I. О детях неотделенных (ст. 182–189) и II. О детях отделенных (ст. 190–193), то есть законодатель выделяет имущество детей несовершеннолетних, которым управляют родители (ст. 180), и имущество — совершеннолетних, которое подразумевает два режима: имущество детей неотделенных и имущество детей отделенных. Неотделенными детьми считались те, которым «из родительского имения не выделено еще никакой части» (ст. 182)¹². Статья 188 закрепляет, что «всякие акты и крепости,

¹⁰ Ответственность «определяется в Уставе Судопроизводства Торгового и в положении о Взысканиях Гражданских» (ст. 112).

¹¹ В этой связи раздел второй «О союзе родителей и детей, и союзе родственном» состоял из главы I «О детях законных, незаконных, узаконенных и усыновленных», главы II «О власти родительской», главы III «О союзе родственном». Глава II «О власти родительской», в свою очередь, разделялась на два отделения: «О власти родительской в личных отношениях» (ст. 164–179) и «О власти родительской по имуществу» (ст. 180–194).

¹² Ст. 213 раздела третьего «О опеке и попечительстве в порядке семейственном» определяла возраст несовершеннолетия, а именно: «В несовершеннолетии полагается три возраста: первый от рождения до четырнадцати лет, второй от четырнадцати до семнадцати лет, третий от семнадцати до двадцати лет с годом».

совершенные неотделенными детьми без дозволения и согласия родителей, признаются в отношении к родителям недействительными; но дети, давшие такие обязательства, в совершенном возрасте, отвечают по оным всем впоследствии приобретенным или дошедшим к ним по наследству имуществом». Дети считаются отделенными в случае выделения им законной «или какой-либо другой части из родительского имущества» (ст. 190). При вступлении в совершеннолетний возраст «дети распоряжаются и управляют отделенным своим имуществом независимо; они могут тогда продавать и закладывать его по собственному усмотрению, не обязываясь испрашивать согласие или дозволение родителей» (ст. 191). Родители не могли претендовать на отделенное имущество детей (ст. 193).

Вместе с тем законодатель отдельно оговорил обязанность детей, «хотя бы они были совершенно отделены от родителей, если сии последние находятся в бедности, дряхлости или немощах, доставлять им пропитание и содержание по самую их смерть» (ст. 194), «оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле, отзываться об них с почтением, и

сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота. Почтение детей к памяти родителей должно продолжаться и по кончине родителей» (ст. 177).

Характеризуя кодификационные работы, стоит согласиться с А.Н. Филипповым, который писал, что Свод законов «заключал в себе много начал, выработанных и проверенных жизнью. Многое здесь могло казаться устарелым и требующим отмены, но так как, по обстоятельствам того времени, на это мало надежды, то лучше всего было, конечно, ограничиться простым сведением воедино всего действующего права»¹³.

Правовое регулирование брачно-семейных отношений по Своду законов Российской империи сохранило наследие предыдущих эпох, что в полном объеме отвечало основным задачам кодификационных работ, проводимых во второй четверти XIX в.

Кодификационные работы, проведенные под руководством М.М. Сперанского, являлись крупнейшим достижением правовой отечественной мысли и требуют дальнейших историко-правовых исследований как примера юридической техники, так и эволюции отраслевой дифференциации законодательства.

¹³ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 576.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Москва : Территория будущего, 2005. 797 с.
2. Исаев И.А. История государства и права России : учебник / И.А. Исаев. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2009. 334 с.
3. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.) / Д.И. Мейер. По исправленному и дополненному изд., 1902. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2000. 829 с.
4. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права : пособие к лекциям / А.Н. Филиппов. 4-е изд., изм. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 796 с.

References

1. Vladimirovskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [A Review of History of Russian Law] / M.F. Vladimirovskiy-Budanov. Moskva : Territoriya buduschego — Moscow : Territory of the Future, 2005. 797 s.
2. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnik [History of State and Law of Russia : textbook] / I.A. Isaev. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva : Prospekt — 4th edition, revised and enlarged. Moscow : Prospect, 2009. 334 s.
3. Meyer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 ch.) [Russian Civil Law (in 2 parts)] / D.I. Meyer. Po ispravlennomu i dopolnennomu izd., 1902. 2-e izd., ispr. Moskva : Statut — Based on the revised and enlarged edition, 1902. 2nd edition, revised. Moscow : Statute, 2000. 829 s.
4. Filippov A.N. Uchebnik istorii russkogo prava : posobie k lektsiyam [Textbook on History of Russian Law : guide to lectures] / A.N. Filippov. 4-e izd., izm. i dop. Yuryev : Tip. K. Mattisen — 4th edition, revised and enlarged. Yuryev : K. Mattisen's printing office, 1912. 796 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-52-58

Формирование правого крыла в партии социалистов-революционеров и эволюция политических взглядов И.И. Фондаминского

Берзина Анжелика Александровна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук, доцент
f-berzina2017@yandex.ru

В статье, выявляя основные этапы формирования правого крыла партии социалистов-революционеров, автор демонстрирует эволюцию взглядов одного из его лидеров — И.И. Бунакова-Фондаминского.

Ключевые слова: государство, политика, идеология, социализм, партия, эсеры, большевики, революция.

Establishment of the Right Wing in the Socialist Revolutionary Party and Evolution of I.I. Fondaminsky's Political Views

Berzina Anzhelika A.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (History), Associate Professor

The author discusses the main stages of formation of the right wing of the Socialist Revolutionary Party and argues and argues the evolution of the views of one of leaders I.I. Bunakov-Fondaminskiy.

Keywords: state, politics, ideology, socialism, party, the SRs, the Bolsheviks, revolution.

Революция 1905–1907 гг. не прошла бесследно для партии социалистов-революционеров и, в конечном итоге, повлияла на ее концепцию¹. В рядах эсеров развернулась полемика по важнейшим вопросам теории: община и ее роль в решении аграрного вопроса, оценка тактики индивидуального террора в связи с массовым революционным движением, роль революции в борьбе за демократию и социализм. Существенно изменились численность, социальный состав и организационная структура партии, но в руководящем ядре по-прежнему абсолютное большинство составляла интеллигенция². Возникла широкая сеть местных партийных организаций, деятельность которых направлялась и координировалась не только губернскими, но и региональными

ми, областными комитетами. ЦК партии, чрезмерно разросшийся, делился на две группы — Петербургскую и Московскую, что не повышало, а, наоборот, снижало эффективность его деятельности, вносило в нее лишнюю путаницу, недоразумения и конфликты. Так, представители московского ЦК, по существу, игнорировали решения петербургской группы о приостановке террора, более решительно были настроены по вопросу о декабрьской политической стачке с переводом ее в вооруженное восстание. В идейном отношении партия начала превращаться в совокупность различных направлений, течений и оттенков.

Н.Д. Ерофеев отмечает, что с июня 1907 г. по февраль 1917 г. партия эсеров находилась в состоянии перманентного идейного, тактического и организационного кризиса³. Для партии эсеров, в отли-

¹ Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). М., 1990. С. 166.

² Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века : энциклопедия. С. 438.

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы : в 3 т. Т. 2. Июнь

чие от других российских политических партий, кризис был особенно болезненным, поскольку правительственная аграрная реформа, стремясь к ликвидации общины и укрепляя чувство собственности и самостоятельности у крестьян, подрывала аграрную программу партии. Эсеровские призывы не выделяться из общины, не покупать и не закладывать землю, не принимать участия в землеустроительных комиссиях почти не находили отклика в деревне. Успехи реформы порождали сумятицу в умах эсеров. К тому же террор был практически лишен прежней поддержки со стороны общества, не исключавшего возможность мирной эволюции страны. Разоблачение провокатора Азефа также внесло свою лепту в кризисное состояние партии, способствуя росту недоверия общества к ней, а также к партийному руководству внутри самой партии. Вероятно, английский ученый, профессор Т. Шанин не очень сильно преувеличивал, говоря, что к 1909 г. измена Азефа стала ударом, от которого партия уже не смогла оправиться⁴.

Дебаты вокруг вопроса об участии в Государственной думе, избиравшейся по закону 3 июня 1907 г., набирали все больший оборот. Бойкот Думы, воспринимавшейся эсерами как декорация прежнего самодержавно-полицейского режима и как конституционная фикция, рассматривался ими в качестве наиболее сильного и внушительного ответа на третьеиюньский переворот и как одно из средств революционизации и организации масс. Заявлялось, что идти в Думу могут лишь утратившие веру в революцию. Кроме бойкотизма и отзовизма в тактике ПСР было распространено и такое направление, как «боевизм», усиление которого признавалось первоочередной задачей. Имелось в виду создание боевых дружин, обучение населения приемам вооруженной борьбы. Такие меры практически не соответствовали заявлениям, что общее

восстание в условиях переживаемого момента не может быть конкретной целью ближайшего времени. Практически единодушным было решение об усилении террора. Но оно не получило применения на практике. Со временем разногласия в партии усиливались. Крайне левые, пропагандировавшие свои взгляды в газете «Революционная мысль», террор признавали единственным средством политического освобождения России. Во избежание повторения провокации, подобной азефовской, и с целью усиления эффективности террористической деятельности предлагалось ее децентрализовать и вести силами не одного БО, а рядом автономных боевых отрядов. Принцип автономии и федерации предлагалось сделать основным и в организационной структуре партии.

Но по мере угасания инерции революции все более призрачными становились надежды на ее подъем в скором времени. Тактика «боевизма» теряла свою привлекательность в эсеровской среде. В ней начинало все явственнее выкристаллизовываться правое, более умеренное течение во главе с Н.Д. Авксентьевым. В.М. Чернов писал, что первый шаг в сторону обособления Н.Д. Авксентьева как лидера правого крыла ПСР имел место еще до выхода в свет «Почина», на 1-й общепартийной конференции (Лондон, 1908 г.)⁵, где он был одним из председателей. Здесь он выступил от меньшинства ЦК содокладчиком В.М. Чернова (тов. Оленина) против продолжения экстремистской тактики боевой подготовки масс⁶. В результате настойчивого призыва Авксентьева к отказу от тактики «боевизма» и подготовки к вооруженному восстанию, боевой работой разрешено было заниматься только сильным партийным организациям, ведущим «серьезную социалистическую работу». В разделе о те-

1907 г. — февраль 1917 г. М., 2001. С. 5.

⁴ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. М., 1997. С. 352.

⁵ Чернов В.М. Перед бурей. С. 286.

⁶ Политические партии России... С. 16; см. также: Первая Общепартийная конференция П.С.-Р. Протоколы конференции // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. С. 148–151.

кущем моменте и общей тактике партии резолюций, принятых 1-й Общепартийной конференцией и подтвержденных IV Советом партии социалистов-революционеров, так и записано: «Не упускать из виду работ по теоретической и практической боевой подготовке партийных масс (заготовка оружия, обучение революционно-боевой технике) там, где серьезная организационная постановка основной социалистической работы служит гарантией против возможности и на этой почве преждевременных и нецелесообразных вспышек»⁷. Таким образом, принимается компромиссное решение, а окончательного согласия между боевистским большинством и умеренным меньшинством достигнуто не было. Очевидно, что самостоятельным выступлением умеренных на конференции со своими содокладом и резолюцией по главному вопросу о текущем моменте и тактике партии было положено начало оформлению правого крыла в партии.

В апреле 1911 года Н.Д. Авксентьев выступил на страницах «Знамени труда» с призывом участвовать в выборах в IV Государственную думу. Он был поддержан И.И. Фондаминским, оставшимся в отличие от Авксентьева членом ЗД ЦК ПСР⁸ и также находившимся в этот период в достаточно приятельских отношениях с В.М. Черновым. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся письма Фондаминского к Чернову, изучив которые мы пришли к выводу, что в исследуемый период можно уверенно говорить об их тесном сотрудничестве и здоровом обмене мнениями. Так, 2 июня 1911 г. Фондаминский, рассуждая о необходимости приложения максимальных усилий, для того чтобы «взять» журнал «Современник» в руки партии, пишет: «Вашу тактику считаю вполне правильной и разумной. Сам буду делать все воз-

можное, чтобы помочь Вам»⁹. Мало того, в завершение автор письма просит держать его в курсе дела о партийных интересах, мотивируя своей возможной полезностью.

В 1916 году жандармский генерал А.И. Спиридович, ставший по поручению ДП своеобразным историком революционного движения, справедливо считал, что стимул к формированию течений внутри партии появляется на 5-м Совете партии, проходившем в мае 1909 г. в Париже¹⁰. Тогда же появилась и «Парижская группа»¹¹, которую Зензинов в своих воспоминаниях называет «небольшой кучкой» «горячо преданных партии людей», проводившей тактику «поддерживания идейных традиций партии», верными и горячими блюстителями которой «были И.И. Фондаминский и С.Н. Слетов»¹². Именно «этой ничтожной кучке партийных работников, группировавшихся вокруг ЦК, заграничной делегации и центрального органа “Знамя труда”, — считал Зензинов, — удалось сохранить партийный огонек и пронести его до лучших дней среди заграничного распада и развала партийной жизни»¹³.

Вскоре в партии еще более рельефно отслоилась группа, члены которой пропагандировали ненужность террора, необходимость работы в Государственной думе для использования ее в целях социально-революционного воспитания масс и создания партийного общественного мнения, а также горячо отстаивали возможность использования всяких легальных возможностей вне Думы. Во главе этой группы стояли влиятельные члены эсеровского руководства Авксентьев, Фондаминский, Лебедев («Воронов») и

⁷ Резолюции, принятые 1-й Общепартийной конференцией и утвержденные IV Советом партии социалистов революционеров // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. С. 294.

⁸ Морозов К.М. Партия социалистов-революционеров. С. 584.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5847. Чернов В.М. (1873–1938 гг.). Оп. 1. Д. 97. Письма разных лиц к В. Чернову. Л. 60.

¹⁰ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг., 1918. С. 487–488.

¹¹ Там же. С. 489.

¹² Зензинов В. Из недавнего прошлого. С. 522–523.

¹³ Там же. С. 523.

Слетов («Нечетный»)¹⁴. Б.Н. Лебедев до издания журнала «Почин» являлся членом ЦК ПСР, а затем ЗД ЦК ПСР. С.Н. Слетов около года был членом ЦК. Название нового журнала было предложено С.Н. Слетовым, о чем свидетельствует одно из его писем Фондаминскому от 18 марта 1912 г., хранящееся в личном фонде Ильи Исидоровича в ГАРФе. Сожалел о том, что адресату не нравится название «Почин», Слетов, отстаивая свое мнение, пишет: «И по смыслу — (инициатива), и как исконно русское слово, мне оно кажется весьма подходящим. “Начало” же и означает не то, и связано с марксистским журналом 1898 г.»¹⁵.

Первый номер журнала «Почин», в котором нашли свое отражение и развитие взгляды группы на различные виды партийной работы, был выпущен в апреле 1912 г. В передовой статье редакция заявила, что она не стремится к образованию какой-то особой фракции. «Не “ликвидация” политической партии является нашей целью... и не создание каких-то новых форм партийного бытия, ибо при настоящих условиях политически действительную революционную партию мы можем мыслить только нелегальной»¹⁶. «Починовцы» были убеждены в необходимости изменения содержания работы в соответствии с изменением политической обстановки с целью одухотворения, развития партийной организации и превращения «теперешней партии из группы лиц, связанных общей идеологией, в истинную народную партию, в действительно политического агента»¹⁷.

В 1914 году в журнале «Заветы» была опубликована статья И.И. Фондаминского «О ближайших путях развития России». Автор, анализируя влияние столыпин-

ской аграрной реформы в деревне, писал, что правительство, стремящееся создать «новый тип крестьянина — зажиточно-собственника», дало сильнейший толчок к тому, что кооперативное движение стало центром всей жизни деревни¹⁸. Программа эсеров уделяла большое место кооперации, особенно в своей максимальной части. Кооперация считалась одной из важных форм перерастания мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные. Идея кооперативного социализма будет впоследствии заимствована Лениным у эсеров, но в рассматриваемый период большевики, основные политические соперники эсеров, относились к ней с подозрением, подчеркивали ее капиталистический характер, резко критиковали эсеров за их увлечение кооперацией. Эсеры соглашались с тем, что кооперация действительно может смягчить недовольство в деревне, но вместе с тем уверяли, что она своей повседневной практикой будет давать крестьянству достаточно поводов не забывать о коренном противоречии крестьянства с господствующими классами, что сам ее рост «состоит в непрерывной борьбе с эксплуатацией». Достоинства кооперации эсеры видели также в том, что она будто бы была способна сохранить крестьянство как опору демократии, как союзника рабочих, содействовать его организации и накоплению сил для будущей революции. Фондаминский по этому поводу говорил в «Заветах», что эсеры «не предусмотрели возможности развития в русской деревне кооперативного движения даже в тисках политической реакции и до разрешения ее земельных противоречий», делая ставку на кооперацию только «на другой день после земельного переворота»¹⁹.

Изложив свои мысли в данной статье, автор дал повод для обвинения его в эволюционистских настроениях, так как потребовал пересмотра основополагающего эсеровского тезиса в аграрном вопросе: о первичности революционного перехо-

¹⁴ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. С. 553.

¹⁵ См.: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров. С. 587; ГАРФ. Ф. 6212. Фондаминский И.И. Оп. 1. Д. 46. Письма С.Н. Слетова И.И. Фондаминскому. Л. 5об.

¹⁶ От редакции. Почин. 1912. № 1 // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. С. 427.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Бунаков И. О ближайших путях развития России (по поводу статей кн. Евгения Трубецкого) // Заветы. 1914. № 6. С. 4.

¹⁹ Там же. С. 5.

да земли в общенародное достояние, открывающего путь последующей кооперации и земледельческому прогрессу. Полагая, что деревня смогла отложить на время свойственные ей противоречия, и поскольку помещики активно продавали землю, Фондаминский не исключал возможность разрешения этих противоречий не революционным, а эволюционным путем. Приведенные нами выводы автора выносили разногласия между «починовцами» и «ортодоксами» за пределы тактических, поскольку в понимании большинства эсеров выдвижение кооперации на первый план приводило к отрицанию революционного пути. Так, М.А. Натансон из двух новых тезисов Фондаминского делал «только один логический вывод: долой партию, долой революцию, долой лозунг “Земля и Воля”. Да здравствует мирная культурническая... работа, ибо она ведет народ к прогрессу»²⁰.

Б.Н. Лебедев упрекал Фондаминского в «страсти к монизму, к мышлению по антитезам», поскольку тот, например, объявил всеобъемлющей тенденцией выведенную им формулу «от земледельческого прогресса к социализации», а также установил прямую связь между интенсификацией земледелия и хлебными ценами²¹. Обращаясь к Фондаминскому, Лебедев писал, что «социализация земли, как акт революционный, должна явиться результатом более сложной конъюнктуры»²². Он соглашался с адресатом в том, что объективные условия толкают земледельческую Россию по пути интенсификации, протекающей преимущественно в кооперативных формах. Но убеждал Фон-

даминского: нельзя предполагать однозначно, что «процесс земледельческого прогресса приведет к революционному акту, можно только допустить, что на его пути будут воздвигаться неодолимые эволюционным путем препятствия, на борьбе с которыми и будет крестьянство самоопределяться как класс»²³.

Итак, восприятие результатов столыпинской аграрной реформы И.И. Фондаминским, предлагавшим «от всей души приветствовать совершившуюся перемену»²⁴, кардинально расходилось с ее партийной оценкой и с его собственными взглядами 1912 г. Его вывод о том, что «крестьянство более нельзя считать революционным по преимуществу — оно стремится к фактическому владению землей... а аграрную революцию стоит заменить аграрной реформой», все остальные «починовцы» не разделяли, на что особое внимание обращает в своей монографии К.Н. Морозов²⁵.

Таким образом, правое крыло партии социалистов-революционеров открыто заявило о себе изданием в 1912 г. журнала «Почин». Но тенденция к его выделению появилась гораздо раньше. Вехами этого длительного процесса явились такие общепартийные форумы, как I-й съезд ПСР, первая общепартийная конференция, 5-й Совет партии, Парижская конференция заграничных групп содействия партии социалистов-революционеров. Появление еще одной значительной группировки свидетельствовало о глубоком кризисе, в который все более погружалась партия эсеров. Безусловно, важным для характеристики правого течения является то, что его представители не только не отказывались от организационной цельности с партией, но и всевозможными способами подчеркивали идейное единство с ней. Представляется, что правое крыло партии наиболее реалистически оценивало послереволюционную обстановку и возможности партийной деятельности на соответствующем этапе.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 32. Письма М.А. Натансона И.И. Фондаминскому (июнь 1909 — июль 1914). Л. 64.

²¹ См.: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров. С. 595; ГАРФ. Ф. 6212. И.И. Фондаминский. Д. 17. Письма А. Воронова И.И. Фондаминскому и делегации ЦК партии социалистов-революционеров. Октябрь 1910–1916 гг. Л. 17–18.

²² ГАРФ. Ф. 6212. И.И. Фондаминский. Д. 17. Письма А. Воронова И.И. Фондаминскому и делегации ЦК партии социалистов-революционеров. Октябрь 1910–1916 гг. Л. 17–18.

²³ Там же.

²⁴ Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров. С. 594.

²⁵ Там же. С. 597.

Литература

1. Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в. : идейная эволюция / Г.Д. Алексеева ; ответственный редактор К.В. Гусев. Москва : Наука, 1990. 245 с.
2. Бунаков И. О ближайших путях развития России (по поводу статей кн. Евгения Трубецкого) / И. Бунаков // Заветы. 1914. № 6.
3. Бунаков И. О ближайших путях развития России (по поводу статей кн. Евгения Трубецкого) / И. Бунаков // Заветы. 1914. № 7.
4. Ерофеев Н.Д. Предисловие / Н.Д. Ерофеев // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы 1917–1925 гг. В 3 томах. Т. 2. Июнь 1907 — февраль 1917 гг. / составитель, автор предисловия, введения и комментария Я.В. Леонтьев. Москва : РОССПЭН, 2001. С. 5–19.
5. Зензинов В.М. Из недавнего прошлого / В.М. Зензинов // Дело народа. 1917. № 126. С. 2–3.
6. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. / К.Н. Морозов. Москва : РОССПЭН, 1998. 622 с.
7. Первая Общепартийная конференция П.С.-Р. Протоколы конференции (август, 1908 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы 1917–1925 гг. В 3 томах. Т. 2. Июнь 1907 — февраль 1917 гг. / составитель, автор предисловия, введения и комментария Я.В. Леонтьев. Москва : РОССПЭН, 2001. С. 49–270.
8. Резолюции, принятые 1-й Общепартийной конференцией и утвержденные IV Советом партии социалистов-революционеров // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы 1917–1925 гг. В 3 томах. Т. 2. Июнь 1907 — февраль 1917 гг. / составитель, автор предисловия, введения и комментария Я.В. Леонтьев. Москва : РОССПЭН, 2011. С. 293–305.
9. Слетов С.Н. Фондаминскому И.И. (сентябрь 1910 — ноябрь 1912 г.) / С.Н. Слетов // ГАРФ. Ф. 6212. Фондаминский И.И. Оп. 1. Д. 46.
10. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916 / А.И. Спиридович. Петроград : Военная тип., 1918. 623 с.
11. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания : мемуары лидера партии эсеров / В.М. Чернов. Москва : Международные отношения, 1993. 406 с.
12. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. / Т. Шанин ; перевод с английского. Москва : Весь мир, 1997. 554 с.

References

1. Alekseeva G.D. Narodnichestvo v Rossii v XX v. : ideynaya evolyutsiya [The Narodnik Movement in Russia in the XX Century : Ideological Evolution] / G.D. Alekseeva ; otvetstvenny`y redaktor K.V. Gusev. Moskva : Nauka — publishing editor K.V. Gusev. Moscow : Science, 1990. 245 s.
2. Bunakov I. O blizhayshikh putyakh razvitiya Rossii (po povodu statey kn. Evgeniya Trubetskogo) [On the Nearest Paths of Development of Russia (with Regard to Articles by Prince Evgeny Trubetskoy)] / I. Bunakov // Zavety` — Testaments. 1914. № 6.
3. Bunakov I. O blizhayshikh putyakh razvitiya Rossii (po povodu statey kn. Evgeniya Trubetskogo) [On the Nearest Paths of Development of Russia (with Regard to Articles by Prince Evgeny Trubetskoy)] / I. Bunakov // Zavety` — Testaments. 1914. № 7.
4. Erofeev N.D. Predislovie [Foreword] / N.D. Erofeev // Partiya sotsialistov-revoljutsionerov. Dokumenty` i materialy` 1917–1925 gg. V 3 tomakh. T. 2. Iyun 1907 — fevral 1917 gg. / sostavitel, avtor predisloviya, vvedeniya i kommentariya Ya.V. Leontyev. Moskva : ROSSPEN — The Socialist Revolutionary Party. Documents and Files of 1917–1925. In 3 volumes. Vol. 2. June 1907 to February 1917 / compilation, foreword, introduction and commentary by Ya.V. Leontyev. Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2001. S. 5–19.
5. Zenzinov V.M. Iz nedavnego proshlogo [From the Nearest Past] / V.M. Zenzinov // Delo naroda — Cause of the People. 1917. № 126. S. 2–3.
6. Morozov K.N. Partiya sotsialistov-revoljutsionerov v 1907–1914 gg. [The Socialist Revolutionary Party from 1907 to 1914] / K.N. Morozov. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 1998. 622 s.
7. Pervaya Obshepartijnaya konferentsiya P.S.-R. Protokoly` konferentsii (avgust, 1908 g.) [The First All-Party Conference of the Socialist Revolutionary Party. Conference Minutes (August 1908)] // Partiya sotsialistov-revoljutsionerov. Dokumenty` i materialy` 1917–1925 gg. V 3 tomakh. T. 2. Iyun 1907 — fevral 1917 gg. / sostavitel, avtor predisloviya, vvedeniya i kommentariya Ya.V. Leontyev. Moskva : ROSSPEN — The Socialist Revolutionary Party. Documents and Files of 1917–1925. In 3 volumes. Vol. 2. June 1907 to February 1917 / compilation, foreword, introduction and commentary by Ya.V. Leontyev. Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2001. S. 49–270.
8. Rezolyutsii, prinyaty`e 1-y Obshepartijnoy konferentsiey i utverzhdenny`e IV Sovetom partii sotsialistov-revoljutsionerov [Resolutions Adopted by the 1st All-Party Conference and Approved by the IV Council of the Socialist Revolutionary Party] // Partiya sotsialistov-revoljutsionerov. Dokumenty` i materialy` 1917–1925 gg.

- V 3 tomakh. T. 2. Iyun 1907 — fevral 1917 gg. / sostavitel, avtor predisloviya, vvedeniya i kommentariya Ya.V. Leontyev. Moskva : ROSSPEN — The Socialist Revolutionary Party. Documents and Files of 1917–1925. In 3 volumes. Vol. 2. June 1907 to February 1917 / compilation, foreword, introduction and commentary by Ya.V. Leontyev. Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2011. S. 293–305.
9. Sletov S.N. Fondaminskomu I.I. (sentyabr 1910 — noyabr 1912 g.) [Dedicated to I.I. Fondaminsky (September 1910 to November 1912)] / S.N. Sletov // GARE. F. 6212. Fondaminsky I.I. Op. 1. D. 46 — State Archive of the Russian Federation. Fund 6212. Fondaminsky I.I. Inventory 1. File 46.
 10. Spiridovich A.I. Partiya sotsialistov-revolutsionerov i ee predshestvenniki. 1886–1916 [The Socialist Revolutionary Party and Its Predecessors. 1886 to 1916] / A.I. Spiridovich. Petrograd : Voennaya tip. — Petrograd : Military Printing Office, 1918. 623 s.
 11. Chernov V.M. Pered burey. Vospominaniya : memuary` lidera partii eserov [Before the Storm. Recollections : memoirs of the leader of the Socialist Revolutionary Party] / V.M. Chernov. Moskva : Mezhdunarodny`e otnosheniya — Moscow : International Relations, 1993. 406 s.
 12. Shanin T. Revolyutsiya kak moment istiny`. Rossiya 1905–1907 gg. 1917–1922 gg. [Revolution as a Moment of Truth. Russia of 1905–1907, 1917–1922] / T. Shanin ; perevod s angliyskogo. Moskva : Ves mir — translated from English. Moscow : The Whole World, 1997. 554 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-58-62

Правовое регулирование денежного дела и денежного обращения в Русском государстве в XV–XVI вв.

Байгарина Августа Евгеньевна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук
amechtch@mail.ru

В статье представлены результаты исследования источников (текстов летописей и монет), отражающих становление правовой основы денежной системы Русского государства в XV–XVI веках, законодательно закреплённое устройство денежного обращения, формы его организации, а также установление ответственности за нарушения в сфере денежного обращения.

Ключевые слова: денежная система, денежное обращение, денежная реформа, фальшивомонетничество, смертная казнь.

Legal Regulation of Money Matters and Monetary Circulation in the Russian State from the XV to the XVI Century

Baygarina Avgusta E.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (History)

The article presents results of a research of sources (chronicle texts and coins) reflecting the establishment of the legal basis for the monetary system of the Russian State from the XV to the XVI century, legally consolidated structure and organization forms of monetary circulation as well as the establishment of liability for monetary circulation violations.

Keywords: monetary system, monetary circulation, monetary reform, counterfeiting, death penalty.

В период образования Русского единого государства возникла необходи-

мость создания единой денежной системы. Перед государственным аппаратом

стояла задача обеспечить ее правовую защиту и наполнить денежный рынок страны полноценной монетой.

Выполнению этой задачи способствовало то, что к середине XV в. на русских землях сложились две основные денежные системы: московская и новгородская¹.

Московская денежная система была представлена деньгой — московкой с нормативным весом 0,39 г. Вторую денежную систему, новгородскую, представляла деньга — новгородка с весом 0,78–0,79 г. Кроме того, каждый номинал имел и свои фракции. Так, в московской денежной системе фракцией деньги — московки была так называемая полуденьга, в дальнейшем занявшее место полушки. У деньги — новгородки это была «четверетца», составляющая четверть от крупной монеты².

Сложность разрешения проблемы создания единой денежной системы заключалась в том, что во второй половине XV в. в обращении находилось масса разнохарактерной монеты, унаследованной от феодальной раздробленности. Кроме того, государственный аппарат еще не имел достаточного организационного и правового опыта регулирования денежного дела и денежного обращения в рамках одного, довольно крупного по тем временам территориального образования, каким стало единое Русское государство в конце XV в.

О том, что такая практика существовала в период феодальной раздробленности, свидетельствуют крайне скудные летописные известия и сами монеты. Об этом существует целый ряд сообщений в новгородских и псковских летописях. Под 1410 годом в Новгородской летописи сказано: «...начаша новгородци торговати промеже себе лопьци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысячкомъ Васильи Есифовиче»³. Так, ле-

тописец донес до нас известие о каком-то правовом акте, в котором говорится о реформе денежной системы в Великом Новгороде. Очевидно, суть ее заключается в отмене старых денежных знаков и переходе к использованию литовских и немецких монет. Под 1420 годом встречается сообщение о переходе Великого Новгорода к чеканке собственных монет: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаши Немцом, а торговале имы 9 лет»⁴. Этим годом исследователи датируют начало чеканки так называемых «новгородок» с нормативным весом 0,79 г. Выбор подобного веса объясняется тем, что с таким же весом чеканились монеты и в Великом княжестве Московском. В 1425 году к чеканке собственных своих монет перешел и Псков: «...в Пскове денги сковаша, и почаша по всеи Руской земли торговати денгами»⁵. Псковская по весу была подобно новгородке, отсюда и была возможность для псковичей торговать своими деньгами по всей Руси.

В других ветвях древнерусского летописания подобные сообщения отсутствуют, но о ряде мер, принимаемых властями, говорят сами монеты. Так, на ранних монетах Дмитрия Донского изображался человек, по всей видимости князь, с мечом или секирой, что может трактоваться как угроза фальшивомонетчикам. Известно изображение денежного мастера на некоторых монетах Великого княжества Тверского. Угрозой и предупреждением фальшивомонетчикам служили и надписи-легенды на монетах. Так, на одной из монет Василия Темного известно такое ветхозаветное изречение: «Оставьте безумие и живы будете». До сих пор окончательно не решен вопрос, против кого оно направлено: против политических противников великого князя Василия II в борьбе за престол или против «безумных людей» — фальшивомонетчиков.

Наиболее наглядно правовое обеспечение денежного дела и денежного обращения показано в деле «ливца» Федора Жеребца (первого фальшивомонетчика на Руси, о котором сохранились записи в

¹ Янин В.А. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 279–282.

² Спасский И.Г. Русская монетная система. М., 1970. С. 78–79, 106–108.

³ Русские летописи. Т. 10: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, 2001. С. 402.

⁴ Там же. С. 412.

⁵ Там же. С. 414.

летописях). В 1447 году в Великом Новгороде после разоблачения мастера Федора Жеребца и его сообщников, которые отливали серебряные слитки пониженной пробы, новгородские власти провели целую денежную реформу. Никаких законодательных актов об этой реформе не сохранилось, но подробное изложение этого дела летописцем позволяет судить, что они были. Реформа была утверждена («уставиша») высшим законодательным и исполнительными органами Новгородской боярской республики («и посадник и тысячкы и весь Новгород»). В результате реформы было избрано «5 денежников» (по количеству городских районов — концов), была отменена старая и введена новая монета «в ту же меру, на 4 почки таковых же». Однако, как полагают нумизматы, изменилась сама почка, с 0,19 г она повысилась до 0,20 г, что привело к увеличению веса самой новгородки от 0,76 г до 0,80 г⁶. Кроме того, за чеканку определенного количества монет мастерам полагалась фиксированная плата («от гривны по полуденги»). По всей видимости, именно увеличение веса деньги — новгородки и введение фиксированной платы вызвали «христьяном скорбь велика и убыток в городе и по волостем»⁷.

С присоединением великих и удельных княжеств к Москве шло упразднение и центров денежной чеканки некогда независимых князей. В итоге при великом князе Иване III чеканка монет была сосредоточена в Москве, Твери, Новгороде и Пскове с характерной для этих городов монетной специализацией. В Москве и Твери чеканились деньги — «московки», в Новгороде и Пскове — деньги — «новгородки». Были разработаны и единые, типовые, для всех монет изображения и надписи-легенды с именем и титулом великого князя.

Основным видом изображения был всадник с мечом или саблей, а содержание надписи сводилось к двум вариантам:

⁶ Кользин А.М. О весовых нормах новгородских денег. 1420–1478 гг. // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. 1997. № 5. С. 134.

⁷ Русские летописи. Т. 10: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. С. 426–427.

«Князь великий Иван Васильевич/Василий Иванович» и «Осподарь всея Руси». Тем не менее в денежном обращении продолжали участвовать монеты старых образцов и некогда независимых княжеств, а также фальшивые и резаные деньги.

В первой трети XVI в. отсутствие мер по унификации монетной системы привело к денежному кризису. Его описание встречается в летописях, а проявление — в денежных кладах, в которых присутствуют обрезанные в треть и в половину монеты. Наиболее сведущим в причинах кризиса оказался новгородский летописец: «...при державе великого князя Василья Ивановича (Василия III) начаша безумнии человеци... прежние деньги резати и злыи примес в серебро класти... и в толико безумие пришедшее, яко половину у всякой денги отрезати и в ту же гривенку доспети на пятсот денег и болши»⁸.

Если в канун кризиса из так называемой гривенки выходило 260 денег, то в результате деятельности «безумнии человеци» по производству поддельных и резаных монет из гривенки стало выходить 500 денег и больше. Правительством великого князя был проведен розыск и казни — первые известные казни за фальшивомонетничество в России. Однако более эффективной мерой была денежная реформа, проведенная уже после Василия III, в годы регентства Елены Глинской в 1535–1538 гг.

Была проведена целая система мер. «Того же месяца марта (1535 г.) князь велики Иван Васильевич всея Руси и его мати велика княгини Елена велели передельвати старые денги на новой чекан того дея, что было в старых денгах много обрезанных денех и подмесу... в старой гривенке было полтретиа рубля (250 денег), а в новых гривенках велели делати потри рубли (300 денег-копеек); а подделщиков... тех велели обыскивати, и иных обыскав казнили; а старым денгам впрок ходити не велели», — писал официальный московский летописец⁹. Более сведущим был автор неофициальной,

⁸ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 2012. С. 24.

⁹ Русские летописи. Т. 3: Воскресенская летопись. Рязань, 1998. С. 380.

но общерусской Вологодско-Пермской летописи: «Князь великий Иван Васильевич велел заповедати, не ходити старым денгам Ноугородкам, а велел делати денги Ноугородки новое кузло (по новой весовой мере) в Новгороде и во Пскове по три рубли их гривенки, а старое было кузло по полтретья (250 денег) рубля з гривною (10 денег) из гривенки». То же самое относилось и к чеканке монет в Москве, где выпускались денги — московки¹⁰. Кратко, но ту же суть излагает и псковский летописец: «Того же лета (1538 г.) отставиша всякими денгами не торговати и старыми и начаша торговати денгами новыми, копейками...»¹¹

Таким образом, для преодоления финансового кризиса правительство Елены Глинской вводит смертную казнь за фальшивомонетничество, отменяет обращение старых монет и устанавливает вес и 300-денежную стопу новых монет. Чеканка монет теперь допускалась только на денежных дворах Новгорода, Пскова и Москвы. Ничего не сообщают летописи о Тверском денежном дворе, который работал какое-то время в период реформы, но затем был закрыт¹².

Анализ летописных известий говорит о том, что летописцы при изложении событий денежной реформы располагали близкими по содержанию источниками. Исследователи полагают, что это были указы, исходившие из великокняжеской канцелярии. Это подтверждается наличием точных дат, вплоть до дня, в Новгородской летописи: 24 февраля 1535 г. или 1536 г., апрель 1534 г. или 1535 г., март 1535 г., 20 июня 1535 г., апрель 1538 г.¹³.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. Т. 26. М., 1959. С. 323.

¹¹ Псковские летописи. Вып. II. М.—Л.: АН СССР, 1955. С. 229.

¹² Спасский И.Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы Института археологии. М., 1955. С. 239, 309; Мельникова А.С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // Нумизматика и эпиграфика. XIII. М., 1980. С. 102.

¹³ Янин В.А. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 67–73.

Сопоставляя летописные данные, предлагаются такие указы: март 1535 г. — о чеканке в Новгороде и Пскове новых монет по 3-рублевой стопе; 20 июня 1535 г. — дополнительный указ о чеканке новых монет в Новгороде; 24 февраля 1536 г. — о запрещении старых монет, в том числе и старых новгородок; апрель 1538 г. — о начале чеканки новых монет в Москве и отмене старых московок, запрете всех старых монет.

Результатами реформы стало сравнительно быстрое обновление состава денежного обращения и наполнение его полноценной монетой.

Последняя денежная реформа конца XVI в. не оставила ни одного правового акта. Молчат о ее проведении и летописи, и записки современников-иностранцев. А между тем в истории денежного дела и денежного обращения она занимает важное место, оценить которое можно только на основании самих монет. Реформа была проведена в 1595–1596 гг., об этом говорит впервые появившаяся на монетах дата, выполненная «буквенной цифирью». Вторым новшеством реформы было появление на копейках вместо многочисленных буквенных инициалов знаков денежных дворов. Для Московского денежного двора это были: МО; с/М; о/М (Москва). Для Новгородского денежного двора — в/НО (Великий Новгород), для Псковского денежного двора — ПС (Псков). Реформа способствовала укреплению престижа царской власти.

Реформа 1595–1596 гг. оставила без изменения вес, пробу, технику чеканки, но она, по всей видимости, касалась организации денежного производства и усиления контроля над качеством монет. Так, некоторые исследователи считают, что именно в это время при Московском денежном дворе был создан Денежный приказ, который на правах государственного учреждения осуществлял централизацию денежного производства¹⁴.

Таким образом, с ростом и развитием Русского государства в XV–XVI вв. про-

¹⁴ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 2012. С. 62–70.

исходили качественные изменения в его денежной системе и денежном производстве. Были преодолены последствия феодальной раздробленности, из обращения исчезли разного рода монеты отдельных великих и удельных княжеств, что значительно сузило базу для развития фальшивомонетничества. В обращении находилась единообразная монета из трех номиналов: копейка, деньга и полушка, чеканка которых осуществлялась на государственных денежных дворах. С конца XVI в.

денежное производство осуществлялось из одного центра.

Одновременно с этими процессами происходила кодификация русского права. Всякие перемены в денежном деле исходили из одного центра и на основе правовых актов — указов. Почти все они не сохранились, но о них можно судить по другим источникам — летописям и монетам. Только в XVII веке денежное дело займет свое место в главном кодексе феодальной России — Соборном Уложении 1649 г.

Литература

1. Колызин А.М. О весовых нормах новгородских денег. 1420–1478 гг. / А.М. Колызин // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. 1997. № 5.
2. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого : большая иллюстрированная энциклопедия / А.С. Мельникова. Москва : Наше слово : Эксмо, 2012. 301 с.
3. Мельникова А.С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) / А.С. Мельникова // Нумизматика и эпиграфика : сборник. Москва : Наука, 1980. № 13. 143 с.
4. Спасский И.Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. / И.Г. Спасский // Материалы и исследования по археологии СССР. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 44. С. 222–259.
5. Спасский И.Г. Русская монетная система : историко-нумизматический очерк / И.Г. Спасский. 4-е изд., доп. Ленинград : Аврора, 1970. 256 с.
6. Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода / В.Л. Янин. Москва : Языки славянских культур, 2009. 414 с.
7. Янин В.Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской / В.Л. Янин // Россия на путях централизации : сборник статей / ответственный редактор В.Т. Пашуто. Москва : Наука, 1982. 296 с.

References

1. Kolyzin A.M. O vesovy`kh normakh novgorodskikh deneg. 1420–1478 gg. [On Weight Standards of Novgorod Money. 1420 to 1478] / A.M. Kolyzin // Numizmaticheskiy sbornik Moskovskogo numizmaticheskogo obschestva — Numismatic Collection of the Moscow Numismatic Society. 1997. № 5.
2. Melnikova A.S. Russkie monety` ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo : bolshaya illyustrirovannaya entsiklopediya [Russian Coins from Ivan the Terrible to Peter the Great : large illustrated encyclopedia] / A.S. Melnikova. Moskva : Nashe slovo : Eksmo — Moscow : Our Word : Elsmo, 2012. 301 s.
3. Melnikova A.S. Sistematzatsiya monet Ivana IV i Fedora Ivanovicha (1533–1598) [Systematization of Coins of Ivan IV and Fedor Ivanovich (1533 to 1598)] / A.S. Melnikova // Numizmatika i epigrafika : sbornik. Moskva : Nauka — Numismatics and Epigraphy : collection. Moscow : Science, 1980. № 13. 143 s.
4. Spasskiy I.G. Denezhnoe obraschenie v Moskovskom gosudarstve s 1533 po 1617 g. [Monetary Circulation in the Moscow State from 1533 to 1617] / I.G. Spasskiy // Materialy` i issledovaniya po arkheologii SSSR. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. T. 44 — Files and Studies of Archeology of the USSR. Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. Vol. 44. S. 222–259.
5. Spasskiy I.G. Russkaya monetnaya sistema : istoriko-numizmaticheskiy ocherk [The Russian Monetary System : historical and numismatic sketch] / I.G. Spasskiy. 4-e izd., dop. Leningrad : Avrora — 4th edition, enlarged. Leningrad : Avrora, 1970. 256 s.
6. Yanin V.L. Denezhno-vesovy`e sistemy` domongolskoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy` srednevekovogo Novgoroda [Monetary Weight Systems of Pre-Mongolian Rus and Sketches of History of the Monetary System of Medieval Novgorod] / V.L. Yanin. Moskva : Yazy`ki slavjanskikh kultur — Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2009. 414 s.
7. Yanin V.L. Khronologiya monetnoy reformy` pravitelstva Eleny` Glinskoy [Chronology of the Monetary Reform of Elena Glinskaya's Government] / V.L. Yanin // Rossiya na putyakh tsentralizatsii : sbornik statey / otvetstvenny`y redaktor V.T. Pashuto. Moskva : Nauka — Russia on the Ways to Centralization : collection of articles / publishing editor V.T. Pashuto. Moscow : Science, 1982. 296 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-63-68

«Предыстория» парламентаризма в России IX–XVII вв.: особенности отечественного развития конституционно-правовой теории и практики государственного строительства

Коновалова Людмила Геннадьевна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического факультета
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
vaskova82@yandex.ru

В статье рассматривается первый, по мнению автора, период развития парламентаризма в России, который условно именуется этапом «предыстории» отечественного парламентаризма. Отмечается, что IX–XVII века в России характеризуются деятельностью органов, отдаленно напоминающих парламенты — народные собрания, княжеские и боярские думы, сенат. Однако делается вывод, что эти органы не могут считаться ни парламентами, ни даже сословно-представительными учреждениями, поскольку формировались, как правило, на основе принципа назначения и выполняли судебные, управленческие и законосовещательные функции при монархе. Вместе с тем в политико-правовой мысли страны этого периода возникли представления о необходимости ограничения тирании государя при помощи совести, закона и даже сословно-совещательного органа, начинает обосновываться возможность свержения монарха, не заботящегося о подданных.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, сословно-представительное учреждение, народный представитель.

'Prehistory' of Parliamentarism in Russia from the IX to the XVII Century: Peculiarities of National Development of the Constitutional Law Theory and State Building Practice

Kononovola Lyudmila G.
Senior Lecturer of the Department of Constitutional and International Law
of the Law Faculty of the Altai State University
PhD (Law), Associate Professor

The author considers the first period of development of parliamentarism in Russia, which is conditionally referred to as the stage of 'prehistory' of the national parliamentarism. It is noted that 9–17 centuries in Russia are characterized by the activities of bodies remotely resembling parliaments — people's congresses, princely and boyar dumas, the senate. However, it is concluded that these bodies can not be considered either parliaments or even estate-representative institutions, since they were formed, as a rule, on the basis of the principle of appointment and performed judicial, administrative and legislative functions with the monarch. At the same time, in the politico-legal thought of the country of this period, ideas arose about the need to limit the tyranny of the emperor with the help of conscience, the law and even the caste-deliberative body, the possibility of overthrowing the monarch who does not care about the subjects begins to be justified.

Keywords: parliament, parliamentarism, estate-representative institution, people's representative.

Развитие парламентаризма в России отличается значительным своеобразием, обусловленным особенностями экономического, социально-культурного и политического опыта страны. Несмотря

на то что зарождение собственно идеи отечественного парламентаризма обычно связывается с XVIII–XIX вв., когда на фоне усиления абсолютизма формируются различные течения дворянско-

го конституционализма со свойственной им идеей учреждения избираемого представительного органа, а сам парламент в собственном смысле этого слова появился в нашем государстве достаточно поздно (в 1905 г.), истоки представительного правления в России восходят еще к становлению Киевского государства в IX в. Многие исследователи находят зачатки концепции представительного правления и институтов представительства еще во время раннефеодальной государственности на Руси и на протяжении функционирования абсолютной монархии XVII–XVIII вв. Соответственно, представляется возможным говорить о некоем первом этапе становления отечественного парламентаризма, условно именуя его «предысторией» парламентаризма.

В частности, в летописях IX в. упоминается о вечевых собраниях во всех древнерусских княжествах. И хотя современные мыслители спорят о распространенности народных собраний (вече) и их роли в отдельных землях, имеются свидетельства того, что вече при киевских князьях являлось формой непосредственного участия свободных жителей в решении государственных дел. В большинстве русских земель (кроме Новгорода, Пскова, Смоленска) эти собрания исчезают после татаро-монгольского нашествия, а с объединением Московского царства и вовсе отмирают¹.

Также во всех русских землях действовали княжеские думы (постоянные советы при князе его ближайших соратников), переросшие с созданием Московского царства в боярские думы. Их деятельность не была самостоятельной по отношению к царской власти, поэтому регламентировалась обычаями, хотя в судебных актах 1497 и 1550 гг., в Соборном уложении 1649 г. о них имеются отдельные упоминания, связанные в основном с формулировкой: «государь указал, бо-

яре приговорили». Думы нельзя назвать классическими представительными органами, поскольку они формировались путем назначения из состава бояр (свободных землевладельцев), князей (военной знати) и отдельных чиновников (окольных, дьяков). В XVII веке Боярская дума была преобразована в Сенат, выполнявший отдельные судебные, управленческие и законосовещательные функции при монархе.

В Московском государстве XVI–XVII вв. важную роль в нормотворческой деятельности играли земские соборы, включавшие две части: одна состояла из руководителей высшей администрации, церковного руководства, членов Боярской думы, начальников приказов, другая составлялась из выборных или назначаемых представителей дворянства, купечества. Земские соборы были юридически не обязательным органом и созывались по мере необходимости (царем по своей инициативе или по прошению сословий, образовывались против царя или для избрания на царствование). Попытки более существенного ограничения власти монарха, предпринимаемые, как правило, в момент прерывания линии наследования (при привлечении к правлению Бориса Годунова, Василия Шуйского, Анны Иоанновны), не увенчались успехом, поскольку, придя к власти, цари отвергали взятые на себя обязательства по согласованию решений с какими-либо органами².

Политико-публицистическим произведением древнерусской письменности было свойственно признание наилучшей формой правления разумной миролюбивой власти князя с опорой на совещательный орган, восприятие закона как «правды», «справедливости». Так, киевский митрополит Иларион (XI в.) в «Слове о законе и благодати» представлял закон как внешнее установление-предписание и истину как нрав-

¹ См.: История отечественного государства и права : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова. М., 2011. С. 90–95; Исаев И.А. История государства и права России. М., 2006. С. 40–48.

² См.: Парламентское право России : учебник. М., 2006. С. 168–175; Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 36.

ственные христианские правила, считая, что сначала человечество должно быть «омыто водой-законом» на основе принуждения, а потом — постичь его истину духом. Митрополит жестко ставил вопрос об ответственности князя перед подданными и за подданных перед богом. Взгляды Владимира Мономаха, обобщенные в произведениях монаха Нестора (XI в.), требовали сочетания единоличной власти великого князя с участием дружины в принятии решений по всем важным вопросам, миролюбивой политики, избавления от мести в междукняжеских отношениях. Даниил Заточник (XIII в.) последовательно проводил мысль о необходимости князю иметь при себе «думцев», которые должны быть умны, мудры и не допускать в своих действиях беззакония (неправды)³.

Политико-правовые идеи, имеющие отдаленное отношение к современной теории парламентаризма, содержались в трудах противников и сторонников русской реформации XIV–XVI вв. Например, нестяжатель (приверженец лишения церкви земель и других богатств) Нил Сорский требовал установления всеобщего равенства, развенчивал угнетательскую природу власти государств и церкви⁴. Стяжатель (защитник привилегий церкви) Иосиф Волоцкий, разграничивая Закон Божий и закон государственный, открыл возможность критиковать личность правителя⁵. В известном произведении Филофея «Москва — третий Рим» наряду с идеей симфонии религиозной и светской власти проводится мысль о необходимости ограничения

действий правителя законом⁶. М. Грек, выступавший против эксплуатации крестьянства церковно-монастырской организацией, не только поддерживал наследственное престолопреемство, но и приветствовал выборность царя, призывал царя управлять при помощи «благочестивых советников и крепкодушных воевод». Ограничивал законом деятельность монарха и суда, критиковал взяточничество и лжесвидетельствование в судах, допускал признание царя «мучителем» в случае неподдержания им высокого «царева имени»⁷.

Практико-ориентированными были труды дворян XVI в. И.С. Пересветова и А.М. Курбского, направленные против тирании Ивана IV. И.С. Пересветов послал царю две челобитные с проектами своих реформ, предполагавших формирование сословно-представительной монархии («единодержавия»), избавление от боярского самоуправства и незаконной деятельности суда, ликвидацию всех форм кабальной зависимости. Аналогичные идеи были представлены и в письмах А.М. Курбского Ивану Грозному. Он предлагал отказаться от практики заочного осуждения, создать Совет всенародных человек — выборный представительный орган и различные коллегии советников, предъявлял к законам требование исполнимости⁸.

Наивысшего расцвета идея сословного представительства достигла к началу XVII в. в период так называемого Смутного времени, порожденного отголосками опричнины и династическим кризисом до укрепления на престоле Алексея Михайловича Романова. Этой идеей были пронизаны получившие ши-

³ См.: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1986. С. 188–197.

⁴ См.: Лисица А.М., Русанов В.В. Нил Сорский и нестяжатели // Совместный сборник магистрантов с преподавателем «Философия права в трудах мыслителей». Ч. 2. Барнаул, 2015. С. 66–69.

⁵ См.: Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. М., 1993. С. 2–17.

⁶ См.: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. С. 211–214.

⁷ См.: Шевченко М.Н. К вопросу об идеале государственного устройства в сочинениях Максима Грека // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 56–61.

⁸ См.: История политических и правовых учений : учебник / общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2010. С. 137–142; История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. С. 225–242.

рокое распространение в народе повести «Иное сказание», «Новая Повесть» неизвестных авторов, «Сказание Авраамия Палицына». Она была поддерживаема и участниками крестьянских войн под предводительством И.И. Болотникова (1606–1607 гг.) и С.Т. Разина (1670–1671 гг.), К.А. Булавина (1707–1709 гг.), выступавших против жесткой эксплуатации крестьянства. Косвенное признание она получила в трудах старообрядцев (особенно в произведениях протопопа Аввакума), критиковавших абсолютистские тенденции, обращавшихся к идее равенства людей, отстаивающих соборность и общинность в организации церкви и государства⁹.

В дальнейшей с середины XVII века в политической мысли преобладали абсолютистские тенденции, обосновывающие целесообразность просвещенной монархии для обеспечения «общего блага» для всех подданных. Например, псковский дворянин А.Л. Одрин-Нащокин предлагал использовать эту модель власти для проведения экономических и военных реформ, но параллельно расширив городское самоуправление. Монах Симеон Полоцкий возвышал авторитет царя до бога и солнца, отграничивая, однако, деятельность просвещенного монарха от тирана и призывая к гуманизации судебной деятельности. Получивший европейское образование Ю. Крижанич обосновывал ценность просвещенного всевластного правителя для заботы о подданных, поднятия наци-

онального самосознания, организации производящей, а не сырьевой экономики, установления порядка в суде (главным образом через назначение высокого жалования судьям), принятия хороших и гуманных законов, избавления от крепостничества¹⁰.

Как и в Европе того времени, прогрессивные идеи зачастую дорого обходились их носителям. К примеру, А.М. Курбский, несмотря на заслуги перед Отечеством в военном деле, был приговорен Иваном IV к смерти, но успел сбежать за границу; Аввакум после нескольких ссылок и попыток был публично сожжен; Ю. Крижанич подвергался ссылке и был вынужден покинуть Россию; многих еретиков и восставших крестьян подвергали жестоким пыткам и казнили.

Таким образом, этап «предыстории» парламентаризма IX–XVII вв. характеризуется деятельностью органов, отдаленно напоминающих парламенты — народные собрания, княжеские и боярские думы, сенат. Однако эти органы не могут считаться ни парламентами, ни даже сословно-представительными учреждениями, поскольку формировались по общему правилу на основе принципа назначения и выполняли судебные, управленческие и законосовещательные функции при монархе. Вместе с тем в политико-правовой мысли страны этого периода возникли представления о необходимости ограничения тирании государя при помощи совести, закона и даже сословно-совещательного органа, начинают обосновываться возможность свержения монарха, не заботящегося о подданных.

⁹ См.: Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 213–251; Милюков М.Н. Энциклопедия русской православной культуры. М., 2009. С. 156–243; История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 2006. С. 87–109; Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 4–314.

¹⁰ См.: История политических и правовых учений 17–18 вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1989. С. 287–302; Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 378–591.

Литература

1. Азаркин Н.М. История юридической мысли России : курс лекций / Н.М. Азаркин. Москва : Юридическая литература, 1999. 526 с.
2. Иосиф. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих : перевод / Преподобный Иосиф Волоцкий. Москва : Сортавала : Спасо-Преображен. Валаамский монастырь, 1993. 381 с.
3. Исаев И.А. История государства и права России : учебник для студентов / И.А. Исаев. Москва : Юристъ, 2006. 797 с.

4. История отечественного государства и права. В 2 частях. Ч. 1 : учебник для студентов вузов / под редакцией О.И. Чистякова. Москва : Юрайт, 2011. 477 с.
5. История политических и правовых учений : учебник / общее редактирование О.В. Мартышина. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. 912 с.
6. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под редакцией О.Э. Лейста. Москва : Зерцало, 2006. 556 с.
7. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / Л.С. Васильев [и др.] ; ответственный редактор В.С. Нерсесянц. Москва : Наука, 1986. 346 с.
8. Крижанич Ю. Политика : текст и переводы / Ю. Крижанич ; подготовка к печати и послесловие В.В. Зеленин ; перевод и комментарий А.Л. Гольдберг ; под редакцией и с предисловием М.М. Тихомирова. Москва : Наука, 1965. 735 с.
9. Лисица Л.М. Ниц Сорский и нестяжатели / Л.М. Лисица, В.В. Русанов // Совместный сборник магистрантов с преподавателем «Философия права в трудах мыслителей». Ч. 2. Барнаул : Концепт, 2015. 121 с.
10. Милуков М.Н. Энциклопедия русской православной культуры : классическое издание / М.Н. Милуков. Москва : Эксмо, 2009. 590 с.
11. Парламентское право России : учебник / под общей редакцией О.Н. Булакова. Москва : Эксмо, 2006. 654 с.
12. Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания : исследование и тексты / А.Н. Робинсон. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 316 с.
13. Шевченко М.Н. К вопросу об идеале государственного устройства в сочинениях Максима Грека / М.Н. Шевченко // Вестник Омского университета. 2009. № 3 (53). С. 56–61.
14. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования / Б.С. Эбзеев. Москва : Проспект, 2014. 336 с.

References

1. Azarkin N.M. Istoriya yuridicheskoy my`slj Rossii : kurs leksij [History of the Russian Legal Thought : course of lectures] / N.M. Azarkin. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1999. 526 s.
2. Joseph. Prosvetitel, ili Oblichenie eresi zhidovstvuyuschikh : perevod [The Enlightener, or Accusation of Heresy against the Judaizers : translation] / Prepodobny`y Iosif Volotskiy. Moskva : Sortavala : Spaso-Preobrazhen. Valaamskiy monastyr` — Reverend Joseph Volotsky. Moscow : Sortavala : Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior, 1993. 381 s.
3. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : учебник dlya studentov [History of State and Law of Russia : textbook for students] / I.A. Isaev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2006. 797 s.
4. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. V 2 chastyakh. Ch. 1 : учебник dlya studentov vuzov [History of National State and Law. In 2 parts. Part 1 : textbook for students of higher educational institutions] / pod redaktsiej O.I. Chistyakova. Moskva : Yurayt — edited by O.I. Chistyakov. Moscow : Urait, 2011. 477 s.
5. Istoriya politicheskikh i pravovy`kh ucheniy : учебник [History of Political and Legal Doctrines : textbook] / obschee redaktirovanie O.V. Marty`shina. Moskva : Norma : INFRA-M — under the general editorship of O.V. Martyshin. Moscow : Norm : INFRA-M, 2010. 912 s.
6. Istoriya politicheskikh i pravovy`kh ucheniy : учебник dlya vuzov [History of Political and Legal Doctrines : textbook for higher educational institutions] / pod redaktsiej O.E. Leysta. Moskva : Zertsalo — edited by O.E. Leyst. Moscow : Mirror, 2006. 556 s.
7. Istoriya politicheskikh i pravovy`kh ucheniy. Srednie veka i Vozrozhdenie [History of Political and Legal Doctrines. The Middle Ages and the Renaissance] / L.S. Vasilyev [i dr.] ; otvetstvenny`y redaktor V.S. Nersesyants. Moskva : Nauka — L.S. Vasilyev [et al.] ; publishing editor V.S. Nersesyants. Moscow : Science, 1986. 346 s.
8. Križanić J. Politika : tekst i perevody` [Politics : text and translations] / J. Križanić ; podgotovka k pečati i posleslovie V.V. Zelenin ; perevod i komentarij A.L. Goldberg ; pod redaktsiej i s predislavijem M.M. Tikhomirova. Moskva : Nauka — preparation for printing and afterword by V.V. Zelenin ; translation and comments by A.L. Goldberg ; edited and foreword by M.M. Tikhomirov. Moscow : Science, 1965. 735 s.
9. Lisitsa L.M. Nil Sorskiy i nestyazhateli [Nilus of Sora and Non-Possessors] / L.M. Lisitsa, V.V. Rusanov // Sovmestny`y sbornik magistrantov s prepodavatelem 'Filosofiya prava v trudakh my`sliteley'. Ch. 2. Barnaul : Kontsept — Modern collection of works by graduate students supervised by a lecturer Philosophy of Law in Works of Thinkers. Part 2. Barnaul : Concept, 2015. 121 s.
10. Milyukov M.N. Entsiklopediya russkoy pravoslavnoy kultury` : klassicheskoe izdanie [Encyclopedia of Russian Orthodox Culture : classic edition] / M.N. Milyukov. Moskva : Eksmo — Moscow : Eksmo, 2009. 590 s.

11. Parlamentskoe pravo Rossii : uchebnik [Russian Parliamentary Law : textbook] / pod obschey redaktsiei O.N. Bulakova. Moskva : Eksmo — under the general editorship of O.N. Bulakov. Moscow : Eksmo, 2006. 654 s.
12. Robinson A.N. Zhizneopisanie Avvakuma i Epifaniya : issledovanie i teksty` [The Lives of Habakkuk and Epiphanius : research and texts] / A.N. Robinson. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 316 s.
13. Shevchenko M.N. K voprosu ob ideale gosudarstvennogo ustroystva v sochineniyakh Maksima Greka [On the Ideal State Structure in Writings by Maximus the Greek] / M.N. Shevchenko // Vestnik Omskogo universiteta — Bulletin of the Omsk University. 2009. № 3 (53). S. 56–61.
14. Ebzeev B.S. Konstitutsiya, vlast i svoboda v Rossii: Opy`t sinteticheskogo issledovaniya [The Constitution, Power and Freedom in Russia: Experience of Synthetic Research] / B.S. Ebzeev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospekt, 2014. 336 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-68-72

Рецензия на монографию Серегина Андрея Викторовича: Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления : монография (М. : Юрлитинформ, 2018. 208 с.)

Черкасова Марина Александровна,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Государственного университета управления,
доктор философских наук, профессор
msk-1972@mail.ru

Рецензия посвящена анализу содержания монографии А.В. Серегина «Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления». Рецензент приходит к выводу, что работа А.В. Серегина заслуживает специального исследования в научном сообществе, так как она представляет собой теоретическую систему, имеющую народно-самодержавную альтернативу либеральному демократическому строю.

Ключевые слова: демократия, диктатура, славянское самодержавие, суверенитет, А.В. Серегин.

A Review of the Monograph by Andrey V. Seregin Democratic Dictatorship and Autocratic Democracy: Comparative Law Research of State Administration Models : monograph / A.V. Seregin. Moscow : Urlitinform, 2018. 208 p.

Cherkasova Marina A.
Professor of the Department of State and Municipal Management
of the State University of Management
Doctor of Philosophy, Professor

The review is devoted to the analysis of the content of the monograph 'Democratic dictatorship and autocratic people's rule: a comparative legal study of state models of governance'. The reviewer comes to the conclusion that Seregin's work deserves special research in the scientific community, as it represents a theoretical system that represents the people's autocratic alternative to the democratic system.

Keywords: democracy, dictatorship, Slavic autocracy, sovereignty, A.V. Seregin.

В современной российской и в целом европейской теоретико-правовой

юридической литературе наблюдается дефицит альтернативного, кроме ли-

берально демократического, взгляда на природу демократического государственного режима, народовластия и республиканской формы правления. Это состояние похоже на застой монистического мышления советского периода, в котором, с одной стороны, существовала единственно верная и методологически правильная парадигма материалистического развития общества от родового строя к будущему «раю» человечества — коммунизму через советское социалистическое государство, а с другой — антинаучные взгляды реакционных мыслителей и идеологов эксплуататорских общественно-экономических формаций, основанных на рабовладельческом, феодальном или капиталистическом способах производстве. Проблема усугубляется и тем, что мир не стал гуманнее: государства воюют, люди на планете умирают от голода, наблюдается нехватка воды и несправедливое распределение не только природных ресурсов, но и мировых доходов.

Вместе с тем, в 2018 году в издательстве «Юрлитинформ» вышла монография Серегина Андрей Викторовича под названием «Демократическая диктатура и самодержавное народовластие: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления»¹. Данное исследование является не только примером философского скептического переосмысления историко-правового опыта построения плюралистических форм правления, но и попыткой преодоления аксиологической догматики современной гуманитарной науки вообще и теории государства и права в частности. Само название обусловлено философско-методологическими, юридическими, социологическими и математическими парадоксами, которые состоят в том, что борьба с критикой демократии демократическим

способом является формой коллективной диктатуры, поддерживаемой всей силой демократических органов государственного принуждения.

Обращая внимание на эти мировоззренческие проблемы, А.В. Серегин справедливо указывает на становление в западной политико-правовой науке концепции «авторитарной демократии», особенно развиваемой в современной польской геополитической мысли².

В этой связи автор на с. 4 своей работы ставит обоснованные, но до сих пор не решенные вопросы в либертарно-правовой парадигме, а именно: как «объяснить право наций на самоопределение, если эти нации составляют меньшинство в едином государстве. Почему жители Великобритании должны были учитывать мнение жителей североамериканских колоний, объявивших о выходе из состава английской колониальной империи, объявив ей войну. И совершенно непонятно, на каком основании вне всяких международных норм Косово объявило о своем суверенитете от Республики Сербии и это признали европейские государства и США, а Каталония, проведшая референдум о государственной независимости, была объявлена испанским правительством мятежной территорией, лишенной права автономии»³.

Но более важные проблемы современной демократии, по факту являющейся плутократией, описаны А.В. Серегиним с помощью судного процента (с. 4), который закабаляет не только людей, но и целые народы в долговое рабство. Стоит добавить, что рабское общество рождает рабское сознание, которое, в свою очередь, отвергает народовластие

¹ Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народовластие: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 208 с.

² Белень С. Геополитическое мышление о международном порядке // Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций : избранные статьи польских экспертов / под ред. С. Беленя, А. Скушпека, Д.В. Карнаухова, О.В. Петровской ; пер. с польского : Л.Д. Бондарь, М.А. Корзо ; Рос. ин-т стратег. исслед. М. : РИСИ, 2015. С. 23.

³ Серегин А.В. Указ. соч. С. 4.

ство и устанавливает диктатуру финансового капитала. Либералы твердили, что свободная рыночная экономика должна порождать плюралистическую политическую систему, но в жизни так и не удалось построить систему свободной торговли и производства. Главная причина состоит в том, что право на производство денег в качестве эквивалента мирового продуктообмена монополично сосредоточивается в руках неограниченных субъектов — банков или государства. А тот, кто делает деньги, не только определяет их стоимость, но и является держателем всего благосостояния общества. Он может аннулировать результаты многолетнего труда путем обесценивания денег, т.е. инфляции.

Данный анализ может быть назван реалистическим правовым мышлением, которое отрицает «обожествление» любой политико-правовой системы, в том числе и демократической, так как это противоречит научному скептицизму, позволяющему добывать новые знания, исправлять ранее допущенные ошибки, свержая с пьедестала ранее «непогрешимых авторитетов» — Платонов, Аристотелей, Руссо, Марксов, Веберов и т.д.

Нам следует признать, что за горизонтом демократии стоят иные — более эффективные и справедливые формы организации государственной власти, например самодержавное народоправство.

Особо следует подчеркнуть смелое признание автора, сделанное на с. 4, где он заявляет об элитаризме юридической профессии, постоянно претендующей на монополию законотворчества и правоприменения, что по сути составляет ее антидемократическую сущность. В англо-американской правовой системе именно судьи творят право. Это рай для адвокатов, которые стоят очень дорого. Поэтому истина в западной правовой конгломерации не имеет значения, более важен социальный компромисс, удостоверенный в судебном разбирательстве.

Причем трудно строить демократию в условиях международной иерархии, ибо

«международный... миропорядок, — как справедливо отмечает А.В. Серегин, — определяемый международным правом, гарантируется силой великих держав, заседающих в Совете Безопасности ООН и имеющих право вето (Россия, США, Великобритания, Франция и КНР), которое завоевано во Второй мировой войне ценой многомиллионных жертв. Поэтому международная политико-юридическая система свехаристократична»⁴. Нельзя забывать и о том, что государство, признаком которого является особая публичная власть (представленная бюрократией), отделенная от народа, — по своей природе антидемократическая организация (с. 4).

Параграф 2.2 посвящен вопросу о соотношении категорий «народовластие» и «демократия», которые, по мысли автора, не являются однопорядковыми определениями.

Автор впервые в научной литературе отмечает, что в концепцию народного суверенитета не вписывается отказ народу в праве на референдум по вопросам налогообложения, бюджета, долговых обязательств, амнистии, помилования и т.д., лишь на том основании, что депутаты (слуги народа) менее порочны, чем обычные люди (с. 13). Получается, что слуги народа на самом деле его господа. Тогда чем коллективная диктатура лучше единоличной? (с. 15). «Суверенная диктаторская власть коллектива (народа) не может разрешить диалектического противоречия о возможности ошибочности парламентских решений и несправедливости их поддержки государственным насилием.

Исходя из вышесказанного, под народовластием следует понимать конституционно-правовой принцип организации суверенной учредительной государственной, муниципальной и иных форм общественной власти, непосредственным источником, носителем и верховным исполнителем которой

⁴ Там же. С. 4.

является часть народа, навязывающая свою волю всем гражданам»⁵.

Не менее сложен вопрос о том, «являются ли дети, не имеющие права голоса на выборах, народом (или это квазинарод)? Если их интересы представляют родители, то почему они не имеют, например отцы, дополнительного голоса в соответствии с количеством их чад»⁶.

Парадокс, к которому приходит автор в своем исследовании, состоит в том, что «суверенная демократия есть высшая форма диктатуры, то есть ничем не ограниченной верховной власти, исполнители и носители которой не несут юридической ответственности за свои действия»⁷.

Весьма дискуссионно выглядит теория «аристократического (боярского) духа» в условиях «самодержавного народоправства» (с. 95–100), особенно в той части, где А.В. Серегин утверждает, что демократия — разновидность рабовладельческого народоправства, где под народом («демосом») понимается экономически и политически господствующий класс эксплуататоров (с. 95). Эксплуатируемые, т.е. электорат, — это «охлос». Автор призывает возродить социальное народоправство, основанное на принципах соборности и духовно-нравственных цензах (с. 95).

Историко-правовое и философско-юридическое значение имеет гл. 3 «Самодержавное правление славянских народов» (с. 101–187), в которой описаны различные формы славянского народоправления (от вечевого до соборного правления). Так, представлена историческая эволюция средневекового вечевого самодержавия лютичей (полабских славян), хорватской Полицы, а также древнерусских Пскова и Вятки (с. 101–115). Изучено боярское самодержавие Дубровника (Рагузской республики), Великого Новгорода и Галицко-Волынского княжества (с. 116–126). Выявлены закономерности функционирования княжеско-вечевого самодержавия

древнерусской державы Рюриковичей до 1054 г., городов Корчула, Крка, Загреба и Винодольской общины — южных (балканских) славян (с. 126–145). Весьма детально изложен механизм государственного управления великокняжеского самодержавия в средневековых Словении (Карантании или Хорутании), Хорватии, Ободритском княжестве и в Суздальской (Залесской) Руси, а также в Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском и Московском государстве времен Ивана Великого III (с. 146–160). Концепция и практика славянского царского самодержавия получила юридическую оценку на примере Древнеболгарского (Первого и Второго), Древнесербского и Московского царств (с. 160–169).

С точки зрения современного российского патриотического консервативного взгляда пристальному вниманию должен быть подвергнут § 3.6 «Народное самодержавие грядущей России» (с. 169–187).

По мысли А.В. Серегина, в грядущей России следует сформировать восемь начал политической организации общества — самодержавного, народно-представительного (законодательного), исполнительно-распорядительного, надзорного, судебного, учредительного, экзаменационного и финансового, воплощенных соответственно в лицах наследственного государя (или выборного верховного правителя), Земского собора, правительства, Генеральной прокуратуры, Верховного суда, Учредительного собора земских представителей, Высшей экзаменационной палаты и Государственного банка (с. 187).

Кроме того, считаем, что автор убедительно доказал троичность прав, обеспечивающих реальную свободу человека в сфере свободы совести и вероисповедания, пожизненного родового владения землей гражданином России мужского пола, с гарантией минимального земельного владения, а также права на свободное ношение оружия всеми военнообязанными гражданами России с 21 года (с. 189).

⁵ Там же. С. 54

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Там же. С. 54.

Следовательно, исторически самыми свободными людьми в России были дворяне и казаки.

Главным недостатком рецензируемой монографии является то, что А.В. Серегин не рассмотрел проблемы соотношения справедливости и суверенитета, а также религиозного сознания и прав и свобод человека и гражданина (их автор совместно с Е.Ю. Мирославской поднимает в статье «Особенность патриархально-богословских концепций происхождения древнеславянских государств»)⁸, которые напрямую связаны с понятиями элитаризма и эгалитаризма. В данном аспекте можно было бы

порекомендовать автору ознакомиться со статьей И.А. Исаева «Справедливость и суверенность», опубликованной в журнале «История государства и права», 2018, № 4⁹.

Таким образом, следует констатировать, что монография А.В. Серегина «Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления» должна быть рекомендована для магистрантов, аспирантов, ученых, политиков и государственных служащих, занимающихся проблемами формы государства, конституционного права, политологии и философии права.

⁸ Серегин А.В., Мирославская Е.Ю. Особенности патриархально-богословских концепций происхождения древнеславянских государств // История государства и права. 2018. № 1. С. 70–74.

⁹ Исаев И.А. Справедливость и суверенность // История государства и права. 2018. № 4. С. 3–10.

Литература

1. Белень С. Геополитическое мышление о международном порядке / С. Белень // Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций : избранные статьи польских экспертов / под реакцией С. Беленя, А. Скушпека, Д.В. Карнаухова, О.В. Петровской ; перевод с польского : Л.Д. Бондарь, М.А. Корзо. Москва : РИСИ, 2015. С. 8–26.
2. Исаев И.А. Справедливость и суверенность / И.А. Исаев // История государства и права. 2018. № 4. С. 3–10.
3. Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления : монография / А.В. Серегин. Москва : Юрлитинформ, 2018. 208 с.
4. Серегин А.В. Особенности патриархально-богословских концепций происхождения древнеславянских государств / А.В. Серегин, Е.Ю. Мирославская // История государства и права. 2018. № 1. С. 70–74.

References

1. Bieleń S. Geopolitickie myślenie o międzynarodowym porządku [Geopolitical Thinking about the International Order] / S. Bieleń // Rossijsko-polskie otnosheniya v zerkale geopoliticheskikh kontseptsiy: izbranny'e statyi polskikh ekspertov / pod reaktseyey S. Belenya, A. Skshipeka, D.V. Karnaukhova, O.V. Petrovskoy ; perevod s polskogo : L.D. Bondar, M.A. Korzo. Moskva : RISI — Russian-Polish Relationships in the Mirror of Geopolitical Concepts : selected articles of Polish experts / edited by S. Bieleń, A. Skrzypek, D.V. Karnaukhov, O.V. Petrovskaya ; translated from Polish by L.D. Bondar, M.A. Korzo. Moscow : Russian Institute of Strategic Research, 2015. S. 8–26.
2. Isaev I.A. Spravedlivost i suverenost [Justice and Sovereignty] / I.A. Isaev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 4. S. 3–10.
3. Seregin A.V. Demokraticheskaya diktatura i samodержavnoe narodopravstvo: sravnitelno-pravovoe issledovanie gosudarstvennykh modeley upravleniya : monografiya [Democratic Dictatorship and Autocratic Democracy: Comparative Law Research of State Administration Models : monograph] / A.V. Seregin. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2018. 208 s.
4. Seregin A.V. Osobennost patriarkhalno-bogoslovskikh kontseptsiy proiskhozhdeniya drevneslavyanskikh gosudarstv [Peculiarity of Patriarchal and Theological Concepts of Origination of the Ancient Slavic States] / A.V. Seregin, E.Yu. Miroslavskaya // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 1. S. 70–74.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-3-73-80

Научные взгляды Г.Ф. Шершеневича на понятие «законные интересы»

Ядрихинский Сергей Александрович,
доцент кафедры административного и финансового права
Северо-Западного института (филиала)
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
Syadr@yandex.ru

В статье рассматривается понятие «законные интересы» в его исторической ретроспективе. Исследуются методологические подходы Г.Ф. Шершеневича к определению понятия «законные интересы» через соотношение с субъективным правом и критику теории интереса Р.Ф. Иеринга. Показан взгляд Г.Ф. Шершеневича на онтологическую природу интереса. Соотносится научная мысль Г.Ф. Шершеневича с современным пониманием феномена «законные интересы». Выявляются дискуссионные вопросы.

Ключевые слова: интерес, законный интерес, субъективное право, дозволение, научные воззрения Г.Ф. Шершеневича, теория интереса Р.Ф. Иеринга.

G. F. Shershenevich's Scientific Views on the Legal Interests Concept

Yadrikhinskiy Sergey A.
Senior Lecturer of the Department of Administrative and Financial Law
of the Northwestern Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law), Associate Professor

The article deals with the concept of 'legitimate interests' in its historical retrospective. The article deals with the methodological approaches of G.F. Shershenevich to the definition of the concept of 'legitimate interests' through the relationship with the subjective right and the critique of the theory of interest of R.F. Iering. The view of G.F. Shershenevich on the ontological nature of interest is shown. Correlates the scientific thought of G.F. Shershenevich with the modern understanding of the phenomenon of 'legitimate interests'. Discussion questions are revealed.

Keywords: interest, legal interest, subjective right, permissiveness, scientific views of G.F. Shershenevich, theory of interest of R.F. Iering.

В последнее время можно наблюдать увеличение количества научных публикаций, посвященных категории «законные интересы». Причем эти исследования не только характерны для общей теории права, но и проявляются практически во всех отраслях права. Защищаются диссертации, пишутся монографии и многочисленные статьи. Это и понятно. Ведь понятие «законные интересы» стоит в одном ряду с субъективными правами; дважды упоминается в Конституции РФ (ст. 36, 55). Тем не менее оно остается малоисследованным и на практике больше понимается интуитивно. Это связано не в последнюю очередь и с тем, что в научный оборот понятие «законный интерес» введено относительно недавно — в начале

XX столетия. Все исследователи феномена «законные интересы» связывают появление в научном обороте этого термина с именем величайшего русского ученого-цивилиста Габриэля Феликсовича Шершеневича (1863–1912). Выдающийся правовед, цивилист, теоретик права, прекрасный преподаватель, профессор Казанского и Московского университетов, государственный и общественный деятель, человек, полностью посвятивший свою жизнь юриспруденции и так рано из нее ушедший. Его фундаментальный труд «Общая теория права»¹ современные ученые весь разобрали на цитаты. Одно только это

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1910.

обстоятельство делает необходимым обратиться к истокам появления понятия «законные интересы».

В литературе, правда, можно встретить ссылки и на более раннее употребление этого термина. Так, французский философ и писатель эпохи Возрождения Мишель Эйкем де Монтень (28.02.1533 — 13.09.1592) в своем философско-литературном труде «Опыты» (1580), в гл. XLII «О существующем среди нас неравенстве», отмечал: «...блеск величия привносит немалые неудобства... владыки мира слишком освещены отовсюду, слишком на виду. ...С них не спускают глаз, отмечая их манеру держаться и стараясь проникнуть даже в их мысли, ибо весь народ считает, что судить об этом — его право и его *законный интерес*»².

Однако простое и даже случайное упоминание термина писателем не говорит еще о его научном обращении.

Заслуга Г.Ф. Шершеневича состоит в том, что он впервые обозначил существование законных интересов лица за рамками его субъективных прав; он обособил их от субъективных прав и привел примеры проявления законных интересов как *самобытного* феномена и тем самым даровал им научную жизнь.

Исследуя природу субъективных прав, Г.Ф. Шершеневич отметил, что задача эта «в высшей степени трудная»³. Проблема, по мнению ученого, состояла в том, что, с одной стороны, сущность субъективного права состояла в воле (теория воли в лице ее представителя Б. Виндшейда), а с другой стороны, волевой теории противостояла теория интереса Р.Ф. Иеринга.

Идея Р. Иеринга заключалась в объяснении права, его природы через ключевое понятие — интересы, являющиеся материальным основанием прав. Иеринг считает, что не воля, а эгоистический интерес (польза, благо, выгода) лежит в основе субъективного

права, выступающего побудительным мотивом человеческой деятельности. Субъективное право по Иерингу — это *юридически защищенный интерес*, обеспечению которого должно служить право.

Г.Ф. Шершеневич такой подход подверг критике, прямо назвав формулу субъективного права «неудачной». Первое, на что обратил внимание ученый, это то, что «юридическая сторона субъективного права заключается именно в обеспечении интересов»⁴. Интерес, по Г.Ф. Шершеневичу, это только цель, а не сущность права.

Во-вторых, Г.Ф. Шершеневич указал, что интересы могут защищаться и без субъективных прав. «Интересы обеспечиваются действием объективного права и там, где нет субъективного права», — говорил профессор⁵.

В частности, он привел такой пример: «Жильцы нижних этажей весьма *заинтересованы* в точном соблюдении договора между домохозяином и нанимателем верхней квартиры, в силу которого домохозяин обязывается освещать лестницу лампой»⁶.

Г.Ф. Шершеневич решительно возражал Р.Ф. Иерингу. Если исходить из допущения экзистенции «юридически защищенных интересов» без субъективных прав, то такое правопонимание войдет в противоречие с Иеринговым пониманием субъективного права, находящимся в единстве с интересом.

А с другой стороны, отмечал Г.Ф. Шершеневич, и субъективное право может существовать без защищаемого интереса. Г.Ф. Шершеневич полностью соглашается с А.И. Петражицким, что «наши права могут продолжаться и нередко продолжают вопреки нашим интересам, а, во всяком случае, при отсутствии с нашей стороны соответствующего содержанию права интереса»⁷.

⁴ Там же. С. 603.

⁵ Там же. С. 604.

⁶ Там же. С. 604.

⁷ Петражицкий А.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности.

² Монтень М. Опыты : в 3 кн. Кн. 1. М. : Эксмо, 2015. С. 205.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 601.

Развивая данный тезис, Е.А. Крашенинников приводит пример с дереликцией (*derelictio* — добровольный отказ от имущественных прав). Дерелинквент при отказе от права собственности утрачивает интерес во владении, пользовании и распоряжении своей вещью. При этом прекращение указанного интереса не затрагивает существования права собственности: последний остается собственником дерелинквированной вещи до тех пор, пока право собственности на нее не будет приобретено другим лицом (абз. 2 ст. 236 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ)⁸.

Таким образом, Г.Ф. Шершеневич, критикуя подходы Р.Ф. Иеринга, разграничил эти два дозволения, вынося за скобки субъективное права интерес.

Нужно отметить, что Г.Ф. Шершеневич безусловно прав в том, что интересы представляют собой обособленное от субъективных прав правовое явление. Именно в таком смысле мы понимаем выражение «права и законные интересы» в действующей системе правового регулирования (ч. 1 ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства РФ, п. 1 ст. 22 Налогового кодекса РФ; далее — НК РФ, и др.).

Вместе с тем само понятие «интерес» можно понимать как в узком, так и широко смысле.

В широком смысле понятие «законный интерес» охватывает интересы, закрепленные в субъективных правах. «Субъективное право, — указывает Г.Ф. Шершеневич, — это обеспеченная нормами объективного права власть лица осуществлять свой интерес»⁹. Это утверждение синхронизирует п. 2 ст. 1 ГК РФ, согласно которому граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем

интересе.

Законные интересы в таком значении всегда опосредованы нормами права, а сам «интерес пронизывает субъективное право и входит в его содержание»¹⁰, какбысливаясьсьнимвединоецелое. «Момент интереса, — отмечает С.С. Алексеев, — необходим для самого существования этого права»¹¹.

В данном случае интерес — законный в прямом смысле этого слова, поскольку обнаруживается в тексте закона. Это сближает законные интересы с субъективным правом, делает их «совпадающими по понятийному объему»¹². «Иногда их очень трудно разграничить», — пишет Д.Ф. Латыпова и И.Д. Тайгунова.

Сторонниками данного подхода являются, в частности, О.С. Иоффе, рассматривающий интерес «одним из элементов содержания субъективного права»¹³, Ю.К. Толстой, считающий, что «интерес является необходимым и притом ведущим элементом содержания субъективного права»¹⁴, и другие ученые.

Примером такого понимания интереса может служить подп. 6 п. 1 ст. 21 НК РФ, согласно которому в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, налогоплательщик вправе представлять свои интересы лично

2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910. Т. 2. С. 368.

⁸ Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 139.

⁹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 609.

¹⁰ Терехин В.А., Вершинин В.Б. Особенности судебной защиты прав, свобод и законных интересов личности // Российский судья. 2010. № 3. С. 39. 37–40.

¹¹ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. С. 116.

¹² Латыпова Д.Ф., Тайгунова И.Д. Институт защиты прав и законных интересов налогоплательщиков // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». 2015. С. 17–25.

¹³ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 50.

¹⁴ Толстой Ю.К. К теории правоотношений. Л., 1959. С. 45.

или через представителя. Понятие «интересы» здесь определено в широком значении, охватывая и субъективные права, и законные интересы. В таком же смысле используется термин «интерес» в Конституции РФ (ст. 30), наряду с «законным интересом» (ст. 36, 55).

В узком смысле «законный интерес» существует сам по себе, в логически-смысловой связи с субъективными правами, но автономно от них, т.е. за пределами последних, как самостоятельная правовая категория, опосредующая фактический интерес.

Именно поэтому, как справедливо указывает Ф.О. Богатырев, интерес — это «сквозная» категория, так как юридически значимый интерес либо покрывается субъективным правом, либо выступает в форме охраняемого законом интереса¹⁵.

Субъект может быть заинтересован в чем-либо, но не иметь на это нормативно закрепленного права, при этом находиться в дозволяемой сфере. В таком значении субъективное право и законный интерес являются «различными формами правового опосредования интересов»¹⁶.

Если мы будем говорить об интересе в широком смысле, то увидим, что Р.Ф. Иеринг не ошибается, и противоречие, о котором говорил Г.Ф. Шершеневич, отсутствует. Субъективное право — это действительно юридически защищенный интерес. И как показано выше, многие уважаемые ученые рассматривали интерес составляющей субъективного права.

Г.Ф. Шершеневич указывал, что «интересы обеспечиваются действием объективного права и там, где нет субъективного права»¹⁷. В дальнейшем это положение было развито учеными А.В. Малько, В.В. Субочевым, Д.В. Ше-

пелевым и др. В частности, ученые задумались над вопросом: почему одни дозволения формализованы в виде субъективных прав, а другие — в виде законных интересов? Возник и другой вопрос: одинаково ли объективное право обеспечивает реализацию интересов и субъективных прав?

Ученые выдвинули предположение, что в законных интересах опосредуются интересы, которые право не успело перевести в субъективные права в связи с быстро развивающимися общественными отношениями и которые нельзя типизировать в связи с их индивидуальностью, редкостью, случайностью и т.д.¹⁸. Кроме того, и уровень обеспеченности у них разный. Если субъективные права обеспечиваются прямой корреспондирующей им юридической обязанностью, то в отношении законных интересов эта обязанность сложно-структурирована. Эта обязанность носит общий характер. Законный интерес имеет доказательственную форму реализации. В притязании на то или иное благо интерес подвергается правовой оценке на предмет юридической приемлемости: сначала необходимо у фактического интереса определить признаки законности (непротиворечия закону и т.д.)

В заслугу ученому также можно поставить попытку определить онтологическую природу интереса. «Интерес предполагает, что человек сознает способность блага удовлетворить его потребность и потому стремится к ее удовлетворению этим путем. Сознание и воля — без наличия обоих психических моментов нет интереса»¹⁹, — говорил Г.Ф. Шершеневич.

В дальнейшем в теории права будут обсуждаться три концептуальных подхода, определяющих природу интереса: субъективный, объективный и объективно-субъективный. Субъективисты (Ю.С. Гамбаров, Е.В. Пассек, В.И. Синай-

¹⁵ Богатырев Ф.О. Обязательство с нематериальным интересом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 27.

¹⁶ Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 107.

¹⁷ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 604.

¹⁸ Малько А.В. Законные интересы советских граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 37.

¹⁹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 607.

ский и др.) рассматривают интерес как явление, отражающее свойство человеческого сознания. Интерес посредством мыслительного процесса отдельно взятого субъекта должен быть осознан и реализовываться им по его воле. По мнению объективистов (Г.Е. Глезерман, Г.В. Мальцев, Р.Е. Гукасян, С.В. Михайлов, Д.М. Чечот и др.), интерес существует автономно от воли и сознания человека и полностью определяется внешними по отношению к человеку жизненными условиями. Симбиоз этих двух подходов образовал третью объективно-субъективную концепцию, представителем которой (А.Г. Здравомыслов, Н.И. Матузов, А.В. Малько, В.В. Субочев, Д.В. Шепелев и др.) рассматривают интерес как диалектическое единство объективного и субъективного.

Отдавая должное Г.Ф. Шершеневичу, необходимо отметить, что ученый лишь обозначил научно-исследовательский вектор законных интересов. Мы не увидим в его трудах глубокого правового анализа содержания понятия «законные интересы», классификации, структуры, модели реализации, соотношения с другими правовыми явлениями и проч. (как это мы наблюдаем у современных исследователей В.В. Субочева, А.В. Малько и др.). Напротив, порой Г.Ф. Шершеневич употребляет понятия «интересы» и «законные интересы» как равнозначные. А некоторые его положения выглядят бесспорными.

Так Г.Ф. Шершеневич полагал, что объем понятия «правонарушение» ограничивается лишь нарушенным субъективным правом и не включает в себя нарушение законных интересов. С позиции сегодняшнего дня данное утверждение достаточно спорно. Мы видим, что в ряде случаев нарушение законных интересов влечет за собой самый строгий вид юридической ответственности (см., например, ст. 136, 140, 142, 163, 169, 179, 201, 202, 203 Уголовного кодекса РФ).

Ученый, в частности, указывал: «Если правонарушение есть действие противоправное, то правонарушения нет

там, где действие человека остается в пределах дозволенного объективным правом, хотя бы при этом были нарушены законные интересы другого человека, обеспеченные предоставленным ему субъективным правом»²⁰. Далее в качестве примера профессор Шершеневич ссылаясь на отсутствие противоправности в действиях полиции, применяющей оружие при разгоне толпы, готовящейся к погрому, при этом причиняя погромщикам раны и увечья. По мысли ученого, действия полиции, безусловно, вторгаются в сферу интересов толпы. Интересы толпы страдают при этом, но правонарушения нет, поскольку с точки зрения объективного права, допускающего такое нарушение, защита субъективного права на этот случай не предоставляется, а нарушение *законных интересов* толпы правонарушения не образует.

Очевидно, что эти рассуждения расходятся с современным пониманием законных интересов, одним из конститутивных признаков которых является их *правомерность*. Современники возразили бы сегодня уважаемому ученому, указав, что толпа, имея свой интерес в погроме, носителем законного интереса не является, в силу его противоправного характера.

Интересы человека многообразны и по существу безграничны. При таких условиях задача права видится в определении сферы тех интересов, нарушение которых допускает применение мер правовой защиты. Другими словами, необходимо определить область существования законного интереса, подпадающую под правовую защиту.

Действия толпы, готовящейся к погрому, никак не назовешь правомерными, а, следовательно, интересы толпы в этом случае не могут возводиться в ранг законных, «охраняемых правом вообще от посягательств со стороны других лиц».

Еще французский философ-просветитель К.А. Гельвеций утверждал, что

²⁰ Там же. С. 633.

«добродетельный человек видит в интересе могущественный и всеобщий стимул, который, двигая всеми людьми, влечет их то к пороку, то к добродетели; интерес есть семя, порождающее порок и добродетель»²¹.

Таким образом, направленность интереса может носить как позитивный, так и негативный характер. Закон же будет признавать и охранять только такие субъективные интересы, которые отвечают целям правопорядка и служат его осуществлению.

Будучи позитивистом, Г.Ф. Шершеневич законными считал только те интересы, которые формализованы в правовой норме. Ученый задается вопросом: как поступить, если законному на первый взгляд интересу противостоит несправедливый закон?

«Я нахожу закон несправедливым — я готов и обязан все сделать, чтобы способствовать его изменению, но я и не подумаю отступить от него потому только, что мне кажется несправедливым его действие при данных конкретных обстоятельствах»²².

По Г.Ф. Шершеневичу чувство справедливости должно отойти на второй план. Противопоставление справедливости и естественного права закону Г.Ф. Шершеневич считал опасным для правопорядка и даже вредным, поскольку такая замена «внесла бы пол-

ную неопределенность в человеческие отношения»²³. Г.Ф. Шершеневич настаивал на безусловном применении установленных законов, пусть даже несправедливых, «без критики их годности в каждом частном случае»²⁴.

Очевидно, что такие представления расходятся с современным пониманием справедливости, права и закона. Французский ученый Жан-Луи Бержель отмечал, что «в парадигме правового государства целесообразнее употреблять термин “охраняемый правом интерес”, т.к. право по своему содержанию гораздо богаче закона и выступает по отношению к последнему в качестве первоосновы и образца»²⁵.

Еще одно замечание. Признавая и допуская разнонаправленность индивидуальных (частных) и общих (публичных) интересов, Г.Ф. Шершеневич отдавал приоритет общим, поскольку преобладание первых, по мнению ученого, «должно повести к разрушению общества»²⁶. Частный интерес, таким образом, должен быть подчинен общему.

Современная доктрина права исходит из принципа «баланса частных и публичных интересов», что находит свое отражение в актах Конституционного Суда РФ.

Возможно, Г.Ф. Шершеневич и не учел всех аспектов данного феномена, однако им был сделан первый шаг к его пониманию и задан правильный вектор к научному исследованию и уяснению его содержания.

²³ Там же. С. 461.

²⁴ Там же.

²⁵ Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М.: Nota Bene, 2000. С. 35.

²⁶ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 99.

²¹ Гельвеций К.А. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1974. Т. 2. С. 124, 354.

²² Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897, профессором Казанского университета Г.Ф. Шершеневичем. Казань : Типо-лит. Имп. университета, 1897 // Шершеневич Г.Ф. Избранное / вступ. слово, сост. : П.В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. С. 461.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права : курс. В 2 томах. Т. 2 / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1982. 359 с.
2. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л. Бержель. Москва : Nota Bene, 2000. 575 с.
3. Богатырев Ф.О. Обязательство с нематериальным интересом : диссертация кандидата юридических наук / Ф.О. Богатырев. Москва, 2003. 137 с.
4. Гельвеций К.А. Сочинения. В 2 томах. Т. 2 : перевод / К.А. Гельвеций ; составитель, общее редактирование Х.Н. Момджяна ; примечание М.Н. Делограмматика. Москва : Мысль, 1974. 687 с.

5. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе ; ответственный редактор С.И. Аскназий. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. 143 с.
6. Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право / Е.А. Крашенинников // Правоведение. 2000. № 3. С. 133–141.
7. Латыпова Д.Ф. Институт защиты прав и законных интересов налогоплательщиков / Д.Ф. Латыпова, И.Д. Тайгунова // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа, 16–17 апреля 2015 г.) / ответственный редактор Ф.Х. Галиев. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 17–25.
8. Малько А.В. Законные интересы как правовая категория / А.В. Малько, В.В. Субочев. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2004. 357 с.
9. Малько А.В. Законные интересы советских граждан : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Малько. Саратов, 1985. 207 с.
10. Монтень М. Опыты. В 3 книгах. Кн. 1 / М. Монтень. Москва : Эксмо, 2015. 1216 с.
11. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2 / Л.И. Петражицкий. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1910. 425 с.
12. Терехин В.А. Особенности судебной защиты прав, свобод и законных интересов личности / В.А. Терехин, В.Б. Вершинин // Российский судья. 2010. № 3. С. 37–40.
13. Толстой Ю.К. К теории правоотношений / Ю.К. Толстой. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 88 с.
14. Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897, профессором Казанского университета Г.Ф. Шершеневичем. Казань : Типо-лит. Имп. университета, 1897 // Шершеневич Г.Ф. Избранное / Г.Ф. Шершеневич ; вступительное слово, составитель : П.В. Крашенинников. Москва : Статут, 2016. 496 с.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Издание Бр. Башмаковых, 1910. 805 с.

References

1. Alekseev S.S. *Obschaya teoriya prava : kurs. V 2 tomakh. T. 2* [General Theory of Law : course. In 2 volumes. Vol. 2] / S.S. Alekseev. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1982. 359 s.
2. Bergel J.-L. *Obschaya teoriya prava* [General Theory of Law] / J.-L. Bergel. Moskva : Nota Bene — Moscow : Nota Bene, 2000. 575 s.
3. Bogatyrev F.O. *Obyazatelstvo s nematerialny`m interesom : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk* [Obligation with Intangible Interest : thesis of PhD (Law)] / F.O. Bogatyrev. Moskva — Moscow, 2003. 137 a.
4. Helvétius C.A. *Sochineniya. V 2 tomakh. T. 2 : perevod* [Writings. In 2 volumes. Vol. 2 : translation] / C.A. Helvétius ; sostavitel, obschee redaktirovanie Kh.N. Momdzhyan ; primechanie M.N. Delogrammatika. Moskva : My`sl — compilation, general editing by Kh.N. Momdzhyan ; comment by M.N. Delogrammatik. Moscow : Thought, 1974. 687 s.
5. Ioffe O.S. *Pravootnoshenie po sovetскому grazhdanskому pravu* [Legal Relationship under Soviet Civil Law] / O.S. Ioffe ; otvetstvenny`y redaktor S.I. Asknaziy. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo un-ta — publishing editor S.I. Asknaziy. Leningrad : Publishing house of the Leningrad University, 1949. 143 s.
6. Krasheninnikov E.A. *Interes i subyektivnoe grazhdanskoe pravo* [Interest and Subjective Civil Law] / E.A. Krasheninnikov // Pravovedenie — Legal Studies. 2000. № 3. S. 133–141.
7. Latypova D.F. *Institut zaschity` prav i zakonny`kh interesov nalogoplatelshchikov* [The Institution of Protection of Rights and Legal Interests of Taxpayers] / D.F. Latypova, I.D. Taygunova // Pravovoe gosudarstvo: problemy` ponimaniya i realizatsii : materialy` Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoy 10-letiyu zhurnala 'Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika' (g. Ufa, 16–17 aprelya 2015 g.) / otvetstvenny`y redaktor F.Kh. Galiev. Ufa : RITS BashGU — Law-Governed State: Issues of Understanding and Implementation : proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the Law-Governed State: Theory and Practice

- journal (Ufa, April 16 to 17, 2015) / publishing editor F.Kh. Galiev. Ufa : Editorial and Publishing Center of the Bashkir State University, 2015. S. 17–25.
8. Malko A.V. Zakonny`e interesy` kak pravovaya kategoriya [Legal Interests as a Legal Category] / A.V. Malko, V.V. Subochev. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy Tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 357 s.
 9. Malko A.V. Zakonny`e interesy` sovetskikh grazhdan : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Legal Interests of Soviet Citizens : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.V. Malko. Saratov — Saratov, 1985. 207 s.
 10. Montaigne M. Opy`ty`. V 3 knigakh. Kn. 1 [Essays. In 3 books. Bool 1] / M. Montaigne. Moskva : Eksmo — Moscow : Eksmo, 2015. 1216 s.
 11. Petrazhitskiy L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey npravstvennosti. T. 2 [Theory of Law and State in Relation to the Morality Theory. Vol. 2] / L.I. Petrazhitskiy. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg : Tip. M. Merkusheva — 2nd edition, revised and enlarged. Saint Petersburg : M. Merkushev's printing office, 1910. 425 s.
 12. Terekhin V.A. Osobennosti sudebnoy zaschity` prav, svobod i zakonny`kh interesov lichnosti [Peculiarities of Judicial Protection of Rights, Freedoms and Legal Interests of an Individual] / V.A. Terekhin, V.B. Vershinin // Rossiyskiy sudya — Russian Judge. 2010. № 3. S. 37–40.
 13. Tolstoy Yu.K. K teorii pravootnosheniy [On the Legal Relationship Theory] / Yu.K. Tolstoy. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta — Leningrad : Publishing house of the Leningrad University, 1959. 88 s.
 14. Shershenevich G.F. O chuvstve zakonnosti : publichnaya lektsiya, chitannaya 10 marta 1897, professorom Kazanskogo universiteta G.F. Shershenevichem [On the Feeling of Legality : public lecture delivered by Professor of the Kazan University G.F. Shershenevich on March 10, 1897]. Kazan : Tipo-lit. Imp. universiteta, 1897 // Shershenevich G.F. Izbrannoe / G.F. Shershenevich ; vstupitelnoe slovo, sostavitel : P.V. Krashennnikov. Moskva : Statut — Kazan : Typolithography of the Imperial University, 1897 // Shershenevich G.F. Selected Works / G.F. Shershenevich ; foreword, compiled by P.V. Krashennnikov. Moscow : Statute, 2016. 496 s.
 15. Shershenevich G.F. Obschaya teoriya prava [General Theory of Law] / G.F. Shershenevich. Moskva : Izdanie Br. Bashmakovy`kh — Moscow : Edition of the Bashmakovy Brothers, 1910. 805 s.

Уважаемые коллеги!

Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова» совместно с Издательской группой «Юрист» и Российским профессорским собранием приглашает вас принять участие в Международной научно-практической конференции **«Цифровизация в эпоху развития современного общества»**, которая состоится **9 апреля 2020 года** в Центральном Доме Ученых РАН по адресу: г. Москва, улица Пречистенка, д. 1.

В РАМКАХ КОНФЕРЕНЦИИ БУДУТ РАБОТАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ СЕКЦИИ:

- «Актуальные проблемы правоприменения на современном цифровом этапе развития общества»;
- «Инновационные подходы к управлению в эпоху цифровой экономики»;
- «Языки в эпоху глобализации и проблема сохранения национального достояния»;
- «Журналистика в современной цифровой среде»;
- «Психолого-педагогические аспекты цифровизации общества».

Форма участия в конференции — очная.

Желающим выступить с научным докладом необходимо сообщить тему и прислать аннотацию до **25 марта 2020 года** по адресу электронной почты: impe.griboedova@mail.ru